

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.Н. Ермолаев, А.Ю. Петров** — Торговые отношения
Российско-американской компании с Китаем во вто-
рой половине XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- С.Г. Белоус** — Тимофей Иванович Седельников 22

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.Н. Колотов** — Идеология Хо Ши Мина против француз-
ской стратегии молниеносной войны 39

СООБЩЕНИЯ

- В.В. Филатов** — Сельскохозяйственный налог на Урале
накануне массовой коллективизации 53

- А.В. Тихонова** — Свидетельства «русских швейцарцев» о
революционных событиях 1917 г. 70

- Е.Н. Марасинова** — Покаяние в России в XVIII в. 81

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.Б. Панин** — Охрана, разведка и обеспечение жизнедеятельности на российско-афганской границе (1900—1918 гг.) 98

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- П.В. Фёдоров** — Из истории просвещенной бюрократии в дореформенной России: Н.П. Чичагов 128

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.А. Фокин** — Советские выборы 1960-х гг. как механизм взаимодействия власти и населения 138

- Ф.Г. Галиева** — Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. 146

- В.А. Погадаев** — Правитель яванского государства Сингасари Раджаса (1182—1227) 154

- Ф.Р. Джабаров** — Деятельность князя И.Г. Амилахвари на посту Бакинского временного генерал-губернатора в феврале-июне 1905 г. 158

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Б.А. Ершов, В.Н. Фурсов** — История развития миссионерского служения Русской православной церкви 165

ИСТОРИОГРАФИЯ

- М.Ц. Арзаканян** — Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века 173

Торговые отношения Российско-американской компании с Китаем во второй половине XIX в.

А.Н. Ермолаев, А.Ю. Петров

Аннотация. Работа посвящена изучению особенностей торговли с Китаем крупнейшей в Российской империи монопольной акционерной Российско-американской компании. Публикация основана на обширном круге источников и литературы. Отмечаются основные статьи торговли и приводятся причины ее ослабления и прекращения, что привело к изменению положения России в АТР.

Ключевые слова: Российско-американская компания, Китай, Русская Америка, Дальний Восток, Азиатско-тихоокеанский регион.

Abstract. The work explores the development of trade with China by the largest joint stock monopolistic Russian-American Company in the Russian Empire. It is based on an extensive range of sources and literature with an emphasis on the main items traded and the reasons for the decrease and collapse of this trade resulting in the changing position of Russia in the Asia-Pacific region.

Key words: Russian American Company, China, Russian America, the Far East, Asia-Pacific Region.

В 2017 г. исполняется 150 лет со времени уступки Аляски США. Российско-американская компания (РАК), управлявшая русскими колониями на Аляске, сыграла ключевую роль в освоении Сахалина, Приамурья и, в целом, Дальнего Востока. Велико ее значение в прокладывании основных торговых путей из Иркутска до дальневосточных портов — Охотска и Аяна. При этом историю Русской Америки принято рассматривать в двух аспектах. В узком — это история Аляски, группы Алеутских островов, поселений в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах, то есть территории, находившейся под управлением РАК с 1799 по 1867 г. согласно предос-

Ермолаев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета. E-mail: Alaska13@yandex.ru; *Петров Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: Alaska13@yandex.ru.

Ermolaev Aleksey N. — doctor of historical sciences, professor of the Kemerovo State University. E-mail: Alaska13@yandex.ru; *Petrov Alexander Yu.* — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General History. RAS. E-mail: Alaska13@yandex.ru.

тавленному ей уставу ¹. В широком смысле «Америка» — это термин, который обозначает не столько континент, сколько новую, неизвестную землю.

Только в первой половине XIX в. Россия отправила более пятидесяти кругосветных экспедиций. Они составили гордость отечественного флота, привели к качественным изменениям в науке. Было сделано немало крупных географических открытий. Важно подчеркнуть, что конечной целью практически всех экспедиций была Аляска, а снаряжены они были на средства Российско-американской компании. Важнейшим звеном в деятельности РАК был Дальний Восток, а из стран, соседей Российской империи, Китай. Пушнина, отправляемая из российских колоний, поступала на китайский рынок, в Кяхте обменивалась на чай, который затем продавался в России и других европейских странах. В Главном Правлении РАК подчеркивали: «Кяхтинская чайная торговля наша столь важная и значительная не только собственно в торговом, но и в государственном значении».

Торгово-экономические отношения России и Китая имеют давнюю историю. В 1727 г. после подписания Кяхтинского договора была открыта торговля в приграничной слободе Кяхте, которая до середины XIX в. была практически единственным пунктом русско-китайской торговли. Ежегодный товарооборот в Кяхте в этот период исчислялся миллионами рублей. С середины XIX в. была открыта торговля с Западным Китаем, значительно расширилась приграничная торговля в Сибири и на Дальнем Востоке, была учреждена морская торговля с китайскими портами.

Российско-американская компания была одним из ключевых участников этого процесса. Прибыль от продажи пушнины в Китае шла на содержание колоний, закупку продовольствия и припасов, обеспечение всем необходимым служащих. Наконец, она позволяла выплачивать высокие проценты по акциям, в чем были заинтересованы сотни держателей ценных бумаг — представители самых разных категорий населения: дворяне и чиновники, купцы и предприниматели, мещане и крестьяне.

На протяжении десятилетий сформировалась определенная система кяхтинской торговли. Она заключалась в том, что ежегодно из русских купеческих компаний выбирались уполномоченные или поверенные — по одному от каждой. Эти уполномоченные оценивали качество товаров и определяли, сколько необходимо русской продукции для того, чтобы выменять определенное число китайских товаров и наоборот. Торговля велась исключительно путем обмена. Использование денег, драгоценных металлов и кредита запрещалось ².

Меновой характер коммерческих отношений создавал определенные сложности, торговля становилась многоступенчатой. Русским купцам необходимо было приобрести в России какой-то товар, затем привезти его в Кяхту, где выменять на китайский, а потом вывезти последний и продать в России. Таким образом, схема торговли в Кяхте применительно к русским купцам выглядела следующим образом: деньги — отечественный товар — китайский товар — деньги. Иными словами, русские купцы увеличивали свою прибыль посредством об-

мена русского товара на китайский, с последующей его продажей в России.

При торговле с китайцами РАК находилась в несколько ином положении. Дело в том, что схема ее торговых операций в Кяхте была проще. Компания не нуждалась в покупке какого-то русского товара для продажи его китайцам. Она доставляла в Кяхту уже готовый продукт — пушнину, вывезенную из колоний. Учитывая тот факт, что добыча «мягкой рухляди» велась с использованием труда алеутов и эскимосов, обязанных заниматься этим видом промыслов (что было зафиксировано в уставе компании), затраты РАК на получение своего главного товара были минимальны. Таким образом, схема коммерческих операций в Кяхте была следующей: русский товар — китайский товар — деньги. Российско-американская компания использовала кяхтинскую торговлю, чтобы превратить свой товар в деньги, а не свои деньги — в еще большие деньги, как это было у других купцов. Исходя из этой важной специфики, простой товарообмен в Кяхте вполне устраивал компанию. Можно даже сказать, что он был единственно возможным, так как сама компания в начале XIX в. не располагала наличными денежными средствами, как обычный купец, торгующий с китайцами.

Российско-американская компания вывозила следующие виды пушнины: бобры морские (каланы) и их хвосты, бобры речные, морские котики, лисы и песцы (разных окрасов), рыси, волки, выдры, лапы различных животных (преимущественно лис, песцов и рысей). Лапы были довольно экзотическим товаром, который пользовался спросом в Китае, где их использовали в традиционной медицине ³. Стоит заметить, что в колониях добывались еще некоторые виды животных, популярные больше на внутреннем рынке. Это шкуры медведей, соболей, выхухолей, норок и росомех. Правда, судя по отчетам компании, выхухолей и росомех поставляли в 1840—1843 гг., а с 1844 г. привоз их в Кяхту прекратился ⁴.

Динамика пушной торговли РАК в Кяхте в 1840-х гг. выглядит следующим образом. В 1842—1849 гг. в колониях добывалось в среднем 38 925 шкур различных животных. Из них вывозилось в Кяхту в среднем 26 271 шкура в год. Таким образом, в 1840-х гг. кяхтинский рынок по сбыту пушнины был главным для Российско-американской компании. В Кяхту доставлялось около 67% всех добываемых в колониях мехов. Остальные шкуры продавались в России (Санкт-Петербурге, Иркутске и др. городах). В России продавалось около 33% от «мягкой рухляди», добываемой в колониях. Стоит, правда, заметить, что уже в этот период наблюдался процесс снижения значимости кяхтинского рынка. Если 1842 г. в колониях было добыто 37 129 шкур животных, а вывезено в Кяхту 31 014 шкур или более 83%, то в 1849 г. было добыто 46 304 шкуры, а вывезено в Кяхту только 11 963 или чуть менее 26% ⁵.

Главным образом пушнину в Кяхте меняли на чай. Торговля им была очень важна для Российско-американской компании. Получение наличных денег было возможно только после того, как вымеченный в Кяхте чай удавалось продать на внутреннем рынке России. Без живых денег невозможно было закупать товары для колоний, выплачивать дивиденды по акциям и вообще совершать какие-либо торговые операции.

В 1840-х гг. Российско-американская компания вела довольно успешную чайную торговлю. В 1844—1847 гг. приобретение чая было максимальным, ежегодно выменивалось более 6 тыс. мест (ящиков) чая. Наиболее успешным был 1844 г., когда удалось получить 8 177 мест чая. Меньше всего чая оказалось в 1849 г. — 3 142 места. Компания получала преимущественно дорогие сорта чая (цветочные), низкосортный чай (кирпичный) не вызывал коммерческого интереса. По данным на 1843 г. лучшие цветочные сорта составляли 68% от всего чая, выменанного РАК в Кяхте ⁶.

В 1840-х гг. главными центрами сбыта кяхтинского чая были Нижегородская ярмарка и Москва. Небольшое его количество РАК перевозила в колонии через Аянский порт. Например, в 1844 г. в колонии было направлено 12 ящиков, а в 1850 г. в Русскую Америку поступило уже 489. Однако собственное колониальное потребление чая все равно было гораздо меньше того количества, которое продавалось на внутреннем российском рынке. Подробные сведения о сбыте чая имеются в отчетах за 1840—1843 годы. Из них видно, что Российско-американская компания продавала в Москве ежегодно около 1—2 тыс. мест чая, что составляло порядка 20—25% всего поступавшего в продажу кяхтинского чая. Большую часть (4—5 тыс. мест) компания реализовывала на Нижегородской ярмарке. Стоимость одного места чая в 1840 г., как в Москве, так и в Нижнем Новгороде, была очень высокой и доходила до 180 руб. за ящик ⁷.

Если обратить внимание на положение РАК в чайной торговле среди других предпринимателей, торговавших в Кяхте, то можно заметить, что компания была достаточно крупным игроком кяхтинского рынка. В 1843—1849 гг. в Кяхте торговало в среднем 76 купеческих предприятий или фирм, которые выменивали у китайцев 146 тыс. ящиков чая ежегодно. То есть на одну фирму приходилась 1,9 тыс. ящиков чая в год. РАК в этот же период выменивала в среднем около 5,8 тыс. ящиков. Таким образом, РАК получала чая в 2—2,5 раза больше, чем среднестатистический предприниматель. Товарооборот РАК в Кяхте составлял около 200 тыс. руб. в год. В конце 1840-х — начале 1850-х гг. большую часть участников кяхтинского торгового оборота составляли купцы с торговым оборотом в 90 тыс. руб. в год и более ⁸.

Таможенные пошлины практически на все сорта чая были весьма высокими. Они составляли от 60 до 120% от объявленной цены чая. По тарифу 28 ноября 1841 г., введенному в действие с 1 ноября 1842 г., зеленый чай лучших сортов облагался 75 коп. серебром с фунта, зеленый простой — 47 коп., черный — 60 коп., кирпичный — 10 коп. с фунта. В 1845 г. пошлины были изменены. С черного чая вместо 60 коп. стали взимать только 40 коп. с фунта серебром, а с зеленых сортов лучшего чая — 80 копеек. В 1849 г. пошлина с этих сортов была вновь уменьшена до 70 коп. с фунта. Таможенная политика России способствовала тому, что купцы стали закупать больше черного чая, приобретение зеленого чая лучшего сорта уменьшилось. Для Российско-американской компании, сделавшей ставку на приобретение дорогих цветочных чаев, это было невыгодно ⁹.

С конца 1840-х гг. в кяхтинской торговле Российско-американской компании стали наблюдаться кризисные явления. Не все шкуры

животных, вывезенных в Кяхту, удавалось выменять в текущем году. До 1845 г. реализация была практически стопроцентной. Но, начиная с 1846 г., на складах РАК в Кяхте стали скапливаться остатки. Так, в 1847 г. было привезено 34 212 шкур различных животных, остались нереализованными 2100 шкур (6%). В следующем году ситуация ухудшилась. Всего в 1848 г. было завезено 25 344 шкуры, осталось 15 803 шкуры (62%). Спросом у китайцев не пользовались морские бобры. Удалось сдать только незначительное количество шкур речных бобров, песцов и рысей. Всего в том году было завезено 15 826 шкур, а осталось 10 392 (65%)¹⁰.

Из-за того, что не всю пушнину удавалось реализовать, стало снижаться количество приобретаемого чая. Если в 1847 г. было вымемнено 5 740 мест чая, то в 1849 г. — только 3 142 места. Реализация чая тоже оставляла желать лучшего. В отчете за 1849 г. впервые указано, что не удалось продать 1 256 мест чая, что составляло почти треть от всего продукта, приобретенного в Кяхте¹¹.

Однако кризисные явления конца 1840-х гг. не повлекли за собой серьезных изменений в кяхтинской торговле РАК. В 1850—1852 гг. коммерческие отношения с Китаем нормализовались. В течение трех лет РАК удавалось получать ежегодно до 4 тыс. мест чая, который шел почти целиком на внутренний рынок.

Между тем, в 1853 г. торговля в Кяхте замерла¹². Сложная ситуация была вызвана во многом внутренними беспорядками в Китае. В 1851 г. там вспыхнуло восстание тайпинов. Весной 1853 г. они взяли город Нанкин и провозгласили его столицей своего государства. Тайпинское восстание нанесло большой урон кяхтинской торговле. Дело в том, что чай в Кяхту доставлялся из Южного Китая. В результате восстания перевозки чая прекратились, тайпины перехватили все караваны с чаем, направлявшиеся в Кяхту. Стоит также заметить, что Российско-американская компания с конца 1840-х гг. стала постепенно сдавать свои позиции в кяхтинской торговле. Это было связано с тем, что изменилась таможенная политика государства. Послабления, предоставленные правительством для сбора пошлин с дешевых сортов чая, были невыгодны компании, так как она занималась закупками дорогих сортов. В результате усилилась конкуренция между компанией и другими участниками торга. В этой конкурентной борьбе РАК стала сдавать свои позиции.

Для компенсации утраты кяхтинского рынка было решено освоить новые пункты торговли с Китаем. По Кульджинскому договору 1851 г. официально была разрешена торговля с Западным Китаем в провинции Синьцзян. Летом 1853 г. РАК отправила караван пушнины, предназначенный для Кяхты, в западно-китайский город Чугучак. В провинцию Синьцзян он прибыл в сентябре того же года. Перевозкой груза руководил помощник правителя Иркутской конторы РАК Титов. Синьцзянские купцы не были знакомы с пушными товарами компании, поэтому они очень осторожно отнеслись к приобретению мехов. Удалось выменять на чай только часть привезенного в Чугучак товара. В дальнейшем компания больше не пыталась торговать в Западном Китае¹³.

Другим рынком сбыта пушнины стали морские порты Китая. Как известно, попытки открыть морскую торговлю с этой страной компа-

ния предприняла еще в начале XIX века. Во время первой кругосветной экспедиции корабль «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна посетил китайский порт Кантон (декабрь 1805 — январь 1806 г.). Во время пребывания корабля в порту была произведена торговля с китайцами. Агенты РАК продали колониальную пушнину и закупили чай, фарфор и китайку (вид ткани). Однако китайские власти, заботясь о поддержании сухопутной торговли с Россией в Кяхте и защищая политику самоизоляции, запретили в будущем русским кораблям посещать китайские порты¹⁴. После поражения Китая в опиумной войне (1840—1842 гг.) правительство было вынуждено открыть для морской торговли несколько портов. В уставе РАК, утвержденном в 1844 г., предусматривалась возможность торговли с морскими портами Китая. В конце 1840-х гг. директора РАК решили воспользоваться этим правом и обратились в правительство с просьбой учредить морскую торговлю с китайскими портами. Главным был следующий вопрос: каким тарифом облагать товары, доставляемые морем? Компания ходатайствовала о применении кяхтинского тарифа к морской торговле. Обсуждением вопроса занимались несколько министерств. Разрешение было дано. Правда, объемы завозимого чая были ограничены 2 тыс. ящиков. Это было сделано в целях сохранения кяхтинской торговли и ограждения купцов, торгующих в Кяхте, от возможных финансовых потерь. Первоначально позволялось привозить чай из морских портов Китая в течение двух лет. Впоследствии было разрешено завозить по 4 тыс. ящиков в год, а сроки были продлены на неограниченное время (вплоть до особых распоряжений правительства). Доставляемый Российско-американской компанией морем чай облагался кяхтинским таможенным тарифом. Это было очень выгодно для РАК, так как ее издержки на такую перевозку были ниже, чем сухим путем¹⁵.

Главное правление РАК для учреждения морской торговли с Китаем избрало порт Шанхай. Первая торговая операция была произведена в 1848 году. По распоряжению директоров РАК, главный правитель колоний М.Д. Тебенков направил в Шанхай барк «Князь Меншиков» под командованием шкипера И.В. Линденберга. На корабле было 6 200 шкур различных животных. Китайские власти не дали разрешения на торговлю, но Линденбергу удалось через посредничество британского консула и одной из английских фирм обменять всю пушнину на чай. В октябре 1848 г. «Князь Меншиков» благополучно вернулся в Ново-Архангельск. Часть чая затем была доставлена в Санкт-Петербург¹⁶. Первая морская торговая операция была признана успешной, в дальнейшем компания стала вести регулярную торговлю с Шанхаем. Судя по отчетам РАК, всего за 1850—1863 гг. в Шанхай прибыло 20 судов (12 кораблей РАК, 8 — зафрахтованных). Маршрут шел из Ново-Архангельска в Шанхай, а затем — вокруг Азии в Санкт-Петербург. В Шанхае действовал агент компании, который распоряжался всеми торговыми операциями. Чай, привозимый морем из Китая, продавался преимущественно в Санкт-Петербурге¹⁷.

Таким образом, с середины XIX в. произошла дифференциация торговли Российско-американской компании с Китаем. Теперь она

шла в Кяхте, Шанхае и Синьцзяне (в 1853 г.). Между тем, вопрос о прекращении кяхтинской торговли привлек внимание российского правительства. В ноябре 1853 г. был создан специальный комитет, которому было поручено изучить кяхтинскую торговлю и выработать меры к ее развитию. Правительственный комитет пришел к выводу, что для восстановления коммерческих отношений необходимо разрешить хождение в Кяхте звонкой монеты и серебряных изделий. Спрос на серебро в Китае возрос после поражения в опиумной войне, по результатам которой это государство должно было заплатить огромную контрибуцию Англии и Франции.

В результате длительного обсуждения вопроса в Сибирском комитете было принято решение о подчинении кяхтинской торговли общим правилам. 1 августа 1855 г. император подписал указ, разрешивший использование серебряной и золотой монеты в коммерческих отношениях с Китаем. Правда, были наложены ограничения. Оплата китайских товаров деньгами не должна была превышать одной трети от стоимости российских мануфактурных изделий и половины — от стоимости пушнины. Цены на все товары были объявлены свободными, они формировались лишь продавцами и покупателями. К торговле были допущены купцы 2-й гильдии¹⁸.

Либерализация кяхтинской торговли, использование денег и драгоценных металлов еще больше усилили позиции конкурентов Российско-американской компании. Российские и сибирские купцы, торговавшие в Кяхте, давно добивались такого разрешения. При использовании в расчетах с китайцами живых денег значительно упрощалась схема торговых операций. Теперь купцам не нужно было закупать товары в России и везти их в Кяхту. Они могли приезжать на границу с Китаем со своими деньгами, закупать необходимые товары и продавать их потом в России. Что же касается Российско-американской компании, то для нее использование денег в Кяхте было невыгодно. Она не располагала достаточными наличными денежными средствами. Наоборот, главной ее целью было превращение в Кяхте товара в деньги. Поэтому введение в оборот наличной денежной массы подорвало позиции Российско-американской компании. Как это ни странно, но передовая по своей сути акционерная компания не была заинтересована в использовании рыночных механизмов торговли в Кяхте. Простые обменные операции для нее были выгоднее, чем расчеты живыми деньгами.

После введения в торговые операции денег кяхтиская торговля РАК еще больше ослабла. Соотношение всех рынков сбыта пушнины, добываемой компанией в колониях с 1850 по 1863 г., представлено в таблице. Заметим, что в отчетах Главного правления РАК имеются неполные данные. За период с 1854 по 1859 г. в них вообще нет сведений о количестве вывозимой в Шанхай пушнины. Хотя точно известно, что приобретение чая в этот же период там производилось. Вероятно, закупка чая производилась живыми деньгами, без использования средств, полученных от продажи мехов.

Таблица № 1. Доставка пушнины РАК к местам сбыта

Год	Кяхта	Шанхай	Россия (Санкт-Петербург, Иркутск и др. города)	Нью-Йорк
	Меха (штук)	Меха (штук)	Меха (штук)	Меха (штук)
1850	15 243	13 787	14 508	
1851	23 052	11 638	5954	
1852	27 003	11 887	41 369	
1853		5026	11 973	
1854	78		10 305	
1855	10 592		15 636	33 971
1856	10 524		9571	45 084
1857	10 532		29 021	5934
1858	14 896		25 674	17 437
1859	10 095		28 846	
1860	13 809	35 281	19 900	
1861	275	17 494	20 303	3139
1862	12 645	5600	31 107	30 000
1863	8670	11 073	28 413	30 039

Источники: ОГП РАК за 1850. СПб. 1851. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1851 г. СПб. 1852. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1852 г. СПб. 1853. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1853 г. СПб. 1854. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1854—1855 гг. СПб. 1856. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1856 г. СПб. 1857. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1857 г. СПб. 1858. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1858 г. СПб. 1859. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1859 г. СПб. 1860. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1860 г. СПб. 1861. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1861 г. СПб. 1862. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1862 г. СПб. 1863. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1863 г. СПб. 1865. Приложение 2—3.

Примечание 1. Кроме этого, во время Крымской войны пушнина продавалась в Гамбурге. В таблице эти данные не показаны.

Примечание 2. В таблице указаны меха, проданные в указанном году. В Шанхае за период 1850—1853, 1860 гг. указаны меха, доставленные для продажи (так в отчетах), за другие годы — продаваемые меха.

Из таблицы видно, что в 1850—1852 гг. основными рынками сбыта пушнины были Кяхта, Россия и Шанхай. При этом в Кяхте в эти годы было продано 65 298 шкур, в России — 61 831 шкура, в Шанхай было завезено 37 312 шкур. В процентном отношении сбыт пушнины по этим трем рынкам был следующий: Кяхта — 39,6%, Россия — 37,5%, Шанхай — 22,9%. В 1853 г. из-за приостановки кяхтинской торговли структура рынка изменилась. В России было продано 11 973 шкуры, в Шанхае — 5026 шкур.

За период 1854—1859 гг. в отчетах Главного правления РАК не указаны данные о поставках и продаже пушнины в Шанхае. Правда, в 1855 г. сказано, что в наличии в Шанхае была партия мехов из 11 113 шкур. По данным Тихменева, эта партия была направлена в Шанхай во время Крымской войны. Из-за внутренних беспорядков в Китае и восстания тайпинов эту партию не могли продать. В 1856 г. ситуация осложнилась еще больше, началась вторая опиумная война. В результате партию пушнины вывезли сначала в Сан-Франциско, где тоже не нашлось покупателя. Потом ее отправили в Нью-Йорк и продали по выгодной для РАК цене¹⁹. В следующие несколько лет Российско-американская компания, видимо, не поставляла пушнину

в Шанхай. В 1856—1858 гг. велись активные военные действия англичан, французов и американцев против Китая, были блокированы многие порты. В 1858 г. китайцы вынуждены были подписать Тяньцзиньские договоры, согласно которым для морской торговли были открыты новые порты, европейцы и американцы получили торговые преимущества и учредили посольства в Пекине. В 1860 г. англичане и французы продолжили военные действия, был взят и разграблен Пекин. В результате были заключены дополнительные договоры, подтверждавшие Тяньцзиньские протоколы. Европейцы получили морские базы (Англия захватила Гонконг), Китай обязан был выплатить огромную контрибуцию.

Важно отметить, что во время военных действия Российско-американская компания продолжала покупать чай в Шанхае. Учитывая тот факт, что у компании в это время были лишь ограниченные запасы пушнины в этом городе, можно предположить, что закупки производились за наличные деньги.

1858 г. стал для компании одним из самых удачных за всю ее историю. Опубликованный в начале 1859 г. отчет ГП РАК представлял компанию в весьма благоприятном свете ²⁰. Приказчикам РАК удалось заключить выгодные соглашения с китайцами. В этой ситуации даже при невыгодной рыночной конъюнктуре на пушном рынке компания могла приобрести необходимые партии чая под краткосрочные векселя с условием их погашения в следующем году. Существенным плюсом такой практики являлась непрерывность товарооборота компании и стабильность доходов, а минусом — сложность контроля за ростом задолженности. Между тем, в 1858 г. у китайцев было куплено не менее 7 тыс. мест чая ²¹. Директора РАК просили главного правителя Русской Америки С.В. Воеводского обратить самое пристальное внимание на своевременную отpravку судов из колоний с пушниной и, главное, на качество мехов. Наиболее значительную часть груза «мягкой рухляди» Воеводский должен был направить в Китай, при этом ГП РАК ставило в прямую зависимость снабжение колоний некоторыми продуктам, в частности, чаем, от успеха этого рейса ²². Можно сказать, что к этому времени торговля с Китаем в Шанхае имела для РАК важное значение. Об этом члены главного правления прямо писали Воеводскому и И.В. Фуругельму ²³.

В результате энергичных действий приказчиков компании в Шанхае и Кяхте общие доходы от чайной торговли составили более 600 тыс. руб., в то время как сделки с пушниной принесли 142 934 руб. 01 копейку.

За период 1860—1863 гг. имеются полные данные по всем рынкам сбыта пушнины. Необходимо обратить внимание, что в эти годы к ранее существовавшим рынкам (Россия, Кяхта, Шанхай) добавился Нью-Йорк. Еще во время Крымской войны РАК стала сбывать там пушнину. В 1860 г. продажа пушнины там не производилась, зато в 1861—1863 гг. туда вывозили довольно много «мягкой рухляди». Итак, в указанный четырехлетний период в Кяхте было продано 35 399 шкур, в России — 99 723, в Шанхае — 69 448, в Нью-Йорке — 63 178 шкур. Соотношение рынков сбыта выглядит следующим образом: Россия — 37,2%, Шанхай — 26%, Нью-Йорк — 23,6%, Кяхта —

13,2%. Кяхтинский рынок с первого места по сбыту пушнины переместился на последнее, Россия оказалась на первом месте. Шанхай и Нью-Йорк занимали среднее положение, в каждом из этих городов сбывалось около четверти всего меха.

Если проанализировать исключительно китайский рынок, то можно заметить, что соотношение Кяхты и Шанхая серьезно изменилось. В 1850—1852 гг. в Китае сбывалось в среднем 34 203 шкуры различных животных в год. Доля Кяхты составляла 63,6% от всей пушнины, доля Шанхая — 36,4%. В период 1860—1863 гг. ежегодно в Китае сбывалось 26 212 шкур. Доля Шанхая составляла 66,3%, доля Кяхты — 33,7% пушнины. То есть китайский рынок сократился с 34 тыс. до 26 тыс. шкур в год или почти на четверть. Но при этом соотношение Кяхты и Шанхая изменилось кардинальным образом. Если в начале 1850-х гг. в Кяхте продавалось $\frac{2}{3}$ всей пушнины, поставляемой китайцам, то в начале 1860-х гг. — только $\frac{1}{3}$. Соответственно, доля Шанхая поднялась с $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ всей пушнины.

Главным и практически единственным предметом вывоза из Шанхая был чай. Именно на него сделали ставку директора РАК при производстве торговых операций в этом морском порту. Отчеты Главного правления РАК позволяют представить данные о вывозе чая из Кяхты и Шанхая в таблице.

Таблица № 2. Чайная торговля РАК

Год	Привезено через Кяхту (ящиков)		Привезено через Шанхай (ящиков)		Всего привезено (ящиков)
	количество	процент	количество	процент	
1850	3154				3154
1851	4436	90%	489	10%	4925
1852	4250	67%	2052	33%	6302
1853	0	0%	1930	100%	1930
1854	69	2%	2906	98%	2975
1855	1157	25%	3514	75%	4671
1856	1043	19%	4536	81%	5579
1857	1633	100%	0	0%	1633
1858	2335	32%	4943	68%	7278
1859	2009	28%	5096	72%	7105
1860	2425	33%	5014	67%	7439
1861	85	1%	5939	99%	6024
1862	2344	34%	4977	66%	7021
1863	1005	9%	9837	91%	10 842

Источники: ОГП РАК за 1850. СПб. 1851. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1851 г. СПб. 1852. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1852 г. СПб. 1853. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1853 г. СПб. 1854. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1854—1855 гг. СПб. 1856. Приложение № 2—3; ОГП РАК за 1856 г. СПб. 1857. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1857 г. СПб. 1858. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1858 г. СПб. 1859. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1859 г. СПб. 1860. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1860 г. СПб. 1861. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1861 г. СПб. 1862. Приложение 2,3; ОГП РАК за 1862 г. СПб. 1863. Приложение 2—3; ОГП РАК за 1863 г. СПб. 1865. Приложение 2—3.

Примечание. В таблице указан вывезенный чай, количество которого отличается от реализованного.

Из таблицы видно, что в начале 1850-х гг. доля чая, вывезенного компанией в Россию морем, составляла около 25%. В основном чай поступал в страну через Кяхту. После прекращения кяхтинского торгова в 1853 г. и кризиса кяхтинской торговли ситуация изменилась. Уже с 1854 г. доля шанхайского чая стала доходить до 80%. В дальнейшем этот показатель оставался примерно на таком же уровне. В некоторые годы (1861, 1863) шанхайский чай составлял более 90% всего чая, завозимого РАК. Исключением был 1857 г., когда из Шанхая не было получено ни одного ящика чая.

Если говорить об абсолютных показателях, то можно заметить, что количество вывозимого Российско-американской компанией чая из Китая постоянно росло. В 1850—1852 гг. в среднем вывозилось около 4,8 тыс. ящиков. В 1860—1864 гг. — 7,8 тыс. ящиков. Увеличение произошло почти в два раза. Самым «урожайным» был 1863 г., когда из Китая было вывезено более 10 тыс. ящиков. Причем 90% поступили в Россию по морю, через Шанхай. При этом стоит обратить внимание на то, что в эти же годы сбыт пушнины в Китае сокращался. Выше уже было показано, что в начале 1860-х гг. сбыт пушнины в Китае сократился с 34 тыс. до 26 тыс. шкур в год (или на 24%).

В 1858—1859 гг. из привезенной партии шанхайского чая продавалось почти все. Остаток на конец года составлял 50—60 ящиков или около 1%. В 1860 г. из партии в 5 014 ящиков остались непроданными 592 ящика или 12%. В 1861 г. ситуация стала еще хуже. Из имевшейся партии шанхайского чая в 5 939 ящиков (плюс 592 от старой партии) было продано только 3 728 ящиков, 2 803 ящика (43%) остались непроданными. В следующем году компании удалось значительно выправить ситуацию. Всего в наличии имелось 7 780 ящиков (из них вновь привезенных было 4 977 ящиков). Удалось продать 7 593 ящика, непроданными остались 187 ящиков (2,5%). Катастрофическим оказался 1863 год. В этом году было доставлено в Россию рекордное количество шанхайского чая (9 837 ящиков). Продать удалось только 106 ящиков. Непроданным остался 9 731 ящик (99%)²⁴.

Сухопутная торговля в Кяхте в 1860-е гг. приносила незначительные доходы РАК. В 1861 г. она выменяла в Кяхте только 85 мест чая. В отчете это объяснялось тем, что китайцы «поддерживали очень высокие променные цены на чай». При этом они с успехом продавали чай за серебро и звонкую монету, которых у РАК не было. Менять пушнину с убытком для себя было невыгодно. Компания пыталась выйти из затруднительного положения путем отправки во внутренние регионы Китая каравана с пушниной. Такая торговля была разрешена 5-й статьей Пекинского договора 1860 года. Первый караван с товарами вышел весной 1861 года. Компания отправила с ним небольшую партию пушнины под присмотром своего агента. В Тяньцзине была сделана попытка продать товар, но никто из китайских купцов не захотел приобретать пушнину по цене, предложенной агентом компании. В результате товар был оставлен на попечение компанейского агента «до тех пор, пока откроется возможность к сбыту мехов»²⁵.

1862 г. оказался довольно неплохим для кяхтинской торговли РАК. Удалось выменять 2344 места чая «без всякого прибавления

металла в счет условленной платы». Однако это был последний удачный год для компании. При хороших показателях чайной торговли компания заплатила очень высокие пошлины, что негативно отразилось на ее финансовом состоянии.

Караванная торговля оправдалась лишь частично. Даже несмотря на то, что агент компании разделил партию пушнины на несколько мелких частей и направил их в разные города внутреннего Китая, все равно не удалось реализовать пушнину по выгодным для компании ценам.

В 1863 г. компания установила абсолютный рекорд за всю историю своего существования, приобретя 10 842 «места» чая. При этом это были действительно качественные и дорогие сорта. Одна партия была доставлена в Кронштадт на корабле «Камчатка», принадлежавшем Российско-американской компании, а вторая на зафрахтованных судах отправлена вокруг света, но «по позднему времени года могла быть доставлена только в Гамбург»²⁶. При этом, как неоднократно подчеркивали директора компании, привозимый из Шанхая чай пользовался известностью и с успехом конкурировал на отечественном рынке с лучшими сортами чая, которые доставлялись англичанами.

Казалось бы, с таким показателем доходы компании должны были существенно возрасти. Но, вопреки ожиданиям директоров компании, первая партия чая оставалась в течение всего 1863 г. непроданной. ГП РАК никак не хотело сбывать чай по низким ценам, надеясь, что ситуация на рынке станет более благоприятной. В результате было принято решение отложить представление отчета на некоторое время, которое, как видно, затянулось на долгие месяцы. В итоге первая партия была реализована в Санкт-Петербурге с большими потерями для компании.

Со второй партией произошла не менее драматичная история: 512 ящиков чая оказались поврежденными во время их транспортировки, но, так как груз был застрахован, РАК удалось получить за них страховую выплату по выгодной для компании цене. Сложнее обстояли дела с оставшимся грузом. Цена, которую предлагали РАК в Гамбурге, совершенно не устроила компанию, и было принято решение направить оставшуюся партию в Петербург, но, когда чай был доставлен, оказалось, что его можно было продать с еще меньшей выгодой. Воспользовавшись сведениями, полученными с Нижегородской ярмарки о «возвышении цен на чай», служащие компании направили его туда, «однако ж, несмотря на все усилия, чай эти остались непроданными до конца 1864 г.». В результате доходы РАК от чайной торговли составили 21 149 руб. 02 коп., что на 401 994 руб. 01 коп. меньше, чем в 1862 году. Иными словами, доходы от чайной торговли уменьшились за год в 20 раз.

ГП РАК в своем отчете объяснял «упадок чайной торговли... усилившимся привозом чаев, хотя и низких сортов, из зарубежных рынков, и в особенности вторжение контрабанды через западную границу»²⁷. В специальной секретной записке о чайной торговле объяснялся механизм поступления на рынок контрабандного чая. Например, через Финляндию поступал более дешевый чай, который англичане приобретали в Кантоне, а затем упаковывали в оберточную бумагу,

на которой значилось наименование кяхтинского чая²⁸. В обход кяхтинской таможни контрабандисты переправляли через границу целые караваны чая. В частности, «нанкинский или семипалатинский чай...» шел «... также из Китая, но не через Кяхту, а... из западного Китая... на сибирскую и оренбургскую линии, почему и составляет относительно Китая контрабанду»²⁹. Весь чай, который поступал контрабандно, был вдвое, а то и в несколько раз дешевле, чем тот, который приобретался и ввозился законным путем.

Главное правление Российско-американской компании, возможно, несколько преувеличивало то, что по качеству контрабандный чай сильно уступал подлинному, однако признавало, что бороться с контрабандой было очень сложно как по причине трудности поимки и изобличения контрабандистов, так и потому, что усилившаяся конкуренция на рынке чайной торговли привела к критической ситуации. Торговля чаем в Кяхте и последующая его продажа в России были достаточно сложными процессами, так как требовался точный расчет и анализ рынка, в противном случае вместо ожидаемой прибыли купца или компанию ждал убыток. В «Записке» точно и красочно передается специфика торговли с китайцами: «Купцы наши не могут рассчитывать обороты свои по той цене, в какой отдают произведения свои китайцам, но по цене, по которой чай продается на нижегородской ярмарке, или, лучше сказать, купцы наши вовсе не могут считаться с китайцами на деньги, а усчитывают товар на товар, определяя впоследствии, во что им чай обошелся. От этого китайцы, действующие единодушно, возвысили чай свой до такой нарицательной цены, что могут продавать в Пекине полученный за него товар наш дешевле того, как он продается у нас, а наши купцы должны продавать чай в такую цену, чтобы вознаградить потерю, понесенную на мене, и сверх того получить барыши»³⁰. Пошлины на чай составляли 60 коп. с фунта, при этом одинаково облагались как дорогие, так и более дешевые сорта чая, в результате купцы вынуждены были значительно поднимать цену, по которой чай продавался на российских рынках. К началу 1860-х гг. покупать чай у китайцев в Кяхте и платить высокие пошлины, соперничая при этом на российском рынке с дешевым контрабандным чаем, стало очень сложно.

Не имея возможности бороться с контрабандой на границе, в 1861 г.³¹ таможню перевели в Иркутск, а китайцам разрешили вести беспошлинную торговлю в России на расстоянии 50 верст от границы³². С того же года на территории Забайкалья и Амурской области объявили порто-франко (свободный порт), в пределах которого разрешается свободный, беспошлинный ввоз и вывоз иностранных товаров³³.

Это обуславливалось тем, что сибирские чаоторговцы так же, как и торговцы мехами, поддержали идею освоения амурского пути в «Великий Океан», и в 1859 г. были посланы три коммерческих агента по Амуру в Николаевск, а затем в Шанхай и Японию для изучения возможностей рынка. 2 августа 1860 г. военный губернатор Приморской области посчитал ввоз чая через Николаевск полезным и необходимым. Для реализации этой идеи было создано «Кяхтинско-Амурское товарищество», которое должно было снабжать чаем население Амурского бассейна и частично Забайкалья.

Несмотря на принятие порто-франко, было более выгодно доставлять товары морским путем. Так, морская перевозка из Китая до Санкт-Петербурга обходилась по 12 руб. 60 коп. за пуд чая, а сухопутным путем через Кяхту — по 18 руб. 60 копеек. В это же время русские купцы начали завозить свои товары непосредственно в Китай и закупать там чай, отправляя его морем в Одессу, откуда он расходился по многим городам России. Монополия Кяхты в русско-китайской торговле закончилась. Из главного центра Кяхта превратилась в транзитный пункт. Тем не менее, ввоз китайского чая через Кяхту увеличился. Дело в том, что морским путем вывозили, главным образом, более дорогой, байховый, чай; кирпичный же и зеленый сорта, ставшие предметом широкого потребления в России, продолжали в большом количестве поступать традиционным путем через Кяхту.

Однако, как признавали директора РАК, «вся вообще русская разменная торговля на Кяхте в начале 1863 г. шла с весьма малым успехом»³⁴. В Главном правлении усматривали причину этого в том, что китайские торговые дома привезли в Кяхту немного хороших сортов чая, который они хотели продавать исключительно за серебро, а мануфактурные изделия и пушнина находили малый спрос. Не увенчалась успехом и попытка продажи мехов компанией непосредственно в Калгане, где китайцы также не могли предложить устраивавшую компанию цену. Поэтому, «ввиду вышеизложенных неблагоприятных обстоятельств кяхтинской торговли, дальнейшее существование там компанейской конторы утратило свою цель». В ноябре 1863 г. ГП РАК направило главному правителю Русской Америки И.В. Фургельму обстоятельную бумагу, где ему предписывалось больше не направлять пушнину из колоний в Кяхту³⁵. Этим предписанием Главное правление поставило точку в длительной истории торговли Российско-американской компании с китайцами в Кяхте.

С перенесением кяхтинской таможни в Иркутск в этом городе «сосредоточилось все производство по этой части». Таким образом, после 1861 г. Иркутск из крупного перевалочного пункта становится таможенным городом. ГП РАК было вынуждено принять непростое решение о закрытии 1 января 1864 г. кяхтинской конторы, переведя все оставшиеся там товары в Иркутск. «С упразднением кяхтинской конторы последовало сокращение расхода на сумму до 7 000 руб. серебром в год»³⁶.

В целях борьбы с контрабандой и увеличения таможенных доходов в том же 1861 г. был снят запрет 1822 г. на ввоз в Россию китайского чая из Европы, что поставило компанию в еще более затруднительное положение.

О том, что торговля чаем приносит большие барыши, было известно не только РАК, но и многим русским и иностранным купцам, стремившимся на чайный рынок. Но, в отличие от монопольной тихоокеанской пушной торговли, в чайной торговле приходилось конкурировать как с частными купцами, так и с контрабандистами, при этом учитывать изменяющуюся политику правительства в невыгодную для компании сторону.

Однако нельзя всю вину возлагать на эти факторы. Значительная доля ответственности лежала на Главном правлении РАК, кото-

рое со второй половины 50-х гг. XIX в. допустило стратегические просчеты при планировании торговых операций. Сделав вывод, что благосостояние компании зависит от торговли чаем, ГП РАК направило все свои ресурсы на покупку качественных, пользовавшихся спросом сортов китайского чая. При этом не был проведен анализ рынка, не учтены возможные риски и влияние на дела РАК политических событий. Диверсификации источников прибыли даже не рассматривалась, настолько ГП РАК было уверено в процветании чайной торговли и, соответственно, своем благополучии. Когда же цены на чай резко упали, а российский рынок наводнили контрабандным дешевым чаем, директора компании были вынуждены «приостановиться на некоторое время с заказом чаев из Китая, впредь до прекращения хода чайной торговли»³⁷. Эта мера была не предупреждающей, а вынужденной реакцией на изменение рыночной конъюнктуры. Совсем не учитывалось, что затруднения с чайной торговлей были временными, и полный отказ от покупки чая в Кяхте едва ли был грамотным шагом, ведь с возвращением цен на прежний уровень компании пришлось бы вновь завоевывать себе место на рынке, что было бы не так просто.

При этом Главное правление все же надеялось, что трудности со сбытом пушнины в Кяхте временные, поэтому рекомендовало Иркутской конторе следить за ситуацией в Кяхте, и в случае появления спроса возобновить торговлю пушниной³⁸.

Ослаблению, а затем и прекращению торговли с Китаем способствовало отношение ряда лиц из царского правительства. В 1857 г. в обстановке «совершенной секретности» обсуждался вопрос о продаже Русской Америки США. Инициатива эта исходила от великого князя Константина Николаевича Романова — родного брата императора Александра II, при этом Министерство иностранных дел «вполне разделяло» его мнение. Предполагалось ограничить эту уступку «... одними землями, в Северной Америке находящимися... Алеутские и Курильские острова могли бы остаться во владении России...»³⁹ Позиция Константина Николаевича была также основана на том убеждении, что монополия вредит развитию частного предпринимательства в северной части Тихого океана, а частные купеческие компании могли бы действовать гораздо эффективнее.

Константин Николаевич оказался последовательным и точным в своих расчетах, и ему удалось довести задуманное до логического конца. Именно его перу принадлежит документ, направленный министру финансов А.М. Княжевичу. Великий князь доказывал, что компания не оправдала дарованных ей исключительных монопольных привилегий⁴⁰. По его мнению, многие из главных правителей и директоров РАК обладали «отличными качествами» и заслуживали уважения, и их нельзя обвинять в проблемах компании. Ошибка РАК заключалась в том, что «интересы торговли не всегда совпадают с видами правительственными», при этом администратор, в отличие от купца, заботится о благосостоянии народа, а не о том, как извлечь выгоду «из сношений с этим народом», поэтому «присвоение административных прав и обязанностей торговому обществу, какова Российско-американская компания, не может быть полезно ни для правительства, ни для акционеров, ни для жителей колоний»⁴¹. Великий

князь предлагал обратить РАК в простое акционерное общество, подчинив ее деятельность «постановлениям, общим для всех акционерных компаний»⁴². Он категорически не соглашался с тем, чтобы «сравнивать службу государственную со службой торговому обществу». По мнению Константина Николаевича, служащие компании пребывали в крайне стесненном положении, а колониальная политика РАК направлена на закабаление простых промышленников, креолов и туземцев. Великий князь, снимая вину с управленческой элиты колоний, которую составляли морские офицеры, ни разу в «Записке» не подверженные критике, перекалывал ответственность за хозяйственные сложности в колониях и притеснение туземцев на промышленников, «людей часто развратных, буйных и своевольных», которые, в свою очередь, были подвержены якобы несправедливой обязанности выплачивать компании все свои долги, прежде, чем возвратиться на родину.

Константин Николаевич посчитал предложение директоров РАК о том, чтобы «правительственные места» наказывали виновных по представлению компании, насмешкой над правосудием. Текущий же устав компании Константин Николаевич предложил продлить всего на два года. Самым любопытным было предложение «производство промыслов и торговли обложить налогом в пользу казны». Князь Константин предлагал сосредоточить усилия на освоении Дальнего Востока и Амура, а на Аляске не развивать активности. Более того, в связи со строительством судов, использовавших энергию пара, а также уголь, дальнейшее обеспечение Русской Америки товарами и удовольствием становилось невыгодным из-за высоких затрат. Подобные суда были хороши для перевозки грузов на короткие расстояния, но плохо приспособлены для длительного плавания⁴³.

Мнение Константина Николаевича было не просто мнением влиятельного брата императора, его высказывал крупный государственный чиновник, проводивший линию правительственной политики. Иными словами, предлагалось, чтобы компания платила налоги со своих торговых операций от Дальнего Востока до Аляски. Соблюдение этих условий ставило компанию в крайне сложное положение.

Таким образом, за 1840—1860-е гг. торговля РАК с Китаем претерпела сложную трансформацию. В 1840-х гг. коммерческие отношения с Китаем носили сухопутный характер и велись в Кяхте. При этом РАК сбывала китайцам более $\frac{2}{3}$ всей добываемой в колониях пушнины. Главным товаром, вымениваемым компанией, являлся чай. Реализация его в России позволяла РАК превращать свой товар (пушнину) в деньги, которые шли на содержание колоний и выплату дивидендов акционерам. Кризис кяхтинской торговли середины XIX в. был вызван внутренними волнениями в Китае. Чтобы избежать сокращения китайской торговли, Российско-американская компания пошла на расширение рынков сбыта. С 1848 г. была учреждена морская торговля с Шанхаем. В 1853 г. предпринята попытка учредить торговлю в Синьцзяне, в 1861 г. — открыть караванную торговлю внутри Китая. Диверсификация китайского рынка позволила компании преодолеть кризис середины XIX в. и начать новый этап в развитии торговли с Китаем. Восстановившаяся после кризиса китайская торговля была представлена двумя рынками сбыта пушнины: Кяхтой

и Шанхаем. Соотношение их изменилось в пользу морской торговли. В начале 1860-х гг. в Кяхте сбывалось всего около $\frac{1}{3}$ от всех шкур, а в Шанхае — около $\frac{2}{3}$ привозимых в Китай. При этом общее количество шкур, завозимых в «Поднебесную» в это же время, сократилось на четверть. Политика правительства, направленная на либерализацию кяхтинской торговли (разрешение использовать в торговле живые деньги и кредит, золотые и серебряные изделия) усилила конкурентные преимущества российских и сибирских купцов, и наоборот, ослабила Российско-американскую компанию, которая вынуждена была постепенно уходить с китайского рынка.

С середины 1860-х гг. Российско-американская компания в основном прекратила торговые отношения с Китаем. Потеря китайского рынка имела для нее серьезные последствия. Компании все же удалось переориентировать торговую деятельность на другие рынки. Известно, что в 1865—1866 гг. она заключила ряд договоров с американскими и английскими предпринимателями о сбыте в Нью-Йорке и Лондоне крупных партий пушнины. Сохранялся также и внутрироссийский рынок. Сбыт пушнины был налажен в Санкт-Петербурге, Москве и Иркутске ⁴⁴. Однако развить торговые отношения с американцами и англичанами компания не смогла. В марте 1867 г. был заключен договор о продаже русских колоний Соединенным Штатам Америки ⁴⁵.

Итак, развитие коммерческих отношений Российско-американской компании с Китаем привело к образованию единой финансово-хозяйственной зоны, которая простиралась от Аляски до Дальнего Востока и Китая. Это способствовало процветанию Русской Америки, благополучию Российско-американской компании и развитию портов, дорог и населенных пунктов Дальнего Востока Российской империи. Коммерческие отношения с Китаем положительным образом повлияли на развитие акционерного капитала и укрепление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечания

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

1. ПЕТРОВ А.Ю., МИТРОПОЛИТ КЛИМЕНТ (КАПАЛИН), МАЛАХОВ М.Г., ЕРМОЛАЕВ А.Н., САВЕЛЬЕВ И.В. История и наследие Русской Америки: итоги и перспективы исследований. — Вестник Российской академии наук. 2011, № 12, с. 1090—1100; Русская Америка и Дальний Восток, конец XVIII в. — 1867 г. Материалы международной научной конференции. Владивосток, 11—13 октября 1999. Владивосток. 2011, с. 35, 298.
2. КОРСАК А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань. 1857. с. 95—96.
3. При дальнейшем подсчете лапы учитываться не будут.
4. Отчет Главного правления Российско-американской компании (ГП РАК) за 1840—1841 гг. СПб. 1842, с. 25.
5. Данные о добыче пушнины подсчитаны по: Выписка о добываемых ежегодно в колониях промыслах с 1842 по 1861 год. В кн.: ГОЛОВИН П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина. СПб. 1862, с. 142—161. Данные о вывозе пушнины в Кяхту подсчитаны по: Отчеты ГП РАК за 1840—1849 гг. СПб. 1842—1850.

6. Отчет ГП РАК за 1840—1841 гг., с. 26; за 1843 г. СПб. 1844, с. 12.
7. Отчеты ГП РАК за 1840—1841 гг., с. 27; за 1843 г., с. 13.
8. РАЗГОН В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX вв. Барнаул. 1998, с. 190; Отчеты ГП РАК за 1843—1849 гг. СПб. 1844—1850, с. 11—13.
9. КОРСАК А.К. Ук. соч., с. 102—104; 294—299.
10. Подсчитано по: Отчеты ГП РАК за 1846 г. СПб. 1847, с. 11—12; за 1847 г. СПб. 1848, с. 1—12; за 1848 г. СПб. 1849, с. 11—13; за 1849 г. СПб. 1850, с. 11—13.
11. Отчет ГП РАК за 1849 г., с. 12.
12. СЛАДКОВСКИЙ М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М. 1974, с. 225—226.
13. Отчет ГП РАК за 1853 г. СПб. 1854, с. 5—7.
14. Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803—1807. М. 1995, с. 231, 235, 348; КОРОБИЦЫН Н.И. Записки приказчика Российско-американской компании Н.И. Коробицына, 1795—1807 гг. В кн.: Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII—XIX веках. М.-Л. 1944, с. 201—207; ШЕМЕЛИН Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг Земного шара, сочиненный под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-американской компании главным комиссионером, московским купцом Фёдором Шемелиным. Ч. 2. СПб. 1818, с. 350—353.
15. ТИХМЕНЕВ П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. Т. 2. СПб. 1863, с. 167—168.
16. История Русской Америки (1732—1867). Т. 1. М. 1997, 1999. Т. 3. М. 1997, 1999, с. 78 (ИРА).
17. Отчеты ГП РАК за 1850—1863 гг. СПб. 1851—1865. Приложения № 3; Движение судов Российско-американской компании с 1 января 1844 по 1 января 1854 года. — Морской сборник. Т. 19. 1855, № 12, с. 121—123.
18. ВОЛЧЕК В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского Комитета. Новосибирск. 2006. с. 368.
19. ТИХМЕНЕВ П.А. Ук. соч., т. 2, с. 169.
20. Отчет Российско-американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1859 г. СПб. 1859.
21. Изучение цен на чай на китайском рынке в 1858 г. показало, что при покупке больших партий чая китайцы продавали его дешевле, что было выгодно для РАК. См.: Сводная таблица цен на китайские товары, 1858 г. Государственный архив Иркутской области (ГА ИО), ф. 24, оп. 7, д. 1214.
22. ГП РАК — С.В. Воеводскому, И.В. Фуругельму, 28 июня 1859 г. NARS RRAC. Roll. 22, р. 501—502, 505—506.
23. ГП РАК — И.В. Фуругельму, 13 июля 1859 г. NARS RRAC. Roll. 22, р. 507—508.
24. Отчет ГП РАК за 1863 г. СПб. 1865. Приложение № 3.
25. Отчет ГП РАК за 1861 г. СПб. 1862, с. 8—9.
26. Там же, с. 9.
27. Там же.
28. Записка о чайной торговле, не ранее 1844 г. Архив Русского Географического Общества, ф. 99, оп. 1, д. 87, л. 1—2.
29. Там же, л. 2об.
30. Там же, л. 13.
31. События 1861 г. приводятся применительно к анализу отчета ГП РАК за 1863 г., так как последствия торговой конъюнктуры и решений правительства сказались на делах компании именно в 1863 г., а не ранее.
32. СТАРЦЕВ А.В., ГОНЧАРОВ Ю.М. История предпринимательства Сибири (XVII—начало XX в.). Барнаул. 1999, с. 96—97.
33. ГА ИО, ф. 24, оп. 11, д. 123.
34. Отчет Российско-американской компании за 1863 г., с. 40.
35. ГП РАК — И.В. Фуругельму, 18 ноября 1863 г. NARS RRAC. Roll. 24, р. 440—444.
36. Отчет Российско-американской компании за 1863 г., с. 40—43.
37. Там же, с. 11.
38. Отчет ГП РАК за 1863 г., с. 42—43.

39. Записка об уступке Соединенным Штатам наших владений в Америке, 29 апреля 1857 г. Архив внешней политики Российской империи, ф. СПб. Главный архив 1—9, 1857—1868, д. 4, л. 13.
40. Великий князь Константин Николаевич о проекте нового устава Российско-американской компании. 18 февраля (2 марта) 1861 года. — Американский ежегодник. 1991. М. 1992, с. 146—151.
41. Там же, с. 148.
42. С точки зрения правовых норм того времени, РАК действовала в строгом соответствии с принятыми законодательными актами и, в первую очередь, с законом 1836 г. «Положения о компаниях на акциях». В России основным источником акционерного права были уставы акционерных компаний, которые являлись самостоятельными законодательными актами, отменяющими в отношении конкретного акционерного общества действия общего законодательства. Вопрос же о правоспособности акционерных обществ в законодательстве четко решен не был. ЧЕРНОЖУКОВ М.В. Развитие акционерного права в России в XIX — начале XX вв. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2001, с. 14.
43. SAUL N. Distant Friends. Kansas. 1990, p. 393—394.
44. Соображения о доходах и расходах РАК, не позднее 16 июня 1866 г. В кн.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841—1867. Сб. документов. М. 2010, с. 392.
45. Подробнее см.: БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867 гг. М. 1990, с. 204—221; ИРА, т. 3, с. 425—443.

Тимофей Иванович Седельников

С.Г. Белоус

Аннотация. Работа посвящена жизни и деятельности депутата I Государственной думы Т.И. Седельникова, его взглядам на аграрную проблему в России на рубеже XIX—XX вв., ее влияние на ситуацию в Казахстане, на переселенческую политику правительства в Степи, проводившего изъятие земель у степного населения.

Ключевые слова: аграрный вопрос, переселенческая политика, Государственная дума.

Abstract. The work is devoted to the views of the deputy of the I State Duma T.I. Sedelnikov on the agrarian problem in Russia at a boundary of the 19—20th centuries and its influence on the situation in Kazakhstan, on resettlement policy of the government in the Steppe, which realized the withdrawal of lands of the steppe population.

Key words: agrarian question, resettlement policy, State Duma.

Как свидетельствует исторический опыт многих стран, попытки модернизации часто приводят к непредсказуемым результатам. Стремление привнести извне модель развития, не учитывая социально-экономическую специфику страны, пренебрежение общественным мнением и психологией местного населения, вызывают, как правило, последствия, совершенно противоположные ожидаемым.

Среди тех, кто критически относился к такой политике правительства, был Т.И. Седельников, депутат Государственной думы от Оренбургского казачества. В историографии роль Седельникова в истории Казахстана частично затрагивалась в работах Д.А. Аманжоловой, В.П. Баканова, Н.Е. Бекмахановой, Г.З. Кожахметова, С.Н. Малтусынова, Т.С. Родионовой¹. Данная работа посвящена личности Седельникова и его взглядам на проблему землепользования казахского народа в начале XX века.

Тимофей Иванович родился 18 февраля 1876 г. в селе Спасском Оренбургской губернии, под Верхнеуральском². Его предки пересе-

Белоус Светлана Геннадьевна — докторант Казахского национального педагогического университета им. Абая. Алматы. Республика Казахстан. E-mail: belous.svetlana.90@mail.ru.

Belous Svetlana G. — doctoral candidate at the Kazakh National Pedagogical University named after Abay. Almaty. Republic of Kazakhstan. E-mail: belous.svetlana.90@mail.ru.

лились в Оренбуржье из-под Петербурга в начале XIX века. Род Седелниковых не отличался высоким достатком, но и не бедствовал. В семье было 8 детей, которых воспитывали в рамках традиционных казачьих норм. Со слов В.О. Седелникова (внучатый племянник Т.И. Седелникова) известно, что в детском возрасте Тимофей увлекался чтением, что являлось предметом конфликтов с отцом, который «бывало и колотил сына». Читал мальчик и на «печке при свечке», и сидя верхом на лошади. Рано проявились его способности к языкам: он владел казахским, башкирским, татарским, свободно читал по-английски, по-французски и по-немецки.

В судьбу Тимофея вмешался поселковый атаман, который дипломатично приказал отцу одного из сыновей начать учить. А поскольку «Тимка все равно уже пропащий» со своей тягой к чтению, то выбор пал на него.

Окончив местную казачью школу, Тимофей был принят в Верхнеуральское городское училище. Затем непродолжительный период времени работал учителем в Увальской поселковой школе³. В 1893 г. его зачислили стипендиатом Оренбургского казачьего войска в Уфимское землемерное училище, которое окончил с прекрасными отзывами, проявив наибольшие успехи в таких дисциплинах, как русский язык, физика, геодезия, законоведение⁴. Однако позже он скажет, что специальность познал лишь на практической работе путем научного самообразования⁵.

В 1896 г. Седелников был утвержден в звании частного землемера. Свою карьеру он начал с должности младшего землемера низшего оклада Межевого отдела Оренбургского казачьего войска⁶, в 1898 г. работал топографом в межевой партии в Сибири, в январе 1899 г. — топографом Тургайской временной партии по определению переселенческих участков в районе Сибирской железной дороги⁷. В 1896—1903 гг. был землемером и статистиком в степях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей в составе специальной землеустроительной экспедиции, изучал местный быт, близко познакомился с жизнью кочевников, с которыми мог разговаривать на их родном языке⁸.

Переселенческая политика царизма, как отмечается в историографии, усугубляла положение коренного населения. Земли изымались без учета естественно-географических условий Казахстана, не принимались в расчет особенности организации традиционного казахского хозяйства⁹. Недостаток лугов, удаленность от зимовок, удобных для распашки земель, неравномерное распределение территории по отдельным аулам, словом, неурегулированное землепользование являлось главным препятствием для развития благосостояния казахского населения¹⁰.

Вскоре Седелников включился в политическую жизнь. Сам он так указал в анкете: марксист с 1900 г., работал в РСДРП с 1905 г., с 1907 г. — агитатор-большевик, в 1914 — 1917 гг. — оборонец¹¹. После многих лет работы в Казахстане Седелников убедился в недостаточном знакомстве с казахской жизнью представителей царской администрации, в том числе Ф.А. Щербины и А.А. Кауфмана, участвовавших в выявлении казахских земель под переселенческие участки. Осенью 1905 г. в Оренбурге Седелников сделал публичный доклад

на тему: «Борьба за землю в Киргизской степи и колонизационная политика правительства». В этом докладе он приводил мнения кочевников о том, что богом созданная земля предоставлялась всем на общем основании, а теперь земледельцы (под которыми понимались бывшие кочевники, перешедшие к оседлости) занимаются присвоением земли. Кочевник, привыкший к тому, что трава, выросшая в степи, составляет общее достояние, не мог усвоить незыблемости границ владений¹². Свою точку зрения по этому поводу Седельников высказывал и во время выступлений на заседаниях в I Государственной думе, используя при этом, в частности, такую казахскую пословицу: «В настоящее время царской земли нет, а есть только людская: каждая земля должна иметь своего хозяина»¹³.

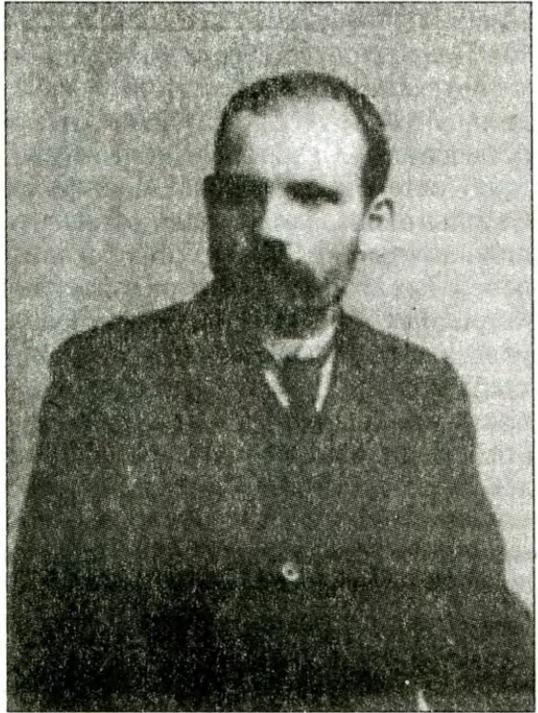
В.И. Ленин неоднократно обращал внимание на этого казахского депутата, характеризуя его как видного деятеля группы трудовиков в Думе¹⁴. Его речи вызывали интерес, особенно там, откуда его избрали — в Оренбуржье. 3 мая 1906 г. газета «Оренбургский край» сообщала о подготовке первыми российскими парламентариями «Всепопданнейшего адреса Государю». Седельников указал на необходимость упомянуть в адресе о казаках, в смысле уравнивания их в гражданских и экономических правах с остальным крестьянством. Он также предложил подчеркнуть необходимость землеустройства казахов, кыргызов, земли которых несправедливо отводились под колонизацию¹⁵.

Представители различных политических сил в I Думе расходились в своем видении путей аграрного развития России. При обсуждении земельного вопроса за основу были взяты два законопроекта: проект 42-х, предложенный кадетами, и 104-х, составленный трудовиками. Существовал еще проект 33-х, не принятый I Думой, который был выдвинут частью трудовой группы и имел много общего с предыдущим проектом в области землевладения. Кадеты выступали за устранение феодально-крепостнических форм землевладения, являвшихся тормозом общественно-экономического развития страны. В сравнении с кадетами трудовики предлагали более радикальные меры. Их проект предусматривал отчуждение всех частнособственных земельных земель, то есть ликвидацию крупного и среднего землевладения¹⁶. Критикуя правительство за насилие по отношению к кочевникам, за массовую экспроприацию земель у коренного населения этого края в пользу пришлого, трудовики, вместе с тем, направляли свою критику на методы колонизации, а не на ее цели.

Доклад о колонизационной политике, который сделал Седельников в Оренбурге, был издан отдельной брошюрой в Петербурге в 1907 году. Идеализирование бытовых особенностей казахской жизни скрывало под собой, в конечном счете, чисто материальные интересы русской земледельческой и казахской степной буржуазии, писал Седельников. Казахскому же народу это было не более выгодно, чем русскому небогатому крестьянину. Седельников не пытался преподнести хозяйственный уклад кочевников в упрощенном виде, а наоборот, выделял несколько промежуточных типов хозяйства — от кочевого пастбищного скотоводства до чисто земледельческого и даже промыслового, обращал внимание на их непрерывную борьбу между собой. Он настаивал на важности развития земледелия¹⁷. Кочевники быстро привыкали к условиям быта различных хозяйств, со време-

нем вживались в них и уже не считали чем-то чуждым. Об этом свидетельствуют высказывания, которые приводил Седельников: «Чему еще могут научить нас русские в хозяйстве! Теперь мы сами их можем учить!»¹⁸

Тимофей Иванович отмечал все большее распространение русского языка, переход к использованию постоянных зимних жилищ. Все это сопровождало развитие земледелия и промыслов, которые до недавнего времени практически отсутствовали среди масс «чистых», по выражению Седельникова, кочевников-скотоводов. По его определению, у казахов развивались различные хозяйственные типы, начиная от чисто скотоводческого, кочево-

го, через скотоводческо-земледельческий, земледельческо-«чистый» и земледельческо-промысловый до чисто промыслового, распадавшегося на два противоположных типа: предпринимательский и пролетарский. Это являлось, по мнению Седельникова, лучшим доказательством жизнеспособности и энергии казахского народа, богатства его духовных сил¹⁹.

Острые социально-экономические проблемы казахского общества рассматривались и в другой работе Седельникова, которая появилась на свет в 1908 году. Здесь он отмечал, что казахское хозяйство постепенно выбрасывало «на берег» многих скотоводов, которые оказывались без работы²⁰. Эта мысль подтверждается в современной историографии. Так, Н.Е. Бекмаханова выявила, что постепенно, в результате хозяйственного освоения территории, наряду с традиционно кочевыми районами, складывались районы с полукочевой формой ведения хозяйства, а также зоны с развитым земледелием и оседлостью, причем не только во внешних районах, но и в глубине казахской степи. На протяжении первой половины XIX в. возрастало число полукочевых хозяйств, сочетавших кочевое скотоводство с занятием земледелием в районе зимовок. При этом хлебопашеством и земледелием занимались не только обедневшие кочевники, переходя к оседлому быту, но и зажиточная часть казахского общества²¹. Как отмечает Г.Н. Ксенжик, с изменением политических условий колонизации территории Казахстана во второй половине XIX в. и как следствие — дефицита пастбищ — изменился тип казахского хозяйства. Кочевые пути мешали образованию переселенческих участков на территории Степного края. Сравнивая различные формы казахского хозяйства, нетрудно было убедиться, что они представляли собой целый ряд переходных ступеней от чисто кочевого склада жизни, сохранившегося в южных частях Акмолинской и Семипалатинской

областей, — к полуседлому быту, например, в прииртышских волостях Павлодарского уезда ²². Кочевники Северного Казахстана, постепенно заселяемого казаками и крестьянами, переходили к земледелию, в то время как на южных территориях казахи еще долгие годы оставались верны традиционному кочевому укладу степи.

Постепенно земледельческое хозяйство приобретало, по оценке Седельникова, устойчивое равновесие, а кочевое все больше приходило в упадок. Этому способствовало не только развитие товарно-денежных отношений и распространение экономических связей, но и продолжительная борьба за преобладающую форму хозяйственного уклада внутри казахского населения. Оседлые казахи производили хлеба больше, чем им требовалось на пропитание, и имели возможность поставлять зерно на рынок. Недостаток продуктов скотоводства восполнялся отчуждением продуктов земледелия. Оседлые земледельцы постепенно вытесняли скотоводов ²³. Кочевники не могли подстроиться под новый образ жизни, в то время как оседлые занимали конкретные территории и подчиняли себе рынок.

Седельников полагал, что принудительно начатый в 1869 г. русским правительством процесс, «осаживания» и «прикрепления к земле» прежних «бродячих» кочевников через 10 лет был усилен и ускорен под влиянием разразившегося в 1879 г. кризиса кочевых хозяйств. Казахи, потерявшие в южных степях за одну зиму почти весь свой скот, принуждены были оседать на севере и переходить к оседлости, заниматься сенокосением, земледелием, строить постоянные жилища. Через 12 лет кризис повторился и создал новые массы джатаков (обедневших скотоводов). В целом, 1891 г. самими северными казаками отмечался как поворотный момент к окончательному переходу их на оседлое положение. И вместе с тем появилась грань, разделившая Степь на два враждебных лагеря: кочевников и оседлых, развернулась борьба из-за земель на севере, которые перестали быть свободным общенародным достоянием, а перешли в исключительное владение оседлых ²⁴.

Заветной мечтой кочевника, как отмечал Седельников, становилось получение земельного надела для того, чтобы не зависеть от других. Постепенно борьба за территории приобретала характер конфликта, скорее представителей разных форм хозяйства, нежели социальных слоев ²⁵, причем состояние поземельных отношений не регулировалось на законодательном уровне, а земли считались всеобщим достоянием.

В 1863—1904 гг. в Петербурге рассматривался вопрос о передаче всего дела по образованию переселенческих участков в Степи целиком в руки Министерства внутренних дел. Целью стало упорядочение колонизационной политики: устранить разногласия между землеотводными партиями, от которых требовалось скорейшее отобрание у казахов возможно большего количества земель, и представителями местной администрации, старавшимися во многих случаях, так или иначе, отстаивать интересы самих казахов ²⁶. На деле выходило так, что казахи лишались какой-либо возможности повлиять на исход споров, пожаловаться на несправедливость решений.

Земельные отношения в Степном крае в конце XIX в. определялись «Положением» 1891 г., которое вводило ранее не известный в

Степи закон о государственной собственности на землю. Осуждая этот акт, Седельников признавал, что спорить бесполезно. Но он обратил внимание на ст. 120, определявшую условия колонизации: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего положения» (при этом, далеко не все казахи — «кочевники», и не все казахские земли были заняты «кочевьями»). Государственный совет дал разъяснение: «Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ»²⁷. Если усмотреть в этом примечании ошибку, то вся политика в Степи оказалась бы лишенной юридической силы и рухнула как карточный домик, потому что слишком «расплывчато» было дано определение «могущие оказаться излишними». Как определить, что эти земли? действительно, «излишние», и какой считать норму земельного надела, если различные хозяйственные типы требовали различной площади земли. Это разъяснение не согласовывалось со ст. 119, согласно которой земля являлась государственной собственностью. Но и как полномочный хозяин государство не могло прогнать всех казахов с их же земель²⁸. К тому же при неизвестном количестве и качестве земли было невозможно использование «земельных излишков».

Выражение «государственная собственность», писал Седельников, использовалось для того, чтобы показать, что казна являлась совладельцем казахов, то есть отрицалось, по сути, исключительное право на землю, но при этом и ограждались права государства на все те же излишние земли. С юридической точки зрения, имело место противоречие: одновременное владение двух лиц — казахского народа и государства. Он доказывал, что пока не произошло правильного размежевания, ни одно из них без согласия другого не имеет права отчуждать земельные участки²⁹. А межевание, как известно, подразумевает количественное изучение земель и установление границ, чего предпринято не было.

Но если казахи были лишены возможности распоряжаться землей и даже сдавать ее в аренду, то и государство не должно было обладать подобными привилегиями и селить на них кого-либо, по крайней мере, до тех пор, пока не будет проведено равномерное и справедливое обеспечение казахов землей³⁰. По мнению Седельникова, следовало, прежде всего, определить количество земли, которое могло быть передано в пользование кочевникам сообразно их потребностям, и только в последующем проводить распределение участков для переселенцев.

Важно то, что Государственный совет, осознавая рациональность решения, все же обнаружил непреодолимые затруднения: поскольку не был определен характер передвижения кочевых инородцев, и не было известно точное пространство степных областей, в которых не производились межевые работы, то и включить в закон определенные указания по поводу изъятия у кочевников земельных угодий было невозможно. Седельников считал, что за основу при изъятии земель бралась именно ст. 120 Положения, а это еще больше увеличивало значимость разъяснения к ней³¹. Поскольку Государственный совет все же предусматривал изучение края и наделение землей местного населения, невыполнение этого условия чиновниками раз-

личного уровня привело к тому плачевному результату, в который вылилась вся переселенческая политика и сопровождавшее ее изъятие земель.

В Главном управлении землеустройства и земледелия никто специально не занимался поземельным устройством казахов. На практике степные земельные отношения целиком и полностью находились в руках бюрократического аппарата, чуждого проблемам коренного населения. Органы землеустроительного ведомства по образованию переселенческих участков из казахских излишних земель не только не были обязаны, но и не имели права заниматься чем-либо кроме «изъятия излишков», и их не волновало положение коренного безземельного населения.

В целом, по мнению Седельникова, проявлялась тенденция не к созданию землеустроительных учреждений, а к усилению землеотводного дела при полном игнорировании земельных нужд местного населения. Главное переселенческое управление было наспех отделено от Министерства внутренних дел и присоединено к Управлению землеустройства, так что местному населению некуда было жаловаться на несправедливое решение земельных вопросов. Одно и то же ведомство отвечало и за изъятие, и за жалобы на него же, что полностью ликвидировало какую-либо возможность отстаивать свои права. Администрация и не скрывала, что ставила своей целью землеотводные, а не землеустроительные работы³². Явно прослеживалось совершенное незнание администрацией территориальных границ волостей, ее представления были настолько «фантастичны» и «туманны», что нельзя назвать их «результатами изучения казахских степей». Можно ли было в такой ситуации говорить о спокойствии при установлении границ поземельного владения?

Седельников считал, что пока не произведено ни межевание Степи, ни поземельное устройство казахов, всякие работы по выявлению «излишних казахских земель» лишены какого бы то ни было юридического основания³³. Он ссылался на статьи Положения 1891 г., действовавшего в Степи в качестве основного закона. Тем не менее, за период деятельности временных партий по образованию переселенческих участков, у казахов было изъято около трех с половиной миллионов десятин (единица площади в России до 1918 г., равная 1,0925 га) «излишков»³⁴.

Это говорит о том, что чиновники не чувствовали на себе никакой ответственности. В сборнике распоряжений и указаний, которыми они руководствовались, не было разъяснений, как должны определяться излишние казахские земли. Эти инструкции не прошли в законодательном порядке через Государственный совет, а выработывались комитетом Сибирской железной дороги. Это было связано с тем, что проведение дороги совпало по времени с формированием курса на переселение и влияло на процесс колонизации той полосы земли, которая прилежала к новому пути³⁵. Петропавловский и Омский уезды Акмолинской области попали в число тех местностей, где должны были приступить к работе временные партии по образованию переселенческих участков.

Седельников критиковал чиновников, действовавших фактически вопреки закону и наспех³⁶, игнорируя ограничительные разъяс-

нения Государственного совета. При этом основную вину он все же возлагал не на чиновников, а на тех деятелей, кто непосредственно занимался изучением края. К научной постановке землеотводного дела были привлечены известные статистики Щербина и Кауфман. При их большей осмотрительности степная колонизация, по мнению Седельникова, прошла бы более рационально и менее губительно для хозяйственного уклада кочевого населения³⁷. Сказались также промахи руководителей исследовательских экспедиций края, зачастую приводившие к фиксации заведомо ложной информации и недостоверных источников.

Основной ошибкой Щербины, как полагал Седельников, было то, что при определении земельных излишков в Кокчетавском уезде Щербина не только проигнорировал требование предварительного межевания земель, но и обошелся без изучения местности. Не имея сотрудников-землемеров, он довольствовался словесными показаниями казахов о границах, которые и наносил на карту, даже не выехав в поле. В результате, например, там, где площадь земель была обозначена как 25 000, на самом деле имелось лишь 6000 десятин. Все это влияло на определение количества излишних земель³⁸. Более того, зачастую нормы определялись не самостоятельно, а по аналогии с другими уездами. Преемник Щербины Кауфман на одном из официальных совещаний рекомендовал для Уральской области применить нормы, использованные Щербиной в ближайшем Актюбинском уезде Тургайской области³⁹. Хотя подобный подход к исследованию не вызывал доверия, он не встретил особого сопротивления.

При землеотводных работах строго соблюдалось правило, согласно которому исследованию должны подвергаться не сплошь целые уезды, и тем более не области, а лишь те местности, где планировалось образовать переселенческие участки⁴⁰. Зачастую судьбу хозяев-казахов, лишенных их участков, землеотводные партии отдавали на усмотрение местной бюрократии, обязывая их устраивать «сдвинутых с места туземцев»⁴¹. Это приводило к многолетним скитаниям обезземеленных казахов. Нельзя не согласиться с Седельниковым в том, что при условии предварительного научного исследования Степи, было бы намного проще достичь более справедливого и целесообразного проведения программы⁴². На деле выходило, что безземельные казахи бросались на произвол судьбы и не могли рассчитывать на поддержку со стороны государства.

Внешнее вмешательство усугублялось внутренними противоречиями. Пастбища значительно сокращались, что вызывало сначала обеднение казахов, а затем постепенный переход к оседлому земледельческому хозяйству. Однако за оседлыми земля закреплялась, а кочевники не могли претендовать на постоянные земельные наделы и вынуждены были перемещаться в надежде, что их территории тем временем не приберут к рукам. Произошла смена ролей, теперь большим влиянием завладело оседлое население, а кочевники уже не могли диктовать свои условия. Противостояние прослеживалось не только между кочевниками и земледельцами, но и в среде кочевников, часть которых стала оседать. Но и тогда борьба за землю не прекращалась — оседлые иногда десятками лет враждовали между собой из-за угодий постоянного, обособленного пользования: пашен, сенокосов и

мест, удобных для постройки зимовок. В земледельческо-оседлой части Степи проявлялись последствия социальной дифференциации, борьба проходила не только между родами, но уже и между различными по степени обеспеченности слоями населения ⁴³.

В этих условиях Седельников попытался обосновать в общих чертах программу и задачи поземельного устройства Степи, наметить меры в высшей степени жизненного и практически неотложного характера. На его взгляд, понятными и привычными для Степи могли явиться межобластные, областные и уездные съезды уполномоченных от населения для обсуждения земельных нужд как целых районов, так и отдельных безземельных, малоземельных и кочевых волостей и аулов. Могли принести облегчение и временные отводы: оседлым — новых или дополнительных земельных наделов, а кочевникам — кочевых путей, водопоев, переправ и летних стоянок. Съезды сумели бы на время уравновесить и примирить интересы враждующих и спорящих между собой групп населения, внушив им уверенность в том, что неустранимые пока неудобства имеют временный характер — до рассмотрения дела в устроительных учреждениях.

Эти же съезды могли бы дать необходимый фактический материал и представить свои соображения о местных земельных нуждах и задачах поземельного устройства. Сводка полученных таким путем материалов могла бы быть сделана на общеказахском съезде с участием официальных и неофициальных знатоков вопроса и вообще лиц, могущих быть полезными своими сведениями и познаниями. На основании материалов такого съезда и его постановлений, разобранных в печати и отдельных изданиях, Государственная дума была бы в состоянии наметить программу подготовительных работ по поземельному устройству Степи в виде сплошного межжевания и всестороннего исследования хозяйства и условий жизни всего местного населения. Важным условием он считал широкое участие органов местного управления как в подготовительных работах, так и в обсуждении их результатов и выработке норм земельного обеспечения.

Намеченный Седельниковым планомерный путь решения земельной проблемы казахской степи мог привести к справедливому уравнению интересов как отдельных слоев и элементов местного населения, так и всего казахского народа ⁴⁴.

В своей политической деятельности он выражал, в сущности, чаяния казахской интеллигенции, стремившейся соединить традиционализм с элементами западной демократии и достижениями общечеловеческой цивилизации. Влияние идей Седельникова сказалось на работах видных казахских деятелей. Так, А. Букейханов, критикуя колониальную политику царизма, в статье «Кризис канцелярского переселения» (1910 г.) писал: «Такие вопросы, как переселение и колонизация, не решаются чисто канцелярским путем, передвигая пальцем по карте Сибири тысячи живых людей. С одной стороны, чуть ли не массовое бегство переселенцев обратно в разоренные старые гнезда, а с другой — разорение туземного населения» ⁴⁵. Как и Седельников, он указывал, что изъятие земель проводилось без учета насущных интересов местного населения и вредило традиционному хозяйству казахов. Сам Букейханов был сторонником постепенной, естественной исторической эволюции казахского общества ⁴⁶. Именно таких пре-

образований ожидала казахская интеллигенция от Февральской революции 1917 г., которая была восторженно встречена казахскими массами. Однако демократические изменения не были претворены в жизнь при Временном правительстве.

С 1905 по 1917 г., согласно оставленным им самим сведениям, Седельников работал в военно-общественных организациях ⁴⁷. Известно, что он являлся «выборщиком», что заставило его какое-то время скрываться и менять фамилию ⁴⁸.

Находясь в Финляндии, он посетил В.И. Ленина на даче «Ваза» и обсуждал с ним избирательную кампанию во II Думу. Сущность политической позиции Седельникова Ленин обрисовал в статье «Обывательщина в революционной среде»: «... г. Седельников откровенно и прямо защищал свои идеи, не претендуя на звание социалиста и выкидывая знамя “демократической монархии...”» ⁴⁹

Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска было недовольно думской деятельностью Седельникова, поступали даже предложения исключить его из казачьего сословия, но в итоге обошлось запретом появляться в войске. Однако поступил приказ отправиться в полк, стоявший в Турции ⁵⁰.

Позже он провел два года на фронтах первой мировой войны (Персия, Турция, Кавказ). По сведениям, В.О. Седельникова, полученным им от дочери Седельникова Нины, об этом периоде жизни известно крайне мало, за исключением того, что в 1914 г. Седельников вернулся из Монголии, о чем говорится в письмах. Там он занимался в основном маркшейдерскими работами на угольных шахтах, геодезической съемкой. Он переехал в Троицкосавск (Кяхта), а затем снова вернулся и работал во Всероссийском союзе городов в марте-апреле 1917 года.

Тогда же он организовал в Симбирске частную землемерную фирму, однако дело не пошло. Кроме того он был членом Оренбургской Войсковой управы, а позднее, до 1918 г. — членом Войскового круга ⁵¹.

В Верхнеуральске в 1917 г. Седельников читал лекции. Директор Верхнеуральского реального училища М.К. Ершов так описывал его как лектора: «Он умеет говорить с народом его языком, простым, понятным, образным, не прибегая к выкрикам и другим внешним эффектам...» ⁵² В свою очередь А. Дутов также положительно отзывался о его выступлениях: «Лекция (о земельном вопросе. — Б.С.) прочитана живо и ярко. Дана вполне ясная, верная схема всего землевладения и землепользования в Российском государстве... многим следовало бы послушать основные положения доклада. Доклад, основанный на капитальных трудах, дал в сжатом и понятном виде почти всю историю аграрного вопроса» ⁵³. Помимо этого Седельников был членом Верхнеуральского культурно-просветительского общества, редактировал его газету «Верхнеуральский край».

С приходом осенью 1917 г. к власти большевиков жизнь Седельникова резко изменилась. Сам он являлся их ярким противником и считал «революцию обреченной на неудачу в силу малой сознательности трудовых масс». При этом, позже он писал, что «понял ошибочность своих убеждений в период германской революции в ноябре 1918 г.» ⁵⁴. Вероятно, что на тот момент открестившегося

четкого мировоззрения еще не было. Накладывало свой отпечаток и казачье происхождение. В период революции его особенно пугала перспектива гражданской войны.

С июля 1918 г. он стал членом Казачьего отдела ВЦИК, с мая 1919 г. — заместителем председателя центральной комиссии Продовольственной армии. Этот период его деятельности так охарактеризовал Народный комиссар внешней торговли Л.Б. Красин: «Могу засвидетельствовать исключительную, доходящую до самопожертвования работоспособность т. Седельникова, который в тогдашней трудной военной обстановке работал действительно не покладая рук и проявлял большие организаторские способности при создании аппарата Ц.К. Продармии»⁵⁵.

С октября 1919 г. Седельников — уполномоченный ВЦИК в Башкирии для оказания помощи башкирам, пострадавшим от белых⁵⁶, с ноября 1919 г. — член Башкирского обкома РКП(б)⁵⁷. О его позиции в то время можно судить по речи на митинге коммунистов в Стерлитамаке (столице Башкирской республики) 21 декабря 1919 года. Он, в частности, заявил: «Мы все должны помочь... всему мусульманству Востока в строительстве новой жизни... Нам, русским коммунистам, не пристало смотреть свысока на другие народы...»⁵⁸ Скоро из Башкирии его перевели на работу среди казахов. В феврале 1920 г. Седельников был включен в состав Кирревкома (Казревкома)⁵⁹. 8 апреля 1920 г. он из Оренбурга написал письмо председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому, описывая отношения между новой властью и казахским населением так: «Киргизы забиты, запуганы, замордованы... до потери сознания и боятся пикнуть что-либо по-киргизски. Им внушили, что “хорошие коммунисты” как раз те из них, кто не обращает внимания на особые нужды, запросы и потребности киргизского народа. Вот почему мне как-то пришлось сказать: “Ревком члендары орасында казакча белгэн адам жок” (Среди членов ревкома нет ни одного, знающего по-киргизски), за исключением т. Байтурсынова...»⁶⁰ Седельникову нужна была помощь Москвы, чтобы исправить отношение казахов к новой власти. 23 апреля 1920 г. он написал подробное письмо Ленину, в котором показал, насколько были непродуктивны усилия как царского, так и советского бюрократического аппарата в отношении кочевого населения Казахстана⁶¹. Действия Седельникова вызвали недовольство местных партийных и советских руководителей, которые решили дискредитировать его, обвинив в разжигании национализма среди казахов.

В конце апреля несколько членов Казревкома направили письмо в ЦК РКП(б) и ВЦИК, обвинив Седельникова в том, что он «стал официальным вождем киргизских националистов и ведет открытую шовинистическую борьбу против коммунистов... Он ведет на общих собраниях открытую агитацию, утверждая, что оренбургские коммунисты и члены губкома считают киргиз вымирающей нацией, стремятся присвоить целые киргизские уезды, и призвал всех бороться против засилья шовинистически настроенных русских коммунистов на окраинах. Все это говорилось открыто, систематически, часто на собраниях служащих и беспартийных, и естественно, что националисты подняли голову и сплошной стеной стали вокруг него. Он обосновал киргизскую националистическую идеологию, и все это пре-

подносится под высокой маркой марксизма и коммунизма. Мало того, Седельников каждый раз пространно объясняет, что все это он делает по поручению Ленина, Сталина, ЦК, что он специально послан защищать киргиз от великороссов-коммунистов и т.д. ... В степи среди киргиз уже распространяются слухи, что в ревкомке организовались две партии, одна — коммунистическая, стремящаяся захватить власть в Киргизии, и другая — националистическая, борющаяся с коммунистами, отстаивающая права киргизского народа и стремящаяся передать власть киргизам и алаш-ордынцам»⁶². На самом же деле он боролся за то, чтобы казахи имели право на самоопределение.

В мае 1920 г. Седельников отмечал, что, несмотря на насильственную сначала казачью, а затем крестьянскую колонизацию казахских степей мерами царско-помещичьей власти, «казахи не озлобились и не стали шовинистами»⁶³. Казахи воспринимали переселенцев как людей, лишившихся какой-либо возможности существования, с пониманием и сочувствием отнеслись к их положению и приняли на своей земле.

Тогда же Седельников вновь написал Ленину, на этот раз резюмируя, что понимание нынешней властью термина «самоопределение» мало чем отличается от старой колонизаторской «кузькиной матери», кроме разве «красной обложки». Советскую власть он «обвинял» в том, что она убрала его за «добросовестную и честную попытку правильно осуществлять те же собственные задачи», не допуская их извращения в сторону «отрыжки прошлого». Давая оценку собственной проделанной работе, он признавал, что «стал действительно насквозь прикованным интернационалистом», вытравив последние прожилки великодержавного высокомерия и шовинизма: «Теперь мне башкирские, киргизские и др. мелких отсталых народов “обида и горечи” гораздо больше, чем многим природным инородцам... очевидно, от части, здесь скажется и примесь тюркской крови в моих жилах». Он пришел к осознанному умозаключению, что для него вся Вселенная — «единственно достойная любви Родина»⁶⁴.

В скором времени о содержании тех же проблем он поведал Сталину, как члену коллегии Наркомата земледелия. На этот раз речь шла о переселении периода 1920—1921 гг., «голодном переселении», как он его обозначил. В очередной раз он напомнил, что колонизация затрудняет и расстраивает, прежде всего, поземельное устройство коренного и вообще «старожилого» населения на окраинах. Интересы этого населения никем и никогда не выяснялись, не учитывались и не взвешивались должным образом, с точки зрения объективно научного критерия⁶⁵. Седельников поднял вопрос и о судьбах тех чиновников, которые не следовали слепо указаниям вышестоящей администрации: «Считалось равносильным тяжелому государственно-му преступлению и пресекалось мерами административного воздействия вплоть до применения кровавых массовых репрессий. Репрессиям подвергались даже лица, доказавшие, что землеотводные работы в киргизской степи были сплошным нарушением действовавшего тогда закона, который предусматривал колонизацию степи лишь по окончании землеустройства самих киргизов»⁶⁶.

Львиная доля письма была посвящена отрицанию положения о том, что кочевать в XX в «стыдно», поскольку это вполне приемле-

мое и доходное занятие ⁶⁷. Но при этом необходимо отказаться от явно затянувшегося переселения: «Посылать в район массового производства дешевого сырья, не находящего себе выгодного сбыта, еще новых и новых производителей сырья, не расширяя рынка сбыта, значит, искусственно создавать кризис для местного хозяйства, без каких бы то ни было общегосударственных выгод» ⁶⁸.

Не обошлось и на этот раз без внесения конкретных предложений, одним из которых стала выработка общих планов землеустройства с обязательным участием представителей чисто кочевых районов или под их контролем, чтобы их земельно-хозяйственные интересы могли быть заблаговременно учтены ⁶⁹. В целом же были сделаны выводы, что «восстановление до размера нормальных потребностей количества рабочего, молочного и мясного скота в Коренной России не может быть достигнуто без солидной помощи со стороны кочевых и полукочевых районов» ⁷⁰.

Дальнейшая биография Седельникова была связана с Москвой, однако в 1920 г. его командировали в Ревель (Эстония), где он занимался военным снабжением. В 1921—1922 гг. — стал уполномоченным НКпроса, членом Коллегии НК и управления землеустройством ⁷¹. В этот период он встречался с Лениным около 50-ти раз.

Призывы Седельникова к справедливому земельному распределению в казахском обществе в определенной мере получили свое воплощение позже, в ходе ликвидации тяжелых последствий политики царизма в земельном вопросе. В апреле 1921 г. был издан декрет о возврате трудящимся казахских земель, переданных царским правительством казачьим войскам. По этому декрету казахи вернули себе земли в Прииртышской полосе ⁷². В том же году была проведена земельная реформа в Семиречье — казахам, кыргызам и уйгурам были возвращены земли, отобранные у них при подавлении восстания 1916 года. Наряду с этим, за счет бывших офицерских и свободных переселенческих участков был создан земельный фонд площадью более 1 млн дес. для наделения землей коренного населения Семиречья и Южного Казахстана. Нельзя сказать, что это было полное воплощение всего задуманного, но хотя бы частично решались земельные проблемы казахов.

В Наркомате земледелия, Наркомате рабоче-крестьянской инспекции РСФСР с 1921 г. ⁷³ Седельников изучал состояние сельского хозяйства и предлагал пути его подъема. В своей книге он провел сравнительный анализ промышленного и аграрного развития пяти стран: Англии, США, СССР, Индии и Китая и написал, что индустриализация сельского хозяйства — единственно верный путь прогресса: «Деваться нам некуда. Перед нами гора, а за нами дыра, яма, бездна, прорва». При этом с «горой» сравниваются американские успехи, с «ямой» же — низкая производительность народного хозяйства, «китайщина». На взгляд автора, третьего пути нет: «либо в гору лезть, либо в яму падать». Он считал, что об индустриализации речь могла идти только в аграрных странах, таких как Китай, Индия или СССР. В Америке, Англии, Франции и Германии, по его мнению, уже сложилась индустриальная культура, то есть фабрично-заводская. Седельников выступал за интенсивный путь развития ⁷⁴.

В 1924—1925 гг. он — заведующий Московским землеустроительным техникумом, член союза просвещения ⁷⁵. С мая по июль

1925 г. был командирован в Баку, Тифлис и Муганский район АССР для выяснения вопросов, связанных с водным хозяйством, водно-земельным устройством и заселением Мугани ⁷⁶.

С 1925 по 1929 г. работал в типографии Госфиниздата (в ячейке) в качестве прикрепленного ⁷⁷. В мае 1926 г. написал заявление в сельскохозяйственную секцию НК РКИ СССР, где указывал, что ввиду снятия проблемы колонизации, запрашивает о переходе в Сектор контроля и проверки исполнения для работ по обследованию изобретательского дела. Но и тогда он не отрекся окончательно от землеустроительных вопросов: «Я обязуюсь принять участие в работе по изучению вопроса о элементах в сельском хозяйстве в части, касающейся колонизации и землеустройства; по-прежнему давать все заключения по вопросам земельного дела и водного права и участвовать в соответственных заседаниях» ⁷⁸.

Постепенно он увлекся историей изобретательства. Результаты своей кропотливой трехлетней работы Седелников изложил в книге «Пути советского изобретательства» (М.-Л. 1929). Начав с истории изобретательского дела в царское время, он осветил положение дел при советской власти. 26 мая 1930 г. по дороге на заседание комиссии СНК СССР, которая должна была рассматривать новый закон об изобретательстве, Седелников скончался. После кончины была произведена кремация. Ныне он покоится в Москве, в колумбарии Донского кладбища.

Центральные советские газеты — «Известия», «Правда», «Труд», «Комсомольская правда» — поместили некрологи о его кончине. Его вклад в развитие страны оценивался очень высоко, при этом наибольшего внимания был удостоен советский период его жизни. «Известия» 29 мая 1930 г. писали: «Умер незаурядный и крупный общественный деятель, работавший в последние годы в области организации рабочего изобретательства... Рабочие изобретатели потеряли лучшего и мужественного своего друга. Изобретательская общественность утратила выдающегося изобретателя, сумевшего от отдельных случаев волокиты и мытарств поднять изобретательский вопрос до принципиальной высоты крупной государственной проблемы» ⁷⁹. Однако не было упомянуто о его взглядах на земельный вопрос, о его борьбе за права казахских земледельцев и кочевников, чему была посвящена большая часть его жизни. Тем более, что и сам он неоднократно указывал на то, что его основные профессиональные интересы включают в себя, прежде всего, сферу аграрных отношений в степи. Так в анкете, заполненной им лично в 1925 г., в графе о профессиональной принадлежности записано: «Считаю себя специалистом по земельному делу, землеустройству, земельному законодательству, земельному суду, национальному землепользованию...» «Основательно знаком с положением земельного дела в национальных Республиках и областях, особенно в Киргизии и Туркестане» ⁸⁰.

Не всегда Седелников находил утешение и у своих близких, хотя в семье пользовался непререкаемым авторитетом. Сложно складывалась его семейная судьба — 3 брака, четверо детей — 2 сына и 2 дочери. Семейный очаг Седелникова подвергался мучительным потрясениям: смерть сына Сергея в младенчестве, болезнь и самоубийство сына Владимира. А его далеко не доходная деятельность не

всегда позволяла обеспечить семью. Сам он называл ее «нищей и голодной».

В кругу семьи не было тесных отношений, скорее ровные, тем более Седельников подолгу жил без нее. Вместе с тем, он не производил впечатления человека, угнетенного печалью и невзгодами. Был живым, открытым, энергичным, деловым, с казачьим характером — жесткий и в то же время отзывчивый, готовый помочь. Порывистый и восторженный по натуре, он обладал трезвым и глубоким мыслительным даром. Его великолепному ораторскому искусству завидовали многие.

Он был знаком с множеством ответственных партийных работников: Ленин, Сталин, Каменев, Рыков, Крупская, Калинин, Петерс и др.⁸¹. Несмотря на левые взгляды власть была вынуждена прислушаться к нему, поскольку нуждалась в компетентном специалисте. Его знания и опыт были востребованы. Сам он писал: «Я ничего не могу поделать со своим неукротимым сердцем, которое никогда не подчинялось произволу и “усмотрению начальства”»⁸².

Седельников, изучивший проблему поземельных отношений в Казахской степи «изнутри», не понаслышке знал о нуждах казахского населения. Но, в отличие от большинства чиновников, занимавшихся вопросами землеустройства в Степи, Седельников не только понял новые тенденции в системе поземельных отношений у казахов, но и уловил перемены в умонастроениях и традиционных представлениях кочевников о земле.

Седельников пытался доказать, что важно учитывать особенности хозяйственного устройства казахов при межевании земель. Констатируя взаимную борьбу слоев степного населения, он, вместе с тем, отмечал и растущую солидарность обездоленных масс, готовых бороться против колонизаторской политики, что и являлось объединяющим фактором.

Седельников в должной мере осознавал, насколько важно при проведении аграрной реформы учитывать особенности и своеобразие опыта хозяйствования на земле нерусских народов, населявших Российскую империю. Насилие по отношению к ним он считал совершенно недопустимым, и в этом состоит неоспоримая важность и актуальность его взглядов и убеждений.

Примечания

1. АМАНЖОЛОВА Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М. 1994; БАКАНОВ В.П. Казак судьбы необыкновенной — Тимофей Иванович Седельников. В кн.: Оренбургское казачье войско: Военная служба и общественная жизнь. Сб. научных трудов. Челябинск. 1997, с. 54—73; Казачьи войска Азиатской России. Сб. документов. М. 2000; Аграрная история Казахстана (конец XIX — начало XX вв.): сб. документов и материалов. Алматы. 2006; РОДИОНОВА Т.С. Деятели печати и первая Государственная дума России. М. 2007; КОЖАХМЕТОВ Г.З. Становление национальной государственности в Казахстане в условиях советской автономии (1917—1936 гг.). Алматы. 2010.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия), оп. 19, д. 3151, л. 2.
3. Госдума вздрогнула от южноуральского казака. [chel./ mk./ru](http://chel.mk.ru).

4. РГИА, ф. 391, оп. 19, д. 3151, л. 3.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А406 (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР), оп. 24а, д. 11 133, л. 86об.
6. Там же, ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства), оп. 2, д. 104, л. 37—38.
7. Там же, ф. 391, оп. 19, д. 3151, л. 4, 9.
8. БАКАНОВ В.П. Ук. соч., с. 55.
9. КОЖАХМЕТОВ Г.З. Государственная дума и народы Степного края в 1905—1917 гг. Караганда. 1999, с. 67.
10. КСЕНЖИК Г.Н. Историческая география Степных областей Казахстана в XIX — начале XX вв. Алматы. 2015, с. 149.
11. ГА РФ, ф. 406, оп. 24а, д. 11 133, л. 85.
12. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб. 1907, с. 4.
13. Государственная дума. 1906 год. Сессия первая. Стенографические отчеты. Заседания 1—18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб. 1906, стб. 709—713.
14. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 44, 46—47, 197, 544.
15. СУДОРГИНА Т.В. Глубоко честный и бескорыстный человек, до святости чуждый микроба стяжательства. — Оренбургское время. 19.VII.2006, с. 10.
16. КОЖАХМЕТОВ Г.З. Ук. соч., с. 68.
17. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. Ук. соч., с. 6.
18. Там же, с. 8.
19. Там же, с. 10.
20. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. По переселенческим участкам Каркаралинского уезда. В кн.: Записки Семипалатинского подотдела Западносибирского отдела РГО. Вып. IV. Семипалатинск. 1908, с. 91.
21. БЕКМАХАНОВА Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М. 1980, с. 250.
22. КСЕНЖИК Г.Н. Ук. соч., с. 137—138.
23. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. Борьба за землю в Киргизской степи..., с. 16.
24. Движение Алаш. Апрель 1920—1928 гг. Т. 3. Алматы. 2007, кн. 1, с. 57.
25. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. Борьба за землю в Киргизской степи..., с. 68.
26. Там же, с. 35.
27. Там же, с. 33.
28. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 5. Алматы. 2010, с. 43.
29. СЕДЕЛЬНИКОВ Т.И. Борьба за землю в Киргизской степи..., с. 38.
30. Там же, с. 39.
31. Там же, с. 34.
32. Там же, с. 35—36.
33. Там же, с. 38—39.
34. Там же, с. 39.
35. Там же, с. 42.
36. Там же, с. 41.
37. Там же, с. 42.
38. Там же, с. 44.
39. Там же, с. 45.
40. Там же, с. 47.
41. Там же, с. 50.
42. Там же, с. 51.
43. Там же, с. 58.
44. Там же, с. 76.
45. БУКЕЙХАНОВ А. Избранное. Алматы. 1995, с. 270—274.
46. Там же, с. 250—256.
47. ГА РФ, ф. А406, оп. 24а, д. 11 133, л. 85об.
48. Там же, л. 86.
49. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 44.
50. БАКАНОВ В.П. Ук. соч., с. 58.
51. ГА РФ, ф. А406, оп. 240, д. 11 133, л. 85об.

52. ВЕРНИГОРОВ А.М. Другой путь казака Тимофея Седельникова. — Верхнеуральский извозчик. 24.II.2015.
53. Оренбургский казачий вестник. 1917 г., июнь, № 8.
54. ГА РФ, ф. А406, оп. 240, д. 11 133, л. 86.
55. Там же, ф. 10 249 (Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР), оп. 3, д. 171, л. 23.
56. Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа. 2009, с. 458.
57. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.). Документы и материалы. Т. 3. Уфа. 2004, ч. 1, с. 223.
58. Там же. Т. 3. Уфа. 2006, ч. 2, с. 223.
59. Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919—1920 гг.). Сб. документов. Алматы. 1993, с. 5; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.). Документы и материалы, т. 3, ч. 2, с. 328.
60. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.). Документы и материалы, т. 3, ч. 2, с. 450!
61. Царская окраина: взгляд изнутри. (Письмо Т. Седельникова пролетарскому вождю). — Мысль. 1993, № 6, с. 83—89; № 7, с. 79—82.
62. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.), т. 3, ч. 1, с. 354.
63. СЕДЕЛЬНИКОВ Т., ЛЕЖАВА-МЮРАТ В. Тезисы по киргизскому вопросу. В кн.: Движение Алаш. Апрель 1920—1928 гг., т. 3, кн. 1, с. 57.
64. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 5 (Документы, относящиеся к партийной и общественной деятельности В.И. Ленина), оп. 2, д. 258, л. 14.
65. Там же, ф. 558 (Сталин И.В. Авторские документы), оп. 1, д. 5585, л. 2.
66. Там же, л. 3.
67. Там же, л. 4.
68. Там же, л. 7.
69. Там же, л. 10.
70. Там же, л. 11об.
71. ГА РФ, ф. А406, оп. 240, д. 11 133, л. 85.
72. КАН Г.В. История Казахстана. Алматы. 2013, с. 217.
73. Башкирская энциклопедия, т. 5, с. 458.
74. СЕДЕЛЬНИКОВ Т. Что дает индустриализация страны крестьянству. М. 1928, с. 1, 45—47.
75. ГА РФ, ф. А406, оп. 24а, д. 11 133, л. 9.
76. Там же, ф. 10 249, оп. 3, д. 171, л. 22.
77. Там же, л. 20.
78. Там же, ф. А406, оп. 24а, д. 11 133, л. 54.
79. Известия. 29.V.1930.
80. ГА РФ, ф. А406, оп. 24а, д. 11 133, л. 84—85.
81. Там же, л. 86об.
82. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 258, л. 14.

Идеология Хо Ши Мина против французской стратегии молниеносной войны

В.Н. Колотов

Аннотация. В данном исследовании аргументированно доказывается, что при разработке стратегии борьбы против колониализма Хо Ши Мин творчески использовал стратагематику и трактат древнекитайского полководца Сунь-цзы. В разработанных Хо Ши Мином рекомендациях для вьетнамских командиров показаны заимствования ряда ключевых идей из древнекитайских источников и их применение в нормативных документах, которые использовались как при планировании войны в целом, так и конкретных операций. Стратагематика стала важной частью идеологии Хо Ши Мина, которая до сих пор играет ведущую роль в современном Вьетнаме.

Ключевые слова: Сунь-цзы, Хо Ши Мин, стратагемы, информационные войны, психологическая война.

Abstract. This study proves that Ho Chi Minh developed a strategy of struggle against colonialism by creatively using the stratagematics and ancient military treatise of Chinese general Sun Tzu. It is clear from the recommendations given by Ho Chi Minh to Vietnamese commanders that a number of key ideas were borrowed from ancient Chinese sources and applied directly to normative documents. These documents were used in the planning and staging of specific operations during the war. This is how stratagematics became a fundamental element of Ho Chi Minh ideology, which is still playing a leading role today in contemporary Vietnam.

Key words: Sun Tzu, Ho Chi Minh, stratagems, information wars, psychological warfare.

В истории первой индокитайской войны (1946—1954) особого внимания заслуживает проблема происхождения и разработки стратегий, которые использовались военным командованием вступивших в противоборство сторон. Связано это с тем, что исход войны во многом зависел от эффективности разработанной стратегии. Несмотря на очевидную актуальность, данная проблема до сих пор не получила адекватного ее значимости внимания со стороны исследовательского сообщества. Это связано во многом с тем, что пишущие на эту тему западные авторы, как правило, не владеют восточными языками и не могут использовать необходимые для изучения данного вопроса источники. В данном исследовании предпринята попытка с опорой на

Колотов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор. E-mail: v.kolotov@spbu.ru.

Kolotov Vladimir N. — doctor of historical sciences, professor. E-mail: v.kolotov@spbu.ru.

известные во Вьетнаме, но не используемые в должной степени на Западе источники разобратся в основных аспектах разработанной Хо Ши Мином стратегии.

В то время, как только что провозглашенная 2 сентября 1945 г. Демократическая республика Вьетнам (ДРВ) вступила в борьбу за независимость, Франция при поддержке Великобритании и США приступила к восстановлению своих былых колониальных владений.

При исследовании стратегии противодействующих сторон этой войны следует учитывать региональный характер военных действий. В Южном Вьетнаме колониальные спецслужбы еще до второй мировой войны заложили прочные основы сохранения французского влияния путем создания «антифранцузских» религиозных сект, которые на самом деле находились под скрытым и эффективным влиянием колонизаторов. После быстрого восстановления контроля над Южным Вьетнамом осенью 1945 г. французы оперативно создали систему управления конфликтом, которая была построена на основе использования религиозных сект Каодай и Хоахао, а также криминального синдиката Биньсюен, что позволило им чужими руками поставить эффективный заслон распространению национально-освободительного движения на юге страны.

В данных условиях все надежды на освобождение Вьетнама возлагались на возглавляемое Хо Ши Мином правительство, которое после захвата французскими войсками дельты Красной реки в конце 1946 г. переместилось на заранее подготовленные позиции в горах Северного Вьетнама. Именно этот труднодоступный горный регион на северо-западе стал основным театром военных действий первой индокитайской войны. В Индокитае для подавления местной национально-освободительного движения по очереди были направлены следующие французские генералы: Жак Филипп Леклерк (1945—1946), Жан Этьен Валлюи (1946—1948), Рожэ Блэзо (1948—1949), Марсель Морис Карпантье (1949—1950), Жан де Латр де Тассиньи (1950—1951), Рауль Салан (1952—1953) и, наконец, Анри Наварр (1953—1954), запомнившийся роковым поражением в битве при Дьенбьенфу, которое положило конец французскому владычеству в Индокитае. Как видно, ни один из участников этой чехарды надолго во Вьетнаме не задержался. Французские генералы XX в. не запомнились ни успешным ведением военных кампаний, ни серьезными аналитическими работами, в которых были бы проанализированы причины их поражений. Во время войны в Индокитае они стремились подражать немецкой стратегии «молниеносной войны», эффективность которой они испробовали на себе, а также демонстрировали высокомерие и презрение в отношении противника, зачастую раздавая журналистам хвастливые интервью, в которых делились своими планами по быстрому разгрому противника. Этой же логике следовал и американский генерал Филипп Б. Дэвидсон, который, описывая психологический тип вьетнамского главнокомандующего генерала Во Нгуен Зяпа, отметил, что «журналисты, которые встречались с ним, а также отчеты сотрудников американских спецслужб, изображают Зяпа как сосредоточение всех самых худших свойств, присущих таким одиозным личностям, как Адольф Гитлер и Бенито Муссолини»¹. Далее, опи-

сывая выдающегося вьетнамского военачальника по доступным ему материалам, Дэвидсон отмечает, что тот «заносчив и высокомерен», «тупой и неотесанный крестьянин», «как и фюрер он импульсивен и часто иррационален»².

Опираясь на мнение коллег, которые были лично знакомы с Во Нгуен Зяпом и давали ему совершенно противоположные характеристики, нам стало очевидно, что западные журналисты и военные сильно ошиблись в оценке вьетнамского главнокомандующего. Человеку, знакомому с этнопсихологией данного региона для решения подобного «парадокса» достаточно привести в пример одну из основных стратегем — «Прикидываться безумным, сохраняя рассудок», которая вполне понятна и без детальных пояснений. Вьетнамские стратеги заранее просчитали, что на такой «неотесанный» образ вьетнамского главнокомандующего французы обязательно «клюнут», поведутся на эту приманку и в итоге недооценят формирующуюся угрозу до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Для более глубокого понимания данной ошибки западных аналитиков необходимо познакомиться с еще одним ставшим крылатым выражением, которое издавна получило широкое распространение во Вьетнаме — «познай себя, познай другого», которое представляет собой точную цитату из трактата Сунь-цзы «Искусство войны»³. Целиком данный отрывок в переводе акад. Н.И. Конрада выглядит следующим образом: «если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение»⁴.

Из приведенного выше примера хорошо видно, что ни французские, ни позже американские военные не понимали, с каким противником они имеют дело на этот раз, то есть не было выполнено ключевое условие древнекитайского стратега «познай себя, познай другого». Французские военачальники не знали ни себя (после первых выстрелов при осаде Дьенбьенфу значительная часть их союзников дезертировала), ни противника, поэтому, согласно классической теории военного искусства, ими была проиграна не только решающая битва, но и вся война.

В то время в джунглях к северу от дельты Красной реки висело множество мотивирующих вьетнамских солдат лозунгов — буквально «сто боев, сто побед», в котором только не хватает кавычек и соответствующим образом оформленной ссылки на знаменитый трактат Сунь-цзы. Но высокомерные европейские генералы предпочитали не замечать факты, поскольку верить в созданную для них Во Нгуен Зяпом иллюзию о недалеком и неотесанном противнике им было удобнее. Многие западные военные и гражданские эксперты тех лет стали жертвой заготовленной для них уловки, а некоторые аналитики до сих пор живут в мире уловок войны, отгремевшей уже более шестидесяти лет.

Использование Во Нгуен Зяпом стратегем в решающей битве первой индокитайской войны уже было достаточно подробно рассмотрено. В данном исследовании особое внимание обращено на то, что этот выдающийся военачальник считал своим учителем Хо Ши Мина и это не просто дань вежливости высшему политическому руковод-

ству, о котором с пренебрежением отзывался Ф.Б. Дэвидсон, указывая на то, что «Ленин и Хо никогда не командовали людьми во время сражений»⁵. При этом американский генерал забыл о том, что высшее военное командование подчиняется высшему политическому руководству.

С вьетнамской стороны сопротивление французским колонизаторам возглавил Хо Ши Мин (1890—1969), который в самом конце 1944 г. подписал приказ о создании Народной армии Вьетнама во главе с Во Нгуен Зяпом (1911—2013), прослужившем в должности министра обороны до 1980 года. Во время второй мировой войны Индокитай находился под двойной французско-японской оккупацией, и после ее окончания проблема создания с нуля дееспособных боевых подразделений, которые должны были победить вооруженную современным оружием французскую армию, стояла очень остро.

В условиях длительного колониального прошлого, находясь в отрыве от потенциальных союзников, не имея доступа к основным жизненно необходимым ресурсам, руководство ДРВ прежде всего пыталось решать проблему политического воспитания масс (а также одновременного разложения противника), чтобы они оказывали помощь вооруженным силам и направляли наиболее активных представителей в Народную армию, где те получали бы дополнительную политическую и военную подготовку.

Сравнительный анализ показывает абсолютное превосходство французов по всем основным материальным ресурсам и военно-техническим параметрам, но, как показала практика, они существенно уступали своим вьетнамским визави в эффективности управления войсками, военно-воспитательной работе, а также проницательности и самых важных аспектах военного искусства — стратегическом видении и умении вводить противника в заблуждение.

Одна из наиболее интересных аналитических работ о войне во Вьетнаме принадлежит перу генерала американской разведки Филиппа Б. Дэвидсона, который тщательно проанализировал стратегии противоборствующих сторон, а также попытался понять, на какой теоретической базе строилась подготовка командного состава Народной армии Вьетнама. Он упоминает все возможные источники стратегии и тактики от Сунь-цзы до Наполеона, Клаузевица, Ленина, Мао Цзедуна, Хо Ши Мина и даже Лоуренса Аравийского⁶, однако не приводит ни одного конкретного примера использования их идей при разборе реальных комбинаций, сложившихся на театре военных действий, что является существенным упущением.

Хо Ши Мин говорил кратко и настолько грамотно сформулировал суть проблемы, что данные им сжатые формулировки западали в души людей и таким образом изменяли их мысли и поведение. На это обратил внимание даже генерал Дэвидсон, который, описывая путь, приведший Во Нгуен Зяпа в революцию, отметил, что рубежом моментом в его жизни стало прочтение памфлета Нгуен Ай Куока «Суд над колониализмом», который «переходил из рук в руки молодых революционеров, “... вдохновлял нас, наполнял нас ненавистью и гневом”»⁷.

Идеология изменяла мышление людей, следовательно, менялось их поведение, их жизненный путь и под этим активным духовным

воздействием происходили политически значимые изменения в окружающей среде. Люди живут в мире идей, и когда эти идеи овладевают людьми, то они эти идеи защищают ценой своей жизни. Прямые команды не действуют так эффективно, как эмоционально окрашенные образы и метафоры. Ранее послушно тянувшие лямку люди, прочитав короткие статьи, вставали в ряды сопротивления, начинали работать над собой, повышали свой политический уровень и шли в бой против сильного противника, который десятилетиями угнетал их и грабил их страну.

Хо Ши Мин лично создавал школы политической подготовки, в которых учащиеся должны были выступать перед коллегами в одежде, характерной для рабочих, шахтеров, солдат или крестьян, и говорить на понятном им языке, чтобы те принимали их за своих, а на экзаменах он сам, переодевшись в крестьянина или рабочего, слушал выступления своих учеников ⁸.

В создаваемой Хо Ши Мином системе власти, которая была построена во многом по советским образцам, военные подчинялись приказам высшего политического командования. Французам во Вьетнаме противостояли отнюдь не новички. Дэвидсон не обращает должного внимания на вклад Хо Ши Мина в военную науку, считая его всего лишь политиком. Это в корне ошибочное мнение, которое сформировалось по причине некритичного использования различных источников и литературы. К тому времени у Хо Ши Мина уже был богатый личный опыт участия в подготовке и проведении восстаний, а также военных действиях.

Западные исследователи незаслуженно обошли вниманием книгу А. Нейберга «Вооруженное восстание», которая была сначала издана на немецком ⁹, а затем переведена на французский ¹⁰, русский ¹¹ и английский ¹² языки. Данная книга заслуживает особого внимания потому, что Нейберг — коллективный псевдоним ряда известных военных, разведчиков и политических деятелей международного коммунистического движения ¹³, которые провели данное исследование в целях теоретической и практической подготовки революционных кадров в Коминтерне. В данной монографии был обобщен большой теоретический и практический опыт вооруженной революционной борьбы от Гамбурга до Кантона.

К середине XX в. Хо Ши Мин прошел обучение в Коминтерне и МЛШ, в ходе которого стал блестящим специалистом в области организации революционного движения. Он лично участвовал в событиях, развернувшихся в Кантоне и Шанхае. Мы полагаем, что разделы, посвященные анализу революционных выступлений в Кантоне (1927) и Шанхае (1926—1927) были написаны Хо Ши Мином, который с 1924 по 1927 г. под псевдонимом Ли Цюй находился в Китае. В 1941 г., вернувшись в Северный Вьетнам, Хо Ши Мин, опираясь на полученный опыт, приступил к практическому созданию вооруженных сил и подготовке вооруженного восстания. После захвата власти в ходе Августовской революции при планировании конкретных операций были использованы непривычные для западных аналитиков принципы. Можно сказать, что внешне вьетнамская революция была обильно представлена в марксистско-ленинских терминах и технологиях Коминтерна, которые эффективно использовались в борьбе, тогда

как важная часть ее внутреннего содержания состояла из категорий и стратегических принципов, сформулированных еще в Древнем Китае. Обе части эффективно исполняли свои задачи в зависимости от ситуации. Пока противник готовился к идеологической борьбе с марксизмом-ленинизмом, терминология которого была видна невооруженным взглядом, он получал неожиданный сокрушающий удар из совершенно другого методологического измерения. Стратегемы — альфа и омега мышления дальневосточных политиков, дипломатов и стратегов, которые в середине XX в. приняли причудливую синкретическую форму с вкраплениями диалектического материализма и марксизма-ленинизма. Но что об этом было известно на Западе как в то время, так и сейчас?

Трактат Сунь-цзы «Искусство войны» впервые был переведен на французский язык известным французским иезуитом Жозефом Мари Амио (Joseph Marie Amiot) в 1772 году ¹⁴. Первый перевод данного трактата на английский язык ¹⁵ появился в 1910 г., а на русском наибольшую известность получил сделанный в 1950 г. перевод акад. Конрада ¹⁶. В трактате Сунь-цзы используются и стратегемы, о существовании которых на Западе узнали существенно позже, благодаря швейцарскому востоковеду Харро фон Зенгеру, который получил всемирную известность как исследователь науки о стратегемах — стратегематики. Свою первую статью по данной проблематике «Использование 36 стратегем для критики “банды четырех”» он опубликовал во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» только в 1977 г., а его знаменитая книга о стратегемах впервые вышла в 1988 году ¹⁷.

В этой связи возникает вопрос: существует ли документальное подтверждение использования вьетнамским политическим и военным командованием стратегем и других принципов древнекитайского стратегического планирования, в частности, трактата Сунь-цзы в своей деятельности. Для того, чтобы аргументированно ответить на этот вопрос, следует обратиться к источникам. Здесь, прежде всего, стоит отметить совершенно ускользнувший от внимания пишущих на эту тему западных коллег цикл работ Хо Ши Мина.

В год рождения будущего исследователя стратегем (1944 г.) Хо Ши Мин, подписав приказ о создании Вьетнамской Народной армии, приступил к систематическому обучению на курсах повышения квалификации высшего политического и военного руководства, на которых он сам вел занятия. Через два года, когда французы, затягивая переговоры, стали вести тайную подготовку к военным действиям, в целях обеспечения соответствующей теоретической подготовки и преемственности использования военной терминологии, чтобы командиры и подчиненные Народной армии Вьетнама говорили на одном профессиональном языке, Хо Ши Мин подготовил свои лекции к изданию в виде краткого массового практического пособия для подготовки военных кадров. С 17 мая по 13 декабря 1946 г. появился цикл материалов о военной стратегии и тактике под общим названием «Искусство войны Сунь-цзы», подписанный одним из псевдонимов Хо Ши Мина — Q. Th. (от вьет. — решительно побеждать). Эти 18 статей были напечатаны на страницах газеты «Кыукуок» ¹⁸ (Спасение Родины) и стали важной частью системы политической и военной подготовки создаваемой армии нового типа в середине XX века.

Позднее все эти статьи были собраны и изданы в полном собрании сочинений Хо Ши Мина. Этот источник, подготовленный национальным лидером накануне начала войны с французскими колонизаторами, также имеет самое непосредственное отношение к реальной стратегии и тактике вооруженных формирований северо-вьетнамских войск в период первой индокитайской войны.

Работая с потемневшими и пожелтевшими от времени и тропического климата номерами газеты 1946 г., хорошо видно, какое внимание уделялось подготовке военных кадров при скудных ресурсах в первые годы народной власти. Самая первая фраза в начале первой заметки такова: «Искусство войны Сунь-цзы — самый ценный метод ведения войны с древности до наших дней. Газета “Спасение Родины” представляет вниманию интересующегося военными вопросами читателя краткие переводы в военном разделе»¹⁹. Кстати, в Полном собрании сочинений Хо Ши Мина, где помещен текст этого выпуска, приведенного выше краткого введения нет.

В тексте, несмотря на военно-полевой характер выпуска газеты, очень аккуратно расставлены кавычки, в которых помещены цитаты из трактата древнекитайского мыслителя, снабженные пояснениями и комментариями создателя победоносной вьетнамской армии, не проигравшей в XX в. ни одной войны. Позднее вьетнамские солдаты шли в бой, мотивированные вырванными из оригинального контекста и ставшими крылатыми фразами Сунь-цзы «Сто побед, сто боев», «Быстро наносить удары, быстро побеждать» и др.

В этом цикле было напечатано 18 кратких статей, в которых затрагивался широкий круг актуальных для того времени вопросов. В названии восьми частей присутствует фраза «Искусство войны» Сунь-цзы, в других она опускается. Например, в 11-й части «Идеологическая война» в тексте имеются ссылки на Сунь-цзы, а некоторые части (12, 13) дословно повторяют названия соответствующих глав из классического трактата. Хо Ши Мин творчески переработал и приспособил рекомендации древнекитайского мудреца к условиям ведения войны в середине XX века.

При сравнении с оглавлением трактата Сунь-цзы (до нас дошло 13 глав, изначально было 18) очевидно, что Хо Ши Мин изобретательно модернизировал для своих нужд практически все главы из произведения Сунь-цзы и добавил несколько своих.

В первом же выпуске Хо Ши Мин обратил внимание читателя на то, что «Сунь-цзы опирался на 10 принципов в процессе создания своего метода ведения войны. Первый принцип — надо предвидеть. Перед тем, как начинать войну, надо узнать себя, узнать противника, узнать благоприятные особенности местности, чтобы определить план действий, только так можно победить в бою»²⁰. Подробному разъяснению знаменитой формулы Сунь-цзы «познай себя, познай другого» посвящена третья часть «“Искусство войны” Сунь-цзы. Что делать, чтобы узнать противника?»²¹

В следующей таблице отражено условное соответствие между главами трактата Сунь-цзы и циклом работ Хо Ши Мина. Именно условное, поскольку содержание неупомянутых глав китайского трактата все равно частично затрагивается в статьях вьетнамского лидера, а некоторые главы подробно рассматриваются в двух, а то и в трех

частях. Есть и совершенно новые части, в которых на классической теоретической базе проводится, например, анализ современных вьетнамских и французских вооруженных сил (статья 17).

Название глав в трактате Сунь-цзы «Искусство войны» (в скобках указан номер соответствующей по смыслу статьи Хо Ши Мина)	Статьи Хо Ши Мина об «Искусстве войны» Сунь-цзы (в скобках указан номер соответствующей по смыслу главы Сунь-цзы)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Предварительные расчеты (1) 2. Ведение войны (2) 3. Стратегическое нападение (5) 4. Форма (1) 5. Мошь (9) 6. Полнота и пустота (9) 7. Борьба на войне (10) 8. Девять изменений (8) 9. Поход (9, 14) 10. Формы местности (9, 12, 13) 11. Девять местностей (6, 9, 12, 13) 12. Огневое нападение 13. Использование шпионов (3, 4, 11) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Искусство войны» Сунь-цзы (1, 4) 2. «Искусство войны» Сунь-цзы. Методы ведения войны (2) 3. «Искусство войны» Сунь-цзы. Что делать, чтобы узнать противника? (13) 4. «Искусство войны» Сунь-цзы. Методы использования шпионов (13) 5. «Искусство войны» Сунь-цзы. Разработка плана ведения войны: стратегия и тактика (3) 6. «Искусство войны» Сунь-цзы. Вопросы об интендантской службе и продовольствии (11) 7. Современная сухопутная армия и виды оружия. 8. Формы современной войны. 9. «Искусство войны» Сунь-цзы. Размышления о полноте и пустоте (5, 6) 10. «Искусство войны» Сунь-цзы. Методы наступления и отступления (7, 8) 11. Идеологическая война. (13) 12. О формах местности (10, 11) 13. Местности (10, 11) 14. Методы ведения войны и походы по разным формам местности (9) 15. Северный полюс как важное место военной стратегии в будущем. 16. Борьба за справедливость. 17. Стратегии нашей и французской армий. 18. Экономическая мобилизация.

По объему и содержанию статьи Хо Ши Мина вполне сопоставимы с главами из трактата Сунь-цзы. Авторы «Биографии Хо Ши Мина» полагают, что этот цикл статей следует считать «учебником, в котором кратко, но конкретно и понятно, изложены основы военного искусства»²². С учетом местных традиций и небольшого объема изучаемого материала, можно предположить, что эти лекции выучивались наизусть. Следует помнить, что в созданной Хо Ши Мином системе власти документы, подготовленные высшим партийным руководством, имели нормативный характер и были обязательны к изучению и исполнению.

В восьмой статье «Формы современной войны» Хо Ши Мин писал: «Современная война крайне сложна. В прошлом войска воевали друг с другом только на передних линиях и только на земле или на воде, поэтому это называлось война на плоскости. В наши дни противоборство идет как на фронте, так и в тылу, что называется многомерной войной. Раньше противостояние носило военный характер, сейчас противостояние стало военным, экономическим, политическим, идеологическим и поэтому оно называется всесторонней войной»²³. Любопытно отметить, что та же самая мысль, только в менее развернутой форме, имеется и в упоминавшейся выше монографии «Вооруженное восстание», влияние которой также чувствуется в статьях Хо Ши Мина, напечатанных в газете «Кыукуок» 15 лет спустя. Основное отличие состоит в том, что газетные статьи существенно короче, проще и в них кавычками выделены цитаты из трактата Сунь-цзы. В издании 1931 г. Сунь-цзы явно нигде не цитируется, но его теоретическое влияние тем не менее ощущается²⁴.

Учение Сунь-цзы о полноте и пустоте также нашло отражение в стратегическом подходе Хо Ши Мина. «По мнению Хо Ши Мина, нужно использовать “мягкое” против “твердого”. Он объяснял это так: “Если стукнуть друг о друга два камня — оба разобьются, то же самое будет, если стукнуть два яйца — оба также разобьются. Нужно одно твердое и другое мягкое, тогда при столкновении только одно из них останется целым”»²⁵. Вот как похожая мысль выражена в трактате Сунь-цзы: «Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу: это есть полнота и пустота»²⁶. И далее, развивая эту мысль, Сунь-цзы отмечал: «Форма у войска подобна воде: форма у воды — избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска — избегать полноты и ударять по пустоте»²⁷.

Сунь-цзы так пояснил свою концепцию: «Поэтому у войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством»²⁸. В данном случае китайский мудрец говорил о том, что нет готовых на все случаи жизни рецептов победы, и стимулировал творческий поиск нужного баланса «полноты» и «пустоты». В данном случае мы видим пример классического стратега мышления, которое позволяет видеть мир системно, с учетом причинно-следственных связей, через призму определенных принципов и категорий, а не в том, чтобы вы зубрить отдельные уловки и ждать удобного случая для их применения.

Президент Хо Ши Мин в полном соответствии с духом концепции древнекитайских стратегов о полноте и пустоте призывал к асимметричному ответу колонизаторам: «Французы имеют танки, пушки, мы разрушаем дороги. Французы имеют самолеты, мы копаем бомбоубежища. Враг атакует нас днем, мы атакуем ночью. Он проводит тотальную операцию, мы воюем по-партизански. Он на небе, мы на земле. Он ведет молниеносную войну, мы затяжную. Он сеет рознь между буддистами и католиками, между северянами и южанами, мы осуществляем сплочение. Поэтому мы обязательно победим, враг обязательно потерпит поражение»²⁹.

Вот еще одна известная фраза, которую часто повторял Хо Ши Мин: «Победить врага в сражении — это хорошо, но победить его без

сражения еще лучше»³⁰. Аналогичная мысль у Сунь-цзы выглядит следующим образом: «Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь»³¹.

В конце шестой главы Сунь-цзы сделал очень важное замечание: «Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Поэтому победа в бою не повторяется в том же виде, она соответствует неисчерпаемости самой формы»³². Так было и в XX в. — противник видел контуры победы, но не понимал системы, при помощи которой она была подготовлена. Идеология как умение мыслить философскими категориями не видна со стороны. Вьетнамская армия побеждала в разных условиях, поскольку концепция Сунь-цзы о полноте и пустоте неисчерпаема и в случае правильного применения позволяет организовывать победы в разных условиях.

Не зря Хо Ши Мин говорил, что «народная война поставит противника в условия “на небе сети, а на земле ловушки”, где у него не будет понимания, где фронт, а где тыл, что впереди, а что за спиной, в любом месте в любое время он может быть атакован и уничтожен»³³. Так он понимал стратегию современной войны в середине XX века.

Американский генерал Дэвидсон, как опытный профессионал, верно понял, что поражение западных держав в войне во Вьетнаме следует искать в области превосходящей стратегии противника³⁴, но не уловил «той формы, посредством которой, — по словам Сунь-цзы, — была организована победа»³⁵.

Стратегематика учит предвидению и многоходовому планированию, не зря одно из возможных толкований значения иероглифа, обозначающего стратега, состоящего из двух графических элементов: «речь» и «десять», заключается в предварительном планировании и тщательном продумывании каждого слова, что «буквально» означает следующее — десять раз продумай, один раз скажи. Таким образом в этот иероглиф встроена идея планирования или просчитывания ситуации на десять шагов вперед. Именно этому учил и Хо Ши Мин. Кстати, именно этот иероглиф присутствует в названии первой главы «Предварительные расчеты» трактата Сунь-цзы. В первом же выпуске цикла статей «Искусство войны» первые слова были посвящены необходимости предвидеть поведение противника и, опираясь на это видение, тщательно планировать свои действия.

Авторитетный российский востоковед акад. В.С. Мясников отметил: «Огромное влияние на теоретическую разработку стратегемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», требовавший облекать предварительные расчеты в форму стратега»³⁶.

Терминология и склад мышления Сунь-цзы много ближе для понимания вьетнамцам, чем западный подход. Идеология Хо Ши Мина представляет собой органичное сочетание классических и современных западных и восточных концепций и методик управления. Вьетнамские генералы руководствовались именно этой идеологией при разработке своих военных кампаний. Более того, можно сказать, что они были военным аспектом применения идеологии Хо Ши Мина,

что в современном вьетнамском языке называется «военная идеология Хо Ши Мина».

Сунь-цзы — не единственный древнекитайский военачальник, труды которого были внимательно изучены и использованы Хо Ши Мином. Достаточно вспомнить его знаменитое выражение — «Неизменностью реагировать на десять тысяч изменений», которое в Китае считается восходящим к даосизму. Вьетнамский лидер особое внимание также обратил на наследие Кун-Мина³⁷, который получил известность на Западе под именем Чжугэ Лян. Этот исторический деятель упоминается в одном из самых известных китайских классических романов «Троецарствие». «Для подготовки и повышения компетентности командиров Хо Ши Мин также написал пособие “Подготовка военачальников по методике Кун-Мина”³⁸, состоявшее из 36 вопросов о качествах, способностях и искусстве командования у полководцев»³⁹.

Трудно представить, что в середине XX в. вооруженная новейшим оружием, авиацией и бронетехникой французская армия потерпит поражение на удаленном театре военных действий от технически значительно хуже подготовленного противника. Как ни парадоксально на первый взгляд это ни звучит, но получается, что в середине XX в. древнекитайские стратагемы оказались вполне эффективны против европейского колониализма.

Реанимация на новой технологической основе казалось бы отживших свой век старых добрых стратагем из древних трактатов по военному искусству позволила восстановить суверенитет Вьетнама в середине XX в., вдохнув новую жизнь в освобожденную от колониализма страну, что полностью соответствует стратагеме «одолжить труп, чтобы вернуть душу».

Трактат Сунь-цзы выходит за узкие рамки прикладного военного искусства и поднимается на уровень философских обобщений и выводов. В этом выдающемся исследовании содержится специфический стиль мышления, который развивает умение мыслить абстрактными категориями. Глубокое подлинно философское содержание работ древних мыслителей, над которыми, как показывает практика, не властно время, позволило эффективно использовать их в контексте национально-освободительной борьбы вьетнамского народа в середине XX в., практически через 2500 лет после написания трактата Сунь-цзы.

В этой асимметричной колониальной войне самая главная асимметрия была в области мышления. Овладение категориями древнекитайской философии и стратегии открывало для вьетнамских командиров разного уровня подлинно стратегическое видение, которое от малой стычки у безымянной высоты до генерального сражения как на основном театре военных действий, так и в тылу день за днем и шаг за шагом склоняло чашу весов в сторону их победы.

Многие аналитики интуитивно чувствовали влияние китайской военной мысли на стратегию и тактику вьетнамских военных и политиков, но не приводили примеров использования данных и ссылок на литературу⁴⁰. При опоре на имеющиеся прямое отношение к изучаемой проблеме источники не составит труда привести конкретные примеры использования вьетнамскими военачальниками стратагем

тики в планировании военных операций против французских войск. Так, Сунь-цзы в § 18 главы 11 говорит о стратегаеме «Заманить на крышу и убрать лестницу»⁴¹, которая в 1954 г. была успешно применена против французов в битве при Дьенбьенфу. Еще в VI в. до н.э. Сунь-цзы в своем трактате «Искусство войны» писал: «Самая лучшая стратегия — разбить замыслы противника. Затем — разбить его связи. Затем — разбить его войска. Самая худшая стратегия — осаждать крепости»⁴². В полном соответствии с этой схемой сначала были разбиты замыслы противника, его знание о себе и противнике, далее — связи (гарнизон выманили в удаленную от дельты Красной реки местность, где у французов были сконцентрированы основные силы и развитая инфраструктура, в горную цитадель Дьенбьенфу), окружены войска и осаждена крепость, как и учили древние знатоки стратегии. Пришлось максимально задействовать все стратегические уровни. Примененный ими принцип достижения численного превосходства был описан Сунь-цзы: «Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу. Нас тогда будет много, а противника мало»⁴³. Французы при Дьенбьенфу были поставлены в условия, когда их основные силы были рассредоточены. «Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове»⁴⁴. Так, используя классические принципы военного искусства, вьетнамское командование добилось рассредоточения сил противника и обеспечило себе более выгодные условия для победы в генеральном сражении.

Подводя итог, следует отметить, что впервые при сравнительном анализе текстов трактата Сунь-цзы на китайском, вьетнамском и русском языках, а также некоторых статей и выступлений Хо Ши Мина, было аргументированно установлено, что разработанная в ходе борьбы идеология Хо Ши Мина базируется, в том числе, и на конкретных трудах древнекитайских философов. Их наследие было переработано и творчески использовано в борьбе за национальное освобождение. Комментарии Хо Ши Мина к трактату Сунь-цзы использовались в планировании и проведении военных операций и способствовали победе ДРВ в первой индокитайской войне, в которой вьетнамские руководители были вооружены стратегическими методологическими принципами. Таким образом, в данном исследовании впервые аргументированно, с опорой на источники доказана гипотеза о том, что стратегематика является важной составной частью идеологии Хо Ши Мина.

Победа в асимметричной войне против европейских колонизаторов была обеспечена не только использованием стратегематики, но и применением всего комплекса наиболее эффективных концепций из восточной и западной философии, а также военно-техническими достижениями союзников, в чем у вьетнамской стороны все равно было существенное отставание от противника. Асимметрия была компенсирована именно в области развития мышления стратегическими категориями у командного состава разного уровня и вовлечением в борьбу широких слоев населения, благодаря чему был достигнут синергетический эффект, который в итоге и привел к победе.

Хо Ши Мин творчески использовал в политической борьбе не только труды древнекитайских военных мыслителей. В идеологии Хо

Ши Мина нашли органичное сочетание восточное стратегическое мышление и западные политтехнологии. Современный Вьетнам уверенно развивается на прочном духовном фундаменте, который базируется на тщательно отобранных и приспособленных к защите национальных интересов лучших идеях и политтехнологиях как Востока, так и Запада. Восточная философия в целом и стратегика в частности — неотъемлемая часть идеологии Хо Ши Мина, которая в соответствии с действующей с 1.1.2014 г. Конституцией СРВ наряду с марксизмом-ленинизмом является «идеологическим фундаментом и руководящей силой Государства и общества»⁴⁵.

Примечания

1. DAVIDSON P.B. Vietnam at War. Oxford. 1988, p. 12.
2. Ibidem.
3. СУНЬ-ЦЗЫ. Искусство войны. В кн.: Искусство войны: Антология военной мысли. СПб. 2009.
4. Там же, с. 22.
5. DAVIDSON P.B. Op. cit., p. 15.
6. Ibid., p. 18.
7. Ibid., p. 5.
8. SONG THÀNH. Hồ Chí Minh – Tiêu su. Hà Nội. 2006, p. 203, 242.
9. NEUBERG A. Der bewaffnete Aufstand. Versuch einer theoretischen Darstellung. Zürich. 1928.
10. NEUBERG A. L'insurrection armée. 1931.
11. НЕЙБЕРГ А.Ю. Вооруженное восстание. М.-Л. 1931.
12. NEUBERG A. Armed Insurrection. London. 1970.
13. В.К. Блюхер (1890—1938), Э. Волленберг (1892—1973), Х. Киппенбергер (1898—1937), И.А. Пятницкий (1882—1938), П. Тольятти (1893—1964), М.Н. Тухачевский (1893—1937), И.С. Уншлихт (1879—1938), М. Штерн (1896—1954), а также Нгуен Ай Куок, получивший позднее широкую известность под псевдонимом Хо Ши Мин (1890—1969).
14. AMIOT J. Art militaire des chinois, ou Recueil d'anciens traités sur la guerre, composés avant l'ère chrétienne, par différents adressés généraux chinois: ... On y a joint dix préceptes adressés aux troupes par l'empereur Yong-Tcheng, père de l'empereur regnant..., 1772.
15. Sun Tzu on the Art of War. 1910.
16. СУНЬ-ЦЗЫ. Трактат о военном искусстве. М. 1950.
17. МЯСНИКОВ В.С. Стратегика — наука точная. В кн.: Кастальский ключ китаеведа. Т. 4. М. 2014, с. 62.
18. Báo Cứu quốc.
19. Ibidem., 17.5.1946.
20. HỒ CHÍ MINH. Binh pháp Tôn Tu. In: Toàn tập. Tập 4. Hà Nội, 2011, tr. 258.
21. Ibid., tr. 267.
22. SONG THÀNH. Op. cit., tr. 402.
23. HỒ CHÍ MINH. Hình thức chiến tranh ngày nay. In: Toàn tập, tập 4, 2011, tr. 342.
24. НЕЙБЕРГ А.Ю. Ук. соч., с. 136.
25. SONG THÀNH. Op. cit., tr. 402.
26. СУНЬ-ЦЗЫ. Ук. соч., с. 25.
27. Там же, с. 29.
28. Там же, с. 30.

29. SONG THÀNH. *Op cit.*, tr. 402—403.
30. *Ibid.*, tr. 415.
31. СУНЬ-ЦЗЫ. Ук. соч., с. 20.
32. Там же, с. 29.
33. *Ibid.*, tr. 401.
34. DAVIDSON P.V. *Op. cit.*, p. 796.
35. СУНЬ-ЦЗЫ. Ук. соч., с. 29.
36. МЯСНИКОВ В.С. Ук. соч., с. 55.
37. Кун-мин (псевдоним Чжугэ Ляна — одного из крупнейших в истории Древнего Китая полководцев, государственных деятелей и изобретателей царства Шу (эпоха Троецарствия).
38. Хо Ши Мин (перевод). Подготовка военачальников по методике Кун-Мина. Третий район: Политическая школа вьетнамской армии, сентябрь 1948.
39. SONG THÀNH. *Op cit.*, tr. 413—414.
40. DAVIDSON P.V. *Op. cit.*
41. СУНЬ-ЦЗЫ. Ук. соч., с. 46.
42. Там же, с. 20 (в перевод внесены уточнения).
43. Там же, с. 28.
44. Там же.
45. Конституция СРВ: <http://nld.com.vn/thoi-su-trong-nuoc/toan-van-hien-phap-nuoc-chxhcn-viet-nam-201311281149826.htm>.

Сельскохозяйственный налог на Урале накануне массовой коллективизации

В.В. Филатов

Аннотация. Работа посвящена важному этапу в истории СССР — переходу от новой экономической политики к массовой коллективизации. Исследована политика советского государства по обложению сельскохозяйственным налогом сельских жителей Уральского региона. Выявлено, что накануне коллективизации принимались меры, чтобы с помощью непосильных налогов и репрессий вытеснить из хозяйственной жизни деревни состоятельных крестьян. Классовый подход к взиманию налогов перекладывал всю тяжесть обложения на зажиточные, по меркам того времени, слои села. Крестьян готовили к обязательному вступлению в колхозы.

Ключевые слова: сельскохозяйственный налог, обложение, Урал, крестьяне, коллективизация.

Abstract. The work is devoted to an important stage in the history of the USSR - the transition from a new economic policy to mass collectivization. The policy of the Soviet state on the imposition of an agricultural tax on rural residents of the Urals region was investigated. It was revealed that on the eve of collectivization measures were taken with the help of excessive taxes and repressions to oust wealthy peasants from the economic life of the village. The class approach to levying taxes shifted the entire burden of taxation to wealthy, by the standards of that time, layers of the village. The peasants were preparing for compulsory membership in the collective farms.

Key words: agricultural tax, taxation, Urals, peasants, collectivization.

Наряду с натурально-продуктовыми повинностями, которые несли селяне при заготовках сельскохозяйственной продукции, различными платежами и сборами в 1920-е гг. применялся и другой важный инструмент пополнения бюджетов всех уровней — денежный сельскохозяйственный налог. Представляется актуальным проследить основные тенденции в сборе этого важного для государственных нужд денежного сбора с сельского населения в переходный период от новой экономической политики к массовой коллективизации. Это позволит понять не только механизм пополнения бюджета, но и воздействия на крестьян с целью вовлечения их в колхозы.

Филатов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: v.philatov@mail.ru.

Filatov Vladimir V. — doctor of historical sciences, professor of the Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. E-mail: v.philatov@mail.ru.

Репрезентативность исследования обеспечивается материалами одного из крупнейших регионов страны. Помимо Уральской области, составившей во второй половине 1920-х гг. громадную территорию с площадью 1757,3 тыс. кв. км ¹, объектом изучения стали и сопредельные регионы, впоследствии входившие в так называемый Большой Урал, Уральский экономический район. К таковым относились Башкирия и Оренбуржье.

В 1926—1927 гг. сельские жители составляли 76,1% всего населения страны и приносили 53,4% доходов. Если рассматривать структуру налоговых платежей только сельского населения, то удельный вес отдельных групп выглядел следующим образом: середняки — 69,7%; предприниматели — 18,7; бедняцкие хозяйства — 7,6; пролетариат — 4%, то есть основную нагрузку по налогу несли середняцкие хозяйства. Налоговые платежи на одного самостоятельного крестьянина и на душу сельского населения распределялись так: пролетариат — 19,2 и 10,5 руб., бедняки — 18,5 и 4,4 руб., середняки — 60 и 10,6 руб., предприниматели — 256 и 39,2 руб. соответственно. В этом случае кулаки в связи с большими доходами платили в несколько раз больше, чем бедняки.

В среднем, с сельского жителя страны изымалось на налоги 9,6% дохода, в том числе с пролетария — 9,7%, с бедняка — 5,6, с середняка — 9,3, с предпринимателя — 16,3%. С учетом самообложения сельянин в среднем платил налог в размере 10,4% от всего дохода, не считая других платежей ².

Переход к модернизация экономики в кратчайшие сроки требовал громадных вложений в подъем промышленности, в материально-техническую базу аграрной сферы. Налоговые изъятия, конечно же, не покрывали всех затрат на нужды сельского хозяйства. Из всех капитальных вложений в народное хозяйство Уральской области в 1926—1927 гг. в 133, 8 млн руб., на сельское хозяйство выделялось 18,3 млн руб., в 1927—1928 гг. вложения возросли до 176,4 млн руб., в том числе для села — до 23,8 млн руб., а в следующем году — до 326,0 млн руб. и 39,0 млн руб. соответственно. Приоритетным оставалось развитие промышленности. Доля капитальных вложений в село за это время сократилась с 13,7% до 12% ³.

По словам И.В. Сталина, «сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввезти оборудование для нужд народного хозяйства» ⁴. Поэтому данные обстоятельства неминуемо вели к увеличению налогового бремени деревни.

Реализация планов социалистического переустройства была невозможна без поддержки беднейшей части жителей села. Поэтому зажиточная часть села уплачивала около половины (47%) всего налога. Только через сельхозналог в Советском Союзе из деревни в 1926—1927 гг. было изъято 6,4% доходов крестьянских хозяйств.

Налог к сумме дохода в этот период. (в зависимости от различных слоев крестьян) выглядел следующим образом. При размере облагаемого дохода на едока до 30 руб. сельхозналог составлял 2,8%, до 50 руб. — 4,4, до 60 руб. — 6,5, до 80 руб. — 10,1, до 100 руб. — 12,7, до 200 руб. — 18,9 и до 300 руб. — 20,9. Более половины крестьянских

хозяйств страны имели на едока от 40 до 80 руб. дохода, и на них приходилось 60,6% всего облагаемого дохода, а также и большая часть сельхозналога — 59,2%.

Бедняцких хозяйств, имевших доход на едока до 40 руб., насчитывалось 41,6%, но в облагаемом доходе их доля равнялась 23,5%, а по сельхозналогу — 10,6%. Количество хозяйств, получавших от 80 до 150 руб. дохода, ограничивалось 7%, и в облагаемом доходе они составляли 12,9%, но на них падало 23,6% всего налога. Группа крестьянских хозяйств с доходом свыше 150 руб. составляла незначительное число среди всех хозяйств (0,8%), а на нее приходилось 2,3% облагаемого дохода, и их доля в налоге равнялась 6,3%⁵.

К завершающему этапу нэпа с 1926—1927 гг. налогообложение сельского населения стало получать ярко выраженную классовую направленность. Руководство страны готовилось к будущей коллективизации. Все больше беднейших крестьян освобождалось от налога, и возрастала налоговая прогрессия зажиточных жителей.

Тогда в Уральской области среди 1175,6 тыс. крестьянских хозяйств, облагаемых единым сельхозналогом, имелось 24,4% хозяйств с неземледельческими заработками (в РСФСР — 21,6%). Облагаемый от всех источников доход составлял 283,6 млн руб., в том числе от неземледельческих заработков — 7,6 млн руб. (2,7%). Сумма исчисленного налога равнялась 21,3 млн руб. (7,5% от дохода), тогда как в среднем по РСФСР — 6,6%⁶. Сельскохозяйственный налог в разных районах области был неодинаков: в Челябинском округе — 10,0%, в Курганском — 9,6%, в Троицком округе — 9,1%⁷.

Средние нормы доходности в зависимости от районов Уральского региона были различные. По постановлению правительства РСФСР (май 1927 г.), в Уральской области доход с десятины посева земли исчислялся 44 руб., в Башкирии — 37 руб., а в Оренбуржье — 30 рублями. Доходность от одной лошади составляла 22, 20 и 18 руб. соответственно, крупного рогатого скота — 19 руб. в Уральской области и по 15 руб. в Башкирии и Оренбуржье⁸. Однако за средними нормами доходности не всегда учитывались природно-климатические особенности и изменения социально-политических условий в деревне.

Крестьяне Степного района Троицкого округа Уральской области в 1926—1927 гг. считали обложение сельхозналогом не всегда правомерным. В том году у них был неурожай, и выплаты приходилось выполнять за счет продукции животноводства. Они отмечали высокую норму доходности, установленную по крупному рогатому скоту. По их мнению, скот и покос облагались неправильно. Так, скот давал доход за счет покоса, и потому нужно было облагать что-то одно. Бедняцкая часть крестьян указывала на разное состояние скота и его стоимости. Поскольку у зажиточных крестьян скот был лучше, то и облагать его бедняки предлагали в больших размерах⁹.

В этих высказываниях крестьян, разных по своему социальному статусу, прослеживалась одна мысль — обложение налогом должно вестись справедливо, учитывая при этом все обстоятельства. С одной стороны, рассуждения бедняков здравые: раз скот упитаннее, то его и надо облагать в больших размерах, но, с другой стороны, зажиточные хозяйства вкладывали больше усилий в конечный результат, обеспечивая лучшее кормление, лучший уход. Бедняки могли возразить,

что у кулаков имелось больше возможностей, прежде всего, значительные участки посевов. Но если их не обрабатывать надлежащим образом, не использовать агротехнические мероприятия, не привлекать в случае надобности дополнительную рабочую силу, то эффективность кормовой базы могла быть низкой.

Анализ писем-жалоб по сельскохозяйственному налогу в «Крестьянскую газету» в 1927 г. показал: уполномоченные огульно устанавливали разряд урожайности для всех селений одной волости, жалобы по сельхозналогу медленно рассматривались в уездных налоговых комиссиях, платежи проводились в чрезмерно ускоренные сроки, имелись злоупотребления при разрешении вопросов о предоставлении льгот маломощным хозяйствам, отсутствовала система при наложении штрафов за невыполнение налоговых платежей¹⁰. По поводу последнего тезиса имеются сомнения. Работать с недоимщиками в то время умели. Поэтому под системой штрафов имелось в виду наложение больших штрафных санкций.

В мае 1927 г. был принят специальный закон «О порядке обложения доходов от неземледельческих заработков единым сельскохозяйственным налогом в 1927—1928 году», направленный, прежде всего, против зажиточных крестьянских хозяйств. В облагаемый доход включалась часть заработка на стороне в размере до 15% для лиц, работавших в пределах своих хозяйств, и до 10% для работавших вне дома или на отхожих промыслах¹¹.

Выступая на собрании актива Ленинградской партийной организации в октябре 1927 г., Н. Бухарин предлагал исключить налоговое переобложение крестьянства и в то же время уточнить и улучшить постановку прогрессивно-подоходного обложения всех доходов кулака¹². В «Заметках экономиста» он категорически возражал против мнения Л. Троцкого о максимальной перекачке средств из крестьянского хозяйства в индустрию. По его мнению, «индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве»¹³. Хотя в то время заявлялось, что партия со всей решительностью отвергла попытки троцкистов толкнуть ее на путь «перекачки» средств из сельского хозяйства в промышленность и эксплуатации крестьянства посредством его налогового переобложения, но на самом деле так оно и было.

Все больше малоимущих крестьян с каждым годом получали льготы по сельскохозяйственному налогу. В Уральской области освобожденным от сельхозналога в 1924—1925 гг. было 18,2% крестьянских хозяйств, в 1925—1926 гг. — 15,2%. В 1926—1927 гг. в этой области было полностью освобождено от сельхозналога 236,6 тыс. хозяйств (20,3%) и частично — 40,6 тыс. (3,5%), а в следующем году — 301,1 тыс. (25,4%) и 100,9 тыс. (8,5%) соответственно¹⁴.

Крестьянские хозяйства Уральской области, имевшие источник облагаемых доходов, заплатили в 1926—1927 гг. — 21,4 млн руб., а в следующем году — 20,8 млн руб. (на 2,9% меньше). Налог уменьшился в расчете и на каждое крестьянское хозяйство с 18,3 до 17,7 рублей¹⁵. По другим данным, по сравнению с 1924—1925 гг. в 1927—1928 гг., размер сельскохозяйственного налога снизился с 20,9 до 19,2 млн рублей¹⁶.

Оренбургские показатели отличались от результатов Уральской области. В Оренбургском округе в 1926—1927 гг. при посеве на едока

менее $\frac{1}{4}$ десятины доход на хозяйство составлял 45,4 руб. и изымалось 3,3% налога, а в следующем году — 77,1 руб. и 5,3% соответственно. У крестьян, имевших участки свыше 3 десятин, доход в 1926—1927 гг. составлял 256,6 руб., а процент изъятия был 8,3, тогда как в 1927—1928 гг. — 360,1 руб. и 16,6% соответственно ¹⁷.

В 1926—1927 гг. хозяйство бедняков в Башкирии облагалось сельхозналогом в размере 3,3 руб., середняков — 8,3 руб., зажиточных — 23,6 руб., кулаков — 97,6 рублей ¹⁸. Хотя на XV съезде партии один саратовский крестьянин говорил, что сельхозналог становится все легче, но следует понимать, это касалось только бедняков. Для остальной части сельских жителей существовали значительные удержания из дохода ¹⁹.

Во время хлебозаготовительного кризиса 1927—1928 гг. Уральский регион стал своеобразной экспериментальной площадкой по заготовкам сельскохозяйственной продукции и сдаче сельскохозяйственного налога с учетом классового состава деревни. Этот кризис привел к жестокому нажиму на крестьянство. В декабре 1927 г. был принят циркуляр СНК СССР об ускоренном сборе сельскохозяйственного налога, в соответствии с которым предлагалось закончить кампанию по его сбору не позднее 1 марта. Тем самым крестьян понуждали сдавать хлеб заготовителям по низким ценам.

Заместитель наркома финансов СССР М. Фрумкин после поездки на Урал докладывал в ЦК ВКП(б) и СТО, что на 1 января 1928 г. в Уральской области собрано лишь 61,3% годового задания по сельхозналогу. Поэтому по сравнению с циркуляром правительства срок платежа был сокращен на месяц — до 1 февраля. К просрочившим уплату должны были приниматься репрессивные меры ²⁰.

Об организации работы с недоимщиками свидетельствует письмо А. Бунькова из Четкаринского района Шадринского округа Уральской области в «Крестьянскую газету» в январе 1928 года. В нем было написано, что «в окладных листах ясно указано, что третий срок уплаты сельхозналога 1 февраля, но вот 15 января вдруг неожиданно объявляют, что, кто не уплатит к 25 января, будет проведена опись имущества. Ну поругались тут мужики об изменении срока и начали готовиться. Но вот 21 января заявляют, кто не уплатит налог сегодня же, сейчас идем с описью. И действительно, через час приходят с описью. Как быть — денег нет. Председатель Кривоногов все это объясняет следующими словами: “Какая беда, нагребай и вези в кооперацию, а в кооперации хлеб берут почти даром: овес 40—45 коп., пшеница — 80 коп. В Камышлове на 20 копеек дороже продать можно. Выходит, насильно хлеб отбирают. Крестьяне почти поголовно недовольны советской властью”» ²¹.

Таблица дает представление о направленности репрессивной политики в Уральской области в отношении недоимщиков. Рост в первом полугодии 1928 г. по сравнению с первым полугодием 1927 г. в 41 раз численности кулаков-неплательщиков говорит о многом. Большая часть неплатежей приходилась на середняков. В первом полугодии 1928 г. по сравнению со вторым полугодием предыдущего года вдвое увеличилось количество неплательщиков и среди бедняков. Лишь позднее они стали получать льготы по налогам, и их численность пошла на снижение.

Таблица. Привлечение крестьян Уральской области к уголовной ответственности за неуплату налогов в 1927—1928 гг.

Категории	I пол. 1927 г. (абс.)	II пол. 1927 г. (абс.)	II пол. 1927 г. к I пол. 1927 г. (раз)	I пол. 1928 г. (абс.)	I пол. 1928 г. к I пол. 1927 г. (раз)	I пол. 1928 г. к II пол. 1927 г. (раз)
кулаки	15	37	2,5	615	41,0	16,6
середняки	566	1334	2,4	3922	6,9	2,9
бедняки	727	558	-1,3	1067	1,5	1,9
всего	1308	1929	1,5	5604	4,3	2,9

Рассчитано автором по: ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 502, л. 23; д. 71, л. 66.

Защищая бедняцкую часть населения деревни, государство все же предпочитало и их наказывать за неуплату налогов, хотя количество обвиненных бедняков-недоимщиков и сократилось во втором полугодии 1927 года. Все эти показатели красноречиво свидетельствуют о репрессивном характере мер, принимаемых властями в период хлебозаготовительного кризиса: можно было оставить крестьян, вне зависимости от их социального статуса, без денег, чтобы они быстрее продавали зерно государству.

Нажим областных структур заставлял суды в оперативном порядке рассматривать дела о неплатежах. При рассмотрении вопроса в Уральском обкоме партии «О работе Ирбитского окружного суда Уральской области и прокуратуры по проведению хлебозаготовительной кампании» (апрель 1928 г.) выдвигалось требование, чтобы «все дела на неплательщиков сельскохозяйственного налога, страховых платежей, ссуд и т.д. рассматривать вне всякой очереди и взыскания по таковым производить немедленно».

Это и было сделано. Ирбитский окружной суд и прокуратура все дела по неплательщикам рассматривала во внеочередном порядке, и взыскания проводили немедленно. Работники правоохранительных органов были мобилизованы в качестве уполномоченных по сельсоветам и районам, что, «в некоторой степени отразилось на прямой их работе и привело к перегибам в карательной политике». Органами ГПУ было привлечено к ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) 32 человека. Из них, за исключением одного дела, все остальные были прекращены²². Данные материалы показывают, как работали многие правоохранители в период сельхозкампании. Так называемые перегибы стали повседневным явлением.

По налоговым делам за январь-март 1928 г. в Уральской области по ст. 60-62 УК (неплатеж в установленный срок налогов, организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов) проходило 4892 чел., в том числе 13,9% бедняков, 58,5% середняков, 9,1% кулаков. По этим статьям осудили 81 чел. в общей сумме на 198 лет. К штрафу на 14,1 млн руб. приговорили 2,1 тыс. человек. У осужден-

ных конфисковали имущества на 1,1 млн руб., что в среднем составляло на одного осужденного 3,2 тыс. рублей. По статье 111 УК (бездействие власти, то есть невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить) осудили 444 человека ²³.

На пленуме Уральского обкома партии (1928 г.) приводились данные о репрессиях по платежам деревни на апрель 1928 года. В Уральской области тогда насчитывалось 909,8 тыс. хозяйств, плативших налог. У недоимщиков описывали имущество. Удельный вес хозяйств, в которых проводились описи, составил 13%. 12,3 тыс. чел. предали суду, и половину из них осудили ²⁴.

Властные структуры больше интересовали сроки уплаты платежей и оперативное рассмотрение дел недоимщиков. Это позволяло ускорять заготовки сельскохозяйственной продукции и получать несданные платежи, а также вести психологическое воздействие на крестьянство. Апрельский (1928 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) требовал жесткой дисциплины в сроках взыскания платежей ²⁵. По решению прокуратуры Башкирии, дела по недоимкам рассматривались в течение недели. За исполнением решений осуществлялся жесткий контроль ²⁶.

Власть учитывала прежние ошибки, чтобы не допустить их в будущем. Сталин полагал, что кризис хлебозаготовок был вызван недостаточностью сельхозналога, неумением извлечь денежные излишки из деревни ²⁷. В постановлении бюро Уральского обкома партии «О реформе сельскохозяйственного налога» (апрель 1928 г.) указывалось: «1. Признать целесообразным повышение размера сельхозналога, определив к изъятию на 1928/1929 г. по области ориентировочно до 24 млн руб. 2. Увеличение налога должно быть произведено за счет более высокого обложения доходов у зажиточной верхушки деревни (повышение прогрессии подоходности), улучшения качества налогового учета и более полного привлечения к обложению доходов от сельского хозяйства и неземледельческих заработков» ²⁸.

Бюро Башкирского обкома ВКП(б) также увидело главный недостаток по сбору сельхозналога в недооблагаемости зажиточной части крестьянства в связи с недоучетом неземледельческих заработков ²⁹.

Постановление бюро Уралобкома, посвященное проведению сельхозналога в 1928—1929 гг., прямо приказывало ужесточить требования к кулацким хозяйствам. Для них устанавливались укороченные сроки платежей сельхозналога. Для индивидуального обложения определялся процент хозяйств — 2—3. Кроме этого, предлагалось «установить предельную норму включения облагаемого дохода для вышеуказанных хозяйств в размере не свыше двойного размера облагаемого дохода, исчисляемого от сельского хозяйства с того же двора в общем порядке» ³⁰. Если для обычных крестьян сроки уплаты налога устанавливались таким образом, чтобы первый взнос был внесен в размере 25% до 1 октября, второй (50%) — через полмесяца, а оставшая часть — до 1 февраля, то с кулацких хозяйств требовали немедленного расчета в октябре ³¹.

Налоговое переобложение крестьянства и, прежде всего, зажиточной его части, стало важнейшей задачей политики партии в деревне. Хотя на заседании Политбюро в феврале 1928 г. говорилось о

фальшивости заявления Н. Бухарина о переобложении крестьянства как составной части политики партии, тут же признавалась необходимость увеличения сельхозналога. Когда же практика 1927—1928 гг. показала, что налог задел и середняков, то его несколько снизили³². Не зря же предупреждал управляющий ЦСУ СССР В. Милютин, что «перегрузка налогоплательщиков более вредна, чем недогрузка»³³.

Сбор единого сельскохозяйственного налога служил хорошим подспорьем при проведении заготовок. Крестьян вынуждали сдавать хлеб, чтобы они в кратчайшие сроки смогли заплатить этот налог. В с. Орловка Сергиевского района Оренбургского округа на общем собрании граждан звучали выкрики: «Мы голые, босые, а у нас отбирают последний хлеб. Хлеба нет, и не дадим. Советская власть обдирает последнюю шкуру, дерет налогами»³⁴.

Сами бедняки осознавали, к чему ведет безудержный рост платежей. В информации ОГПУ сообщалось, что один из бедняков Оренбургского района говорил, что «из года в год происходит увеличение налога, хлебозаготовок, самообложения и т.д. — все это скрыто направлено к ухудшению крестьянства, путем окончательного подрыва его хозяйства. Единственный выход, к которому многие прибегали — это сокращение посевов и распродажа скота. Если налоги не будут сокращены, то казачество не только зажиточное, но и бедняцкое, будет вынуждено вести хозяйство в размерах, не превышающих требования его семьи»³⁵.

В 1928 г. в некоторых регионах страны местные власти, проводя индивидуальное обложение, признавали зажиточными не 2—3% дворов, как следовало по закону, а 10—12% дворов. Сталин высказался по этому поводу в том смысле, «что нельзя пополнять местный бюджет путем нарушения закона, путем нарушения директивы партии. Партия у нас существует, она еще не ликвидирована. Советская власть существует, она еще не ликвидирована. И если не хватает средств для местного бюджета, надо поставить вопрос о местном бюджете, а не нарушать закон, не отменять указаний партии»³⁶. Подобная самостоятельность на местах в определенной степени была инспирирована центром, когда сельсоветские бюджеты были ниже, чем бюджеты земельных обществ, а индивидуальное обложение позволяло быстро пополнить бюджет органов диктатуры пролетариата в деревне.

В 1928 г. сельхозналог на Урале вырос против 1924—1925 гг. на $\frac{1}{5}$, а платежеспособность крестьян, по выводам Уральского съезда Советов, — на 21%³⁷. В 1928 г. структура облагаемого дохода по сельхозналогу в Уральской области выглядела таким образом: 62,7% приходилось на полеводство, 22% — на животноводство, 13,2% — на луговодство и остальная часть — на прочие мелкие отрасли³⁸.

В то же время в высших управленческих структурах предвидели, к каким негативным последствиям могут привести нововведения в налоговой политике. В справке о выполнении декретов и постановлений правительства, касающихся сельского хозяйства в 1927—1928 гг., подготовленной для правительства, говорилось, что «ненормальности при проведении сельхозналога в нынешнем году не только могут повлиять на крупное ухудшение политических настроений в деревне, главным образом среди середняцких масс, но могут сыграть и уже кое-где сыграли роль сдерживающего фактора в развитии сельского

хозяйства, в частности, в расширении посевных площадей, урожайности, животноводства и т.п.»³⁹.

В 1928—1929 г. максимальная ставка для кулацких хозяйств возросла с 25 до 30%. Помимо неземледельческих заработков, обложению подлежали мелкий скот и специальные сельскохозяйственные отрасли. Если раньше облагалась пашня, то теперь — посев. Произошло повышение необлагаемого минимума до 100 руб. в тех хозяйствах, где имелись один-два едока, до 120 руб. — в хозяйствах с тремя-четырьмя едоками и до 130 руб. — в хозяйствах с пятью и более едоками. Размер необлагаемого минимума на хозяйство при одном-двух едоках в Уральской области равнялся 110 руб., а в Башкирии — 90 руб., при трех-четырех едоках — 130 и 100 руб., пяти и более едоках — 140 и 110 руб. соответственно. Показатели Уральской области превышали союзные нормативы, а в Башкирии были меньше.

По постановлению Совнаркома РСФСР «Об основных положениях проведения закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1928—1929 год» (май 1928 г.) нормы доходности в Уральском регионе выглядели следующим образом. Доходность десятины посевной земли в Уральской области определялась 43 руб., а в Башкирии — 36 руб., сенокоса — 18 и 16 руб. соответственно. Доходность одной лошади устанавливалась в 22 и 21 руб., коровы — в 20 и 15 руб., овцы и козы — по 1,5 руб., свиньи — по 4 руб. соответственно. Надбавки с суммы свыше 400 руб. составляли 5%, а свыше 1 тыс. руб. — 25%⁴⁰.

В 1928 г. постановление ЦИК и СНК СССР «О едином сельхозналоге» нацеливало на прогрессивное обложение крестьянских хозяйств. Одновременно с предоставлением льгот для бедняцких хозяйств и колхозов резко возрастал налог для кулацко-зажиточных хозяйств⁴¹.

Большие резервы в увеличении налога крылись в учете неземледельческих заработков, которые, прежде всего, имелись у зажиточных слоев деревни. В июне того же года Уралоблисполком установил для кулацких хозяйств, имеющих доходность свыше 500 руб., специальную надбавку 5—25%⁴². Осенью 1928 г. началось широкомасштабное наступление на зажиточную часть деревни с помощью усиления налогового пресса. В сентябре 1928 г. президиум Уралоблисполкома в своем постановлении заявил о слабом индивидуальном обложении кулацких хозяйств⁴³.

Хотя официально индивидуальное обложение кулацких хозяйств должно было проводиться в 1929 г., но уже накануне начались поиски таких хозяйств, поскольку их явно не хватало. В докладной записке в обком партии Уральский облфинотдел указывал, что в 1927—1928 гг. к индивидуальному обложению было привлечено 8 тыс. кулацких хозяйств, что не соответствовало действительному удельному весу этих хозяйств в области. Финотдел считал, что кулацких хозяйств, попадающих под статью 28, должно быть около 2% (23—24 тыс. хозяйств). На 1 июля 1929 г. было выявлено только 10 тыс. хозяйств (0,9%)⁴⁴. Начался усиленный поиск состоятельных хозяйств.

О том, как разворачивалась кампания по поиску кулацких хозяйств в Башкирии, красноречиво свидетельствуют следующие факты. В начале ударной работы обнаружили 6,7 тыс. кулацких хозяйств — 1,2% от всех хозяйств республики. Затем в Башкирию поступили

директивы о пересмотре количества этих хозяйств, так как в их число попали середняки. После пересмотра результатов кулаков стало 3,5 тыс. (0,7% от всех хозяйств). Главное было указать, и угодное власти число быстро находилось. Доход данных хозяйств составлял до пересмотра 5,8 млн руб., что в среднем равнялось 866 руб. на хозяйство, а после него — 4,3 млн руб., и на хозяйство уже падало 1,2 тыс. руб.

Как откровенно сказал в своем выступлении на бюро Башкирского обкома ВКП(б) один из его участников, «местам дали проценты, которые низовой советский аппарат, может быть партийный сбили с толку. Вдруг получает волость, что 5,5% дворов ты должен обложить в индивидуальном порядке. Ребята искали процент, механически подходили, находили, конечно. В результате попадали не кулацкие дворы, а в значительном проценте середняцкие. При такой механической ударной работе имеющих лошадей облагали в индивидуальном порядке, как получающего нетрудовой заработок, хотя у него было 1,5 дес. земли. Если имел сепаратор, тоже попадал в кулаки».

Ошибки же, по мнению выступавшего, происходили не в связи с плохим учетом, а из-за того, «что мы чрезвычайно тщательно нагрели хозяйства, которые систематически скрывали объекты обложения от обложения налогом. Эта работа вызвала колоссальный рост налога, который определялся примерно на 73% больше, чем в прошлом году. Москва с нами согласилась, однако считала, что начало резкого повышения допустить на текущий год нельзя, предложила нам уложиться в среднем по БАССР с ростом налога на 50%, по кантонам на 60 и волостям на 70%»⁴⁵. Этот пример показывает, как собирали налоги. Стоило из центра дать иные указания, как показатели пошли на убыль.

Хотя с высоких трибун заявлялось о предельной осторожности в отношении середняка, но и его не миновала участь переобложения, как и кулацкие хозяйства. В секретном постановлении СНК СССР от 11 сентября 1928 г. рекомендовалось увеличить сельхозналог на 1928—1929 гг. на 90 млн руб. по сравнению с предыдущим годом. В протоколе говорилось, что «это увеличение целиком соответствует росту сельского хозяйства, в особенности, росту доходов зажиточных и кулацких слоев». Постановление отмечало, что «часто облагаются в индивидуальном порядке трудовые хозяйства иногда даже типично середняцкие, которые не имеют никаких нетрудовых доходов».

Для кулацких хозяйств общая сумма обложения определялась волостной налоговой комиссией по своему усмотрению. Выражалось сожаление, что кулацких хозяйств должно быть 3%, а фактически оказалось от 1 до 1,5%. Поэтому предстояло пересмотреть число хозяйств, привлеченных к индивидуальному обложению, так как «незначительность процента индивидуально обложенных хозяйств заставляет прийти к выводу, что известной части кулачества удалось ускользнуть от индивидуального обложения»⁴⁶.

Выполняя эти требования, Уралобком заявлял, что «возросшая доходность крестьянского хозяйства, рост накопления у верхушки деревни потребовали дальнейшего уточнения классового характера современной системы обложения деревни». Вследствие этого обком ВКП(б) принял налог в 24 млн руб. с ростом почти на 30% против прошлого года, что обосновывалось увеличением валовой продукции⁴⁷.

Циркуляр НКФ РСФСР в сентябре 1928 г. рекомендовал индивидуальное обложение сохранить лишь в отношении тех хозяйств, которые выделялись своей зажиточностью и имели доходы нетрудового характера. Предлагалось не привлекать к такому обложению «хозяйства, которые даже при наличии высокой доходности прибегают к наемному труду по необходимости, или случайно или, наконец, на короткий срок». При определении характера заработков от использования в чужом хозяйстве сельхозмашин и орудий необходимо было учитывать, является ли эта эксплуатация машин постоянной или периодической⁴⁸.

В постановлении президиума Уралоблисполкома в сентябре 1928 г. осуждалось наложение громадных штрафов за укрытие объектов обложения середняцкими хозяйствами и слабое индивидуальное обложение кулацких хозяйств⁴⁹. Однако увлечение быстрым поиском мнимых кулацких хозяйств для перенесения всей тяжести обложения на трудолюбивых крестьян часто оставляло в стороне рекомендации. В партийно-советских структурах негласно считали, что перегиб допустим. Главное, чтобы планы по налогам досрочно выполнялись. На словах требовали одно, а на деле получалось иное.

Секретарь обкома П. Зубарев на пленуме Уралобкома в октябре 1928 г. подчеркивал: «Несмотря на то, что главная тяжесть налога перенесена на кулацкие зажиточные слои деревни никто не ставил задачу в полном смысле раскулачивания. Мы ставим задачей урезать доходность». Для начала следовало напугать, сократить доходы, показать, кто же сильнее — мощная государственная фискальная машина или ничтожное количество кулаков. Ответственный секретарь Уралобкома Н. Шверник говорил, что «сам сельхозналог, сама наша политика за вытеснение частного капиталистического сектора нашим социалистическим сектором вызывает неизбежный отпор, неизбежное сопротивление со стороны тех, кого мы хотим ограничить, она неизбежно здесь вызывается озлоблением со стороны этих групп».

При этом он с удивлением признавал, что «под давлением кулаков бедняки отказываются от льгот по сельхозналогу и просят, чтобы их также обложили»⁵⁰. Однако партийный секретарь не увидел в данном факте простую крестьянскую солидарность. Видно, не все бедняки боролись за свой особый классовый статус, находились и такие, которые оказывали характерную для русских крестьян помощь в трудное время своему соседу, даже и не бедному.

На октябрьском (1928 г.) пленуме Уралобкома были отмечены изменения обложения сельского населения налогом. Если в 1927—1928 гг. на доход до 200 руб. падало $\frac{1}{5}$ сельхозналога, то в 1928—1929 гг. — 4,7%, на доход до 300 руб. было 28%, стало — 11%, на доход до 450 руб. платили $\frac{1}{4}$, стало — $\frac{1}{5}$. При доходе свыше 450 руб. сельхозналог возрос до $\frac{2}{3}$ ⁵¹.

Резолюция ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.» требовала решительно запретить расширенное толкование «закона об индивидуальном обложении, с тем, чтобы применять его на точном основании закона лишь в отношении наиболее богатой части кулацких хозяйств — особенно тех из них, доходы которых недостаточно устанавлива-

ются при общем обложении, и при том не более 3% всех хозяйств». Предлагалось обязательно учитывать не только общую сумму доходов хозяйств, но и число едоков. Выдвигалось требование наказания тех, кто пытался перегибать во взимании налогов. Рекомендовалось улучшить технику взимания сельхозналога и приспособить ее к особенностям отдельных районов⁵². Контрольные цифры резолюции в определенной степени сдерживали ретивых чиновников, готовых перевыполнять задания.

Продолжалось льготное обложение маломощных и освобождение от налога беднейших хозяйств. В 1928—1929 гг. от обложения налогом в Советском Союзе освободили 36,8% крестьянских хозяйств, из которых 20,1% — по необлагаемому минимуму, а остальные — за счет скидок налогов⁵³.

В 1927—1928 гг. 20,7% башкирских крестьянских хозяйств освобождались от сельхозналога по необлагаемому минимуму, а в 1928—1929 гг. таковых стало 31,4%⁵⁴. В Уральской области скидка для маломощных бедняцких хозяйств при одном едоке в хозяйстве составляла 30%, при двух едоках — 20—30%, в зависимости от числа нетрудоспособных. Технические культуры облагались в половине нормы зерновых. В то же время на одном из заседаний бюро Уралобкома говорилось о том, что при взимании сельхозналога не всегда представлялись льготы. Освобождение от налога малоимущих хозяйств проводилось не автоматически⁵⁵.

В конце 1920-х гг. более половины крестьянских подворьев страны имели доход на хозяйство до 250 рублей. Доля исчисляемого налога в них снизилась за 1927—1929 гг. с 22,5% до 13,6%. Снижение происходило и в группе хозяйств с доходом 251—400 руб. (с 31,3% до 26,4%). В то же время наметился рост обложения в хозяйствах с доходом 401—700 руб. (с 31,5% до 37,2%) и особенно в группе с доходом более 700 руб. (с 14,7% до 22,8%)⁵⁶.

Удельный вес изъятия сельхозналога в группах крестьянских хозяйств с доходом 700—800 руб. в Уральской области составлял в 1927—1928 гг. 12%, а в следующем году — уже 22,8%. В то же время в группах с низкими доходами наблюдался обратный процесс — снижение налоговых изъятий, вплоть до групп с доходом 300—400 руб., где начиналось увеличение налогового бремени⁵⁷. Кулаки в 1927—1928 гг. в Уральской области платили больше налогов — в среднем 89 руб., тогда как бедняки — 2,5 руб.; в следующем году в кулацких хозяйствах налог подняли до 131 руб., а в бедняцких — до 3,8 рублей⁵⁸. В 1929 г. 2,3% хозяйств Уральской области, признанных кулацкими, уплатили 5 млн руб. (около 26% всего налога)⁵⁹.

Так же, как и в 1927 г., удельный вес налога к доходу в Уральской области был различным. В 1928—1929 гг. наименьший налог платили хозяйства в Коми-Пермяцком округе — 6,1%, а в Троицком округе вдвое больше — 12,4%. При средней уплате налога на единоличное хозяйство по области 26,2 руб. в Троицком округе он достигал 40,3 руб., в Челябинском округе — 40,1 руб., тогда как в Коми-Пермяцком округе — 14,3 руб., в Тагильском и Свердловском округах — по 15,4 рублей. В расчете на едока самый большой налог приходился на Челябинский округ — 8,9 руб., а наименьший — на Коми-Пермяцкий — 2,7 руб. при среднеобластных показателях в 5,6 рублей.

В 1928—1929 гг. по хозяйствам, обложенным в индивидуальном порядке, было начислено 2,2 млн руб. налога (20,9% к облагаемому доходу этих хозяйств). Больше всего налога было начислено в Челябинском округе — 379,8 тыс. руб., в то же время наименьшая часть из всего исчисления падала на Коми-Пермяцкий округ — 6,3 тыс. рублей⁶⁰. Юг области являлся наиболее благоприятным в климатическом отношении, и здесь была самая высокая доходность, чего нельзя было сказать о северных территориях. В 1928—1929 гг. в Уральской области индивидуальному обложению подверглось 1,6% хозяйств, а затем, после указаний о перегибе, сократилось до 0,7% крестьянских дворов⁶¹.

Все хозяйства, выплачивавшие процентные надбавки и обложенные налогом в индивидуальном порядке, относились к зажиточно-кулацким. Среднегодовой доход в СССР большинства таких семей (в 6—7 чел.) колебался от 400 до 500 руб. и у незначительной части составлял свыше 1 тыс. руб., тогда как среднегодовая зарплата рабочих и служащих в промышленности равнялась 843 руб., а в строительстве — 996 рублей⁶². Такие вот «богачи» проживали в деревне.

В материалах к отчету Уралобкома ВКП(б) к IX областной партконференции указывались основные недостатки налогообложения с точки зрения партийных органов. В конце 1920-х гг. под индивидуальное обложение попала часть середняцких хозяйств. В ряде районов области увеличили налоги от неземледельческих заработков, что позволило незаконно собрать с крестьян около 3 млн рублей⁶³.

Как показала практика, зачастую проходило переобложение зажиточных хозяйств, не имевших так называемых нетрудовых доходов. В результате пересмотра объектов обложения в индивидуальном порядке их число сократилось почти вдвое⁶⁴. Подобное отношение к хозяйственному мужику привело к тому, как отмечалось на президиуме Уральского облизполкома в октябре 1929 г., что наметилась тенденция искусственного сокращения в кулацких хозяйствах облагаемых источников дохода⁶⁵.

Мало что делалось для того, чтобы крестьянин смог вовремя сориентироваться, подсчитать свои возможности для расчета с государством по налоговым платежам. Прав был один из участников январского (1929 г.) пленума Уралобкома, когда говорил: «Нельзя ежегодно колебать крестьянские хозяйства сельскохозяйственным налогом, как это делалось до сего времени. Мужик не знает до конца года, сколько он будет платить, как, по какой системе с него будет взиматься сельхозналог и т.д. Нужно, чтобы сельхозналог стимулировал расширение посевных площадей, нужно новые земли на 1—3 года освободить от сельхозналога»⁶⁶.

Такое отношение к селянам приводило к тому, что недоимки по сбору сельскохозяйственного налога все более увеличивались. В 1927—1928 гг. в Уральской области его удалось собрать лишь в размере 82,1% к плану, а в следующем году — 76,8%⁶⁷.

8 февраля 1929 г. постановление ЦИК и СНК СССР «О едином сельскохозяйственном налоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства» внесло ряд изменений в налогообложение. В преамбуле закона объяснялись причины корректив: недостаточный рост зерновых посевов, низкая урожайность, освобождение от налога бедняц-

ких хозяйств и льготы для колхозов. Сумма налога на 1929—1930 гг. понижалась до 375 млн рублей.

Предлагалось освободить от обложения весь прирост посевных площадей в течение ближайших двух лет, кроме кулацких хозяйств. Определялись льготы для тех хозяйств, которые в земельных обществах на деле осуществляли простейшие мероприятия по повышению урожайности. Скидка для них устанавливалась в 10%. Скидка в 5% ожидала те хозяйства, которые независимо от земельного общества самостоятельно повышали урожайность.

Не подлежали обложению и опытные участки. Поощрялся многопольный севооборот — за это предусматривалась скидка на 15%. С целью сокращения раздела многоедских хозяйств предусматривалась скидка в 5% для хозяйств с 7—8 едоками, в 10% — с 9—10 едоками, в 15% — с 11 и более едоками. Запрещалось облегчать в индивидуальном порядке середняцкие хозяйства. Количество индивидуально обложенных кулацких хозяйств не должно было превышать 3% ⁶⁸.

Своевременным и нужным оказалось данное постановление после кризиса 1927—1928 г., и причины корректировки были названы верные. Главными же основаниями пересмотра налогообложения являлись льготы для бедняков и невозможность взять с зажиточных хозяйств больше, поскольку последних было не так много. Переложение всех тягот налогового бремени на середняцкие и зажиточные слои вместо бедняков готовило деревню к массовой коллективизации.

В мае 1929 г. президиум Уралоблисполкома принял постановление «Об установлении количества хозяйств, подлежащих обложению сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке». Этим постановлением в предуральских округах устанавливался 1% таких хозяйств, а в горнозаводской зоне — 2,5%. Постановление запретило устанавливать контрольные цифры по индивидуальному обложению по отдельным районам, сельсоветам и селениям. Предлагалось к этой кампании привлечь деревенскую бедноту и активистов ⁶⁹.

Количество членов семьи кулаков и мощность их хозяйства отличались в отдельных районах Уральского региона. Насколько зажиточными являлись кулацкие хозяйства можно судить по следующим фактам. В Прикамье так называемые кулаки в среднем имели семью, состоящую из четырех-шести чел., 3—4 дес. посевов, 1—2 коровы, одну лошадь, 1—5 овец, 5—10 кур. Доход на семью достигал в среднем 300 руб. в год ⁷⁰. По другим данным, на Урале типичное кулацкое хозяйство включало одну корову, одну лошадь, три овцы, дом, конюшню, баню, амбар, 2—3 десятины посева. В СССР на одно кулацкое хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы и 1,6 головы рабочего скота ⁷¹. В Бирском кантоне Башкирии в среднем семья кулака состояла из семи человек, в том числе двух трудоспособных. В хозяйстве было 6,5 дес. собственной пашни, 0,35 дес. арендованной земли, две лошади, две коровы, девять голов мелкого рогатого скота. Кроме того, имелись две молотилки, сепаратор. Здесь также применялся наемный труд. Домашнее имущество этого хозяйства оценивалось в 354 руб., строения — в 1465 рублей. Доход от хозяйства в 1929 г. составлял 626 рублей ⁷².

Предварительные итоги проведения кампании по единому сельхозналогу нашли свое отражение в конце сентября 1929 г. в специ-

альном постановлении СНК РСФСР. Постановление нацеливало местные органы власти на тщательную проверку, выявление скрытых источников доходов, к полному выявлению кулацких хозяйств, освобождению середняцких хозяйств от обложения в индивидуальном порядке ⁷³.

На Уральском областном совещании финансовых работников в декабре 1929 г. одним из недостатков в налоговой работе отмечалось преуменьшение оборотов и доходов частников, предоставление им ничем не оправданных отсрочек уплаты недоимок ⁷⁴. В это трудно поверить, учитывая постоянное давление на эту категорию населения.

Как видно из проведенного исследования, во второй половине 1920-х гг. аграрная политика советского государства была направлена на усиление налогового нажима на деревню не только с целью пополнения бюджета, но и быстрее вовлечения крестьянства в колхозы. Перенесение всей тяжести обложения на кулаков в определенной степени позволило решить финансовые проблемы и за счет крестьян перераспределять средства, в том числе и для аграрного сектора экономики.

Если в годы новой экономической политики этот налог направлялся, в первую очередь, на стимулирование крестьян в подъеме сельскохозяйственного производства и улучшение их благосостояния, то со времени подготовки к коллективизации денежные средства, полученные из деревни, помогали в основном промышленному развитию и частично модернизации сельской экономики. При этом обложение налогами строилось по классовому принципу и не предполагало повышения жизненного уровня селян.

Сельскохозяйственный налог ограничивал возможности развития индивидуального хозяйства. Крестьянин вынужден был сдавать произведенную продукцию по низким заготовительным ценам, чтобы расплатиться с государством. Сдача сельскохозяйственного налога не учитывала изменение природно-климатических условий, и в неурожайные годы производителям приходилось отдавать последние деньги. Сбор налога сопровождался нарушением прав человека, применением репрессивных мер.

Примечания

1. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 2000, с. 553.
2. Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924—1925, 1925—1926 и 1926—1927 годы). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. М. 1929, с. 43—44, 46, 54—55.
3. Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск. 1932, с. 38.
4. СТАЛИН И.В. Соч. Т. 11. М. 1952, с. 253.
5. МАРЬЯХИН Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М. 1964, с. 99, 105, 122—123.
6. ДАНИЛОВ В.П., СЛАВКО Т.И. Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы РСФСР в 1924/25—1927/28 гг. По данным налоговых сводок Наркомфина СССР. Вып. 1. М. 1977, с. 410—411, 420—421.
7. Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Свердловск. 1929, с. 341.

8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР), 1927, № 45, ст. 301.
9. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 239, оп. 1, д. 1162, л. 250, 251об.
10. Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М. 2001, с. 228.
11. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР), 1927, № 52, ст. 350.
12. БУХАРИН Н.И. Избранные произведения. М. 1988, с. 319, 339.
13. Там же, с. 399.
14. Хозяйство Урала. 1928, № 4—5, с. XXXIV; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО), ф. 4, оп. 6, д. 7, л. 215.
15. ДАНИЛОВ В.П., СЛАВКО Т.И. Ук. соч., с. 130, 182, 206.
16. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 62, л. 5.
17. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 262, оп. 4, д. 1, л. 22об.
18. МАНАНОВ Р.Н. Помощь Советского государства в восстановлении сельского хозяйства Башкирской АССР (1922—1927 гг.). В кн.: Вопросы истории Башкирии. Вып. 2 (советский период). Уфа. 1972, с. 49.
19. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1961, с. 364.
20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т 1. М. 1999, с. 109, 160.
21. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 459, л. 18, 19.
22. Там же, д. 353, л. 9, 10.
23. Там же, д. 489, л. 20, 21.
24. Там же, д. 67, л. 23.
25. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 4. М. 1985, с. 317.
26. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), ф. 1419, оп. 2, д. 54, л. 23.
27. СТАЛИН И.В. Ук. соч., с. 14.
28. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 29, л. 123.
29. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ), ф. 122, оп. 7, д. 6, л. 174.
30. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 36, л. 1.
31. Там же, д. 32, л. 73.
32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4, с. 439—440.
33. МИЛЮТИН В.П. Новый период мировой экономики. М. 1929, с. 176.
34. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928—1934 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1. Оренбург. 2005, с. 42.
35. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО), ф. 4, оп. 1, д. 83, л. 14, 15.
36. ЛЕНИН И СТАЛИН. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III. М. 1938, с. 324.
37. Седьмой Уральский областной съезд Советов. 28 апреля — 6 мая. 1929 г. Стенографический отчет. Бюл. 7. Свердловск. 1929, с. 7.
38. Хозяйство Урала. 1929, № 1—2, с. 9.
39. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 374, оп. 9, д. 310, л. 160—161.
40. СУ РСФСР, 1928, №72, ст. 511; ЗАЛЕССКИЙ М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М. 1940, с. 81.
41. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7733, оп. 6, д. 636, л. 20.
42. КУЛИКОВ В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925—1932. Свердловск. 1987, с. 170.
43. ГА СО, ф. 239, оп. 2, д. 30, л. 81.
44. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 7, д. 2, л. 40.
45. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ), ф. 122, оп. 7, д. 23, л. 35—36.
46. РГАЭ, ф. 7733, оп. 6, д. 636, л. 72—72об., 81об.

47. Год социалистического строительства на Урале. Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) к IX областной партконференции. Декабрь 1927 г. — февраль 1929 г. Свердловск. 1929, с. 35.
48. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 502, л. 49, 50.
49. ГА СО, ф. 239, оп. 2, д. 30, л. 81.
50. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 6, л. 19, 21.
51. Там же, д. 7, л. 158.
52. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4, с. 377.
53. ЗАЛЕССКИЙ М.Я. Ук. соч., с. 82.
54. ЦГАОО РБ, ф. 122, оп. 7, д. 6, л. 181.
55. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 66, л. 25об.
56. МАРЬЯХИН Г.Л. Ук. соч., с. 129.
57. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 7, д. 450, л. 241.
58. Там же, оп. 6, д. 480, л. 14.
59. Отчет о деятельности Уралоблисполкома VII созыва (1929 — февраль 1931 г.) к VIII съезду Советов. Свердловск. 1931, с. 115.
60. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 5. Свердловск. 1930, с. 179, 181.
61. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 7, д. 460, л. 62.
62. ТЕПЦОВ Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20—30-х годов. М. 1990, с. 30.
63. Год социалистического строительства на Урале, с. 37.
64. ЗАЛЕССКИЙ М.Я. Ук. соч., с. 81.
65. ГА СО, ф. 239, оп. 2, д. 31, л. 183.
66. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 7, д. 8, л. 101, 107.
67. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне. Свердловск. 1929, с. 36.
68. СЗ СССР, 1929, № 10, ст. 95.
69. ГА СО, ф. 239, оп. 2, д. 31, л. 85—85об.
70. ЕРЕМЕНКО В.Г. Ликвидация кулачества как класса в Прикамье: геноцид против собственного крестьянства. В кн.: Век уходящий: история Прикамья по архивным документам. Тезисы научно-практической конференции. Пермь. 2000, с. 37.
71. Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930—1936 гг. Сб. документов. Екатеринбург. 1994, с. 14.
72. ДЕНИСЕВИЧ М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.). Екатеринбург. 1991, с. 34.
73. СУ РСФСР, 1929, № 73, ст. 727.
74. Постановление Уральского областного финансового совещания 13—16 декабря 1929 г. Свердловск. 1929, с. 6.

Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г.

А.В. Тихонова

Аннотация. В работе проводится сравнение мемуаров двух швейцарцев, работавших в России в начале XX в. и покинувших ее в первые годы советской власти. Соотечественники Ж.-А. Ламберт и И.-А. Хофер имели различия в социальном, языковом и профессиональном отношении. К моменту революционных событий они оба приобрели многолетний опыт жизни в России, адаптировались к местным реалиям, хорошо освоили русский язык и не собирались уезжать из страны. Находясь в российской провинции (губернских городах и сельской глубинке), швейцарцы внимательно наблюдали за развитием революционной ситуации. Ощущение опасности и непредсказуемости последствий происходящего привело их к решению об отъезде. Несмотря на то, что после возвращения на родину оба мемуариста прожили долгую жизнь, пережитое ими в России повлияло на их дальнейшую судьбу и семейную историю.

Ключевые слова: иностранцы в России, швейцарцы, Ж.-А. Ламберт, И.-А. Хофер, российская провинция, иностранные учителя, сыровары, Симбирск, Царицын, Смоленск, Смоленская губерния.

Abstract. The work compares the memoirs of two Swiss nationals, who worked in Russia at the beginning of the XX century and left the state in the first years of Soviet power. J.-A. Lambert and J.-A. Hofer were compatriots, but they have significant differences in their social, language, professional life. By the time of the revolutionary events the authors of memoirs have a long experience of life in Russia, were adapted to local realities, well know Russian language, and they were not going to leave the country. In the Russian province (provincial cities and countryside) they saw the revolutionary events. They felt the danger and unpredictability of the consequences of the incident, so they decided to leave. Despite the fact that after returning home, both memoirists lived a long life, their Russian experience has influenced their fates and family history.

Key words: Swiss, J.-A. Lambert, J.-A. Hofer, Russian province, foreign teachers, cheesemaker, Simbirsk, Tsaritsyn, Smolensk, Smolensk region.

Мемуары иностранцев о революции 1917 г., несомненно, представляют интерес как своего рода «взгляд со стороны» на события, столь круто изменившие ход российской и мировой истории. В данном слу-

Тихонова Анастасия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор Смоленского государственного университета. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

Tikhonova Anastasia V. — doctor of historical sciences, docent, professor at the Smolensk State University. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

чае авторами воспоминаний стали швейцарцы, прожившие в России длительный период: учитель Жак-Алексис Ламберт — 33 года и сыровар Альфред Хофер — 7 лет. Первый прибыл в Российскую империю из франкоязычной части Швейцарии, второй — из немецкоязычной. Различались их профессии, образовательный уровень, стартовый материальный достаток, место жительства и работы в империи (волжские города для Ламберта и смоленская сельская глубинка для Хофера). Объединяло этих незнакомых друг с другом людей принятие условий жизни в императорской России и отъезд из страны на родину после событий 1917 года. Характерным для обоих мемуаристов было стремление зафиксировать прошедшее без яркой эмоциональной окраски, порой фотографически четко и детально точно.

Воспоминания Ламберта в двух частях были написаны им собственноручно «по свежим следам» в декабре 1919 и в феврале 1920 г. Рассказ же Хофера передан от первого лица и представляет собой литературную обработку рукописных заметок и аудиозаписей, выполненную его родственником в 1960-х годах.

Мемуары Ламберта были впервые опубликованы в полном объеме его правнуком Александром Ламбертом в Женеве в 2009 г. на французском языке, а к 200-летию установления дипломатических отношений России и Швейцарии они были изданы в Москве в 2014 г. на русском языке внуком и правнуком мемуариста — Виктором Алексеевичем и Александром Викторовичем Ламбертами — при поддержке Музея швейцарцев за рубежом (пригород Женевы Преньи, особняк де Пант) ¹. Благодаря семье Ламберта, начиная с 2000 г., появились публикации о его воспоминаниях ².

О мемуарах Хофера в виде рукописи под названием «Aus meinem Leben» («Из моей жизни»), созданной в 1950-х—1960-х гг. объемом в 74 страницы и хранящейся ныне в «Архиве русских швейцарцев» (Russlandschweizer-Archiv) в Цюрихе (Osteuropa-Abteilung des Historischen Seminars der Universität Zürich), упомянула швейцарская исследовательница Г. Чудин в своей монографии о соотечественниках-сыроделах в Российской империи ³. В 2006 г. в Берне вышла книга Курта Штайнеггера (Steinegger) под названием «Die unglaubliche Erzählung des Alfred Hofer» («Невероятная повесть Альфреда Хофера») ⁴, значительную часть которой занимают «русские страницы» богатой событиями биографии этого человека. Отец Штайнеггера приходился братом первой, рано умершей жены Альфреда Хофера. Еще подростком Курт слышал об удивительной судьбе родственника. Позже они познакомились и общались, затем А. Хофер передал свой архив К. Штайнеггеру. Последний подготовил мемуары к печати, при этом собственный текст он свел к минимуму, во введении кратко пояснив обстоятельства знакомства с автором, а в эпилоге упомянув дату его смерти с объяснением своего интереса к этой, казалось бы, частной истории. По мнению Штайнеггера, она может служить образцом стойкости духа даже в безнадежных, на первый взгляд, ситуациях.

Последнее утверждение можно отнести и к судьбе Жака-Алексиса Ламберта (1863—1942). До своего приезда в Россию он ни разу не покидал родину. Будучи представителем состоятельной семьи из кантона Невшатель (община Горжье-Сент-Обэн), владевшей частной транспортной фирмой, Ж.-А. Ламберт получил образование в Невша-

тельском университете и в 1884 г. принял приглашение из России стать гувернером в одном из богатых домов Вятки. Такое решение 21-летнего молодого человека было продиктовано тем, что «франкоязычная Швейцария всегда поставляла в Россию довольно солидный контингент гувернеров и гувернанток, которые собирались покинуть родину на год или два, но решали остаться в России насовсем, найдя там более широкие возможности и лучшие условия жизни»⁵. Конечно, указанную профессию в основном выбирали женщины, число которых среди эмигрантов было значительным. Например, в 1884 г. (год отъезда мемуариста) из кантона Невшатель уехало в 20 раз больше женщин, нежели мужчин⁶. При этом известно, что 80% эмигрантов из данного кантона были заняты именно в сфере образования⁷. В целом же, эмиграция из Швейцарии была тогда распространенным явлением, ее апогей пришелся на начало 1880-х годов⁸.

Иоганн-Альфред Хофер (1887⁹—1970¹⁰), уроженец Цецивиля (кантон Берн), выходец из семьи сельских маслоделов и кожевников, был значительно моложе Ламберта, и в числе эмигрантов оказался много позже: выучившись на сыровара и проработав полтора года как ученик, затем год как мастер, в 1907 г. он уехал во Францию (департамент Верхняя Савойя), надеясь на то, что «швейцарский сыр имел отличную репутацию и изготавливался на многих иностранных сыродельнях»¹¹. Французский опыт не был для Альфреда Хофера очень удачным, а потому в 1910 г. молодой человек решил попытаться открыть свою сыроварню на территории Российской империи в Финляндии, но не смог там реализовать свой план из-за большой конкуренции. В 1911 г. он принял предложение одного из своих соотечественников: отправиться в центральную Россию — Смоленскую губернию¹².

Одной из главных трудностей, с которой иностранцы встречались в России, было освоение нового для них языка. Ламберт и спустя годы признавался: «Язык этот создает нам почти непреодолимые затруднения в части произношения и синтаксиса; его нелепые правила положительно входят в сознания только после крайнего напряжения памяти»¹³. Тем не менее, представитель альпийской страны с гордостью констатировал: «... Из всех говорящих по-русски иностранцев именно у швейцарцев лучшее произношение. Причина, возможно, кроется в этнографической ситуации нашей маленькой страны, где легко встретить людей, говорящих на нескольких языках». Из тех, кто освоил русский, по мнению Ламберта, «именно швейцарцы наиболее свободно и с наименьшим акцентом говорили по-русски»¹⁴.

Самому мемуаристу, по утверждению его родных, русский помогла освоить жена, с которой он познакомился в Вятке¹⁵, — София Ивановна Бенземан (1854—1921), немка, православного вероисповедания, окончившая в 1871 г. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц с серебряной медалью и получившая в 1881 г. свидетельство на звание домашней учительницы¹⁶. Отец Софьи Ивановны, будучи помещиком Сызранского уезда Симбирской губернии, через симбирского уездного предводителя дворянства М.Н. Зимнинского составил протекцию своему зятю, в результате которой Ламберт был приглашен в Симбирскую мужскую гимназию на должность учителя французского языка¹⁷. Он поступил на государствен-

ную службу, и с этого момента в документах стал именоваться «Алексеем Ивановичем».

Альфред Хофер в России также столкнулся с языковой проблемой: по дороге вглубь страны в поездах и на железнодорожных станциях ему помогли объясниться немецкоязычные и франкоязычные попутчики ¹⁸. Позже швейцарец «разговаривал» на языке жестов со своими русскими помощниками на смоленской сыроварне, а уже через несколько недель Альфред Иванович (как его стали называть) смог произносить отдельные фразы по-русски ¹⁹. К 1917 г. Хофер свободно владел русским, и это обстоятельство в революционной обстановке фактически спасло ему жизнь. Условиями, облегчившими для него трудности адаптации, были: семейный круг (в Россию вместе с Альфредом Хофером отправились его жена Мария, урожденная Штайнеггер, и брат Герман ²⁰), а также возможность общаться с коллегами из Швейцарии. К началу XX в. на Смоленщине успешно трудились многие его соотечественники-сыровары ²¹.

В мемуарах Алексея Ивановича Ламберта нет упоминаний о его контактах с другими швейцарцами в Симбирске. Тем не менее, иностранцу достаточно быстро удалось влиться в педагогический коллектив губернской мужской гимназии. Для своих учеников, кроме обучения французскому, он организовал школьный оркестр и сам с успехом выступал как пианист. Известно, что в первые же годы своей работы в гимназии Ламберт встретился с учеником, завершавшим свое обучение, — Володей Ульяновым ²², и выступил, в числе других педагогов, за вручение выпускнику золотой медали, несмотря на обвинения его в увлечении марксизмом ²³. После Симбирска швейцарец работал в Самаре, Казани и Царицыне. Дослужился в императорской России до статского советника ²⁴.

Спустя годы, давая оценку политической обстановке в стране в начале XX в., Ламберт был далек от ее идеализации: «До первой революции 1905 года политический режим довоенной России был направлен на удушение малейших революционных поползновений: запрет на собрания, отсутствие народных праздников (за исключением церковных и царских), строгая дисциплина в школах и строгое подчинение законам... В качестве устрашения представляли пресловутая Сибирь и вообще места, как говорят русские, “не столь отдаленные” — места ссылки, где столько несчастных настигала смерть... Дьявольски изобретательная полицейская система, затруднения в получении вида на жительство, во въезде и выезде из городов. Ограничение права на проживание для евреев и волжских татар, особенно жестокое преследование сектантов и штундистов, ограничение свободы прессы...» ²⁵ Ситуация представлялась своеобразной пеленой, «под которой задыхались любые формы общественной жизни» ²⁶.

Столь же нелюбезно охарактеризовал мемуарист и положение учителя, который находился в атмосфере «всеобщей слежки»: «так, в моем кругу преподаватели должны были следить за учениками, классные наставники обязаны были навещать своих подопечных по вечерам и проверять, как они занимаются и что читают; директора шпионили за преподавателями, при этом доходило до устройства в дома этих последних подкупленной прислуги. За инспекторами и другими высокопоставленными чиновниками шпионили сенаторы и министр

народного просвещения — который и сам... был всего лишь игрушкой в руках недоброй памяти главы Синода Победоносцева (К.П. Победоносцев — обер-прокурор Святейшего Синода (1880—1905). — А.Т.)». Такая оценка роли министра народного просвещения была характерной для либерально настроенной интеллигенции²⁷. Тем не менее, Ламберт старался быть объективным: «Зато, если вы не занимались ни политикой, ни религией, то вас никто не притеснял»²⁸.

Воспитанный в республиканских традициях швейцарец отзывался о событиях 1905 г. как о «первом всплеске свободы», стремлении общества к либеральным переменам, реформам, свободе печати²⁹. Находясь в преподавательской среде губернского города, Ламберт внимательно следил за происходящим в стране, его оценки свидетельствуют, что ему были хорошо известны не только столичные слухи, газетные новости, но и настроения провинциальной интеллигенции. По мнению Ламберта, Дума, недовольная правительством и распутинщиной, стала средой, где зрела «революция в верхах», но наступление «рокового момента» отсрочило начало «Великой войны» (французское название первой мировой войны)³⁰. Вину за крупное поражение русской армии после первых удач в Восточной Пруссии и Австрии швейцарец возложил на «русский Генеральный штаб и высшее командование — роковым образом направляемые немецкой кликой из погрязшего в предательстве окружения императрицы»³¹, явно отразив высказывавшиеся тогда мнения и оценки.

Альфред Хофер мало интересовался политикой: он был успешным сыроваром, сосредоточенным на собственном производстве и семейных заботах (в 1914 г. умерли его жена и ребенок)³². Вскоре Хофер женился на своей экономке, родом из Лифляндии³³, зимой 1916 г. у него родилась дочь³⁴. Стоит заметить, что ни война, ни семейные проблемы не сказались на его бизнесе, который динамично развивался. У Хофера состоялись переговоры в Москве со швейцарской фирмой, торговавшей сыром, и летом 1916 г. он переехал с семьей на сыродельню в Тырново Рязанской губернии. Затем, в самом начале 1917 г., предпринял большое путешествие (поездом и на санях) в сельскую местность под Челябинск, надеясь на новые перспективы для бизнеса³⁵. Вернувшись, он получил выгодное предложение на Смоленщине, и семья переехала в имение Белкино. Не прошло и месяца после возвращения, как в конце февраля 1917 г. Хофер услышал от владельца поместья: «Вы знаете, последние новости, Альфред Иванович? Теперь у нас есть республиканское правительство... Наш царь Николай II свергнут. Иностранцы не имеют больших причин для беспокойства, но горе нам помещикам»³⁶. Как выяснилось позже, случившееся негативно повлияло и на положение швейцарцев.

По мнению другого мемуариста — Ламберта — Февральская революция была вызвана тем, что «люди хотели полной свободы — свободы личности, передвижения, собраний, слова, печати и, в особенности, полного упразднения произвола в государственном механизме и политической жизни России. Хотели ответственных перед народом министров»³⁷. Такие требования, как полагал швейцарец, были вполне справедливыми, а потому «эта первая революция была уникальным моментом в русской истории»³⁸. Однако первоначальный подъем,

«вызванный стремлением к свободе», вскоре сменило разочарование. Вместо «умеренной политики» правительство кадетов произвело «арест бывших министров, генералов и других высокопоставленных лиц из монархического лагеря — и не потому, что эти люди вынашивали контрреволюционные планы, а, скорее, из чувства мести»³⁹. Вместо ответственности перед Думой, новые министры старались отмежеваться от нее, а при правительстве Керенского Дума была распущена. «Впоследствии большевики всего лишь пошли по следам своих предшественников, распустив Учредительное Собрание в первый же день его работы»⁴⁰.

Логика революции, по мнению Ламберта, оказалась следующей: ради свержения царизма произошло объединение «революционного лагеря» из трех сил — кадетов, эсеров с меньшевиками (единая сила) и большевиков, «а затем [они] по очереди начали сражаться друг с другом за власть»⁴¹. Датой победы большевиков иностранец называет 20 октября 1917 г., причем повторяет это в мемуарах дважды. Вероятно, можно согласиться с комментарием издателей, что это не ошибка, а реальная дата празднования данного события в провинции, что было возможно из-за еще царившей «революционной неразберихи»⁴².

Швейцарец однозначно отрицательно оценивал приход к власти большевиков: «первая, Февральская революция... была, среди прочего, направлена на полное упразднение авторитарного режима с его произволом — а коммунисты, при помощи штыков, его как раз восстановили»⁴³. Иностранца изумляло полное презрение представителей новой власти к правопорядку, вызывало отвращение введение красного террора, с последовавшими за ним нищетой и голодом. Вершителями судеб новой России, помимо Ульянова-Ленина, по мнению Ламберта, становились «кроважидный Троцкий-Бронштейн», установивший «железную дисциплину» в армии и «просвещенный Луначарский», «покрывший всю Советскую Россию сетью агитаторов-пропагандистов»⁴⁴. Этот триумвират сначала находился в Смольном в Петрограде, а затем обосновался «в старой резиденции царей Кремле»⁴⁵.

Население при новой власти, как считал Ламберт, оказывалось перед выбором: остаться или покинуть страну. Наиболее состоятельная часть и «хорошо устроенные иностранцы» желали уехать, «но основная масса представителей среднего класса, т.е. служащих всех категорий, мелких торговцев и других горожан должна была смириться с требованиями большевиков. Иначе им грозили голод, заточение или смерть»⁴⁶.

Что касается Хофера, то для понимания кардинальных перемен в стране, ему потребовалось время. Даже лето 1917 г. в смоленской глубинке прошло без происшествий, но из города доходили слухи, что были «уличные бои между революционерами и еще царскими дружественными казаками. Губернатор Смоленска был выселен»⁴⁷. Полиции не было, и на улицах нередко грабили хорошо одетых путешественников. Поэтому Хофер, отправляясь в город только по острой необходимости покупки «важных вещей для повседневной жизни», специально одевался в простое («рабочее») платье. Торговать сыром стало трудно и возможно только через евреев-перекупщиков, пре-

жние деньги исчезли из обращения, а в «керенках» «не было никакой уверенности»⁴⁸. Брат Хофера Герман в августе 1917 г. стал свидетелем поджога в Смоленске дома швейцарца Витвера, занимавшегося молочным производством и торговлей⁴⁹.

В ноябре 1917 г. на сыродельню к Хоферу, сварившему голландский сыр, явились голодные крестьяне из окрестных деревень, с которыми прежде были очень хорошие отношения. Незваные гости заставили сыродела спуститься с ними в подвал и, выгасив еще неготовый сыр из соленого раствора, ели его тут же, «как будто это было яблоко»⁵⁰. Позже для защиты имущества, по просьбе помещика, привлекались на короткий срок казаки, которые тоже не отличались дисциплиной. Вскоре в деревню стали возвращаться солдаты с фронта, главным лозунгом которых было: «Распределить!» Помещик, старик 80-лет, тайно покинул поместье. Когда же в марте 1918 г. усадьба была национализирована, была произведена реквизиция имущества, бывший владелец тайно приходил, одевшись «как мужик». По свидетельству Хофера, он плакал, увидев опустошение того, что создавалось его предками, и советовал швейцарцу уезжать. К тому же на сходах уже звучали противоречивые предложения: дать сыровару возможность работать дальше или, наоборот, «убираться туда, откуда приехал»⁵¹. Хофер признавался, что он медлил, надеясь на приближение немецкого фронта⁵², который проходил в 160 км от Белкино. В мае 1918 г. Хофер вместе с семьей вынужден был тайно бежать из имения, взяв с собой только самое необходимое⁵³.

Это было трудное путешествие: оставив жену и маленькую дочь в Смоленске у лютеранского пастора, Хофер ездил в Москву для оформления документов на выезд. Затем вместе с родными из Смоленска он добирался до Пскова, где в окрестностях города, проходя таможенный контроль как со стороны России, так и Германии, пережил много неприятных часов, связанных с тем, что документы были на французском, а не на немецком языке (так как немецкий был запрещен в официальных документах, оформлявшихся в период первой мировой войны в России). Затем было путешествие в Ригу, чтобы вновь оформить документы в Вольмар (Виелмару), родной для жены Альфреда город. Наконец, в октябре 1918 г. удалось выехать через Двинск (Хофер называет город прежним названием Динабург, нынешний Даугавпилс) в Швейцарию. Путь поездом до Базеля, с волнениями и долгими ожиданиями занял 8 дней. Когда же семья Альфреда добралась до его отчего дома в Биглене (кантон Берн)⁵⁴, то с радостью узнала, что брат Герман жив, он сумел выехать из России первым поездом с беженцами в июле 1918 года⁵⁵.

Свидетелем новых реалий советской России стал и Алексей Иванович Ламберт. В своих мемуарах он упоминает особую комиссию в Царицыне (очевидно, местную ЧК) «из людей без стыда и совести» во главе с политическим комиссаром, «которым часто оказывалась мужеподобная мегера, подписывавшая ордер на арест или приговор с такой же беззаботностью, с какой она подписала бы распоряжение о выдаче ста тысяч папирос для красногвардейцев!»⁵⁶ Его поразили ленинские декларации о всемирной революции, переименование же партии из социал-демократической в коммунистическую для Ламберта означало открытый отказ властей от принципов демократии⁵⁷.

Швейцарский учитель стал свидетелем разгрома рабочими, «эти-ми большими детьми», спровоцированными большевистской пропагандой, французского металлургического завода, где трудилось свыше 15 тыс. человек, и поджога лесопилок вместе со складами⁵⁸. Упомянув о неоднократной смене власти в Царицыне, Ламберт отмечал, что проявления разбоя были как со стороны белых, которые использовали горцев в качестве передовых отрядов, так и со стороны красных⁵⁹. Оценивая новых большевистских местных руководителей, иностранец, много лет проживший в России, был поражен их высокомерием, столь свойственным «выскачкам». Швейцарец отметил, что они «не боятся ревизий, которые до них просто не добираются из-за больших расстояний и огромного количества инстанций, а также всего этого бумажного хлама, который теряется на пути из одной конторы в другую»⁶⁰.

Став преподавателем новой советской школы, Ламберт осознавал, что его положение шатко. Ему «навсегда врезалась в память речь» руководителя Царицынского отдела народного образования в первую годовщину революции — в октябре 1918 г. — о том, что пока «товарищи коммунисты» сделают «золотую клетку» для взятых на службу представителей интеллигенции, но «при первой же попытке бунта» уничтожат («придушат») «их во славу нашей всемирной революции»⁶¹.

В июне 1919 г., получив отпуск, Ламберт решил вернуться на родину. Для этого нужно было оформить необходимые бумаги, и иностранец с трудностями добрался до Москвы, которую он не узнал: разбитые витрины, отсутствие товаров, в том числе лекарств, страшная инфляция. Ламберт попытался получить аудиенцию у Ленина, и по письменному обращению смог попасть в Кремль, который тоже разительно изменился: «нет больше красивых ковров, паркета, прекрасных картин, отделанных потолков, позолоченных люстр. Пустые залы, голый паркет — все это больше напоминало казармы». Аудиенции Ламберт не удостоился, он лишь увидел в проеме двери «Ленина за своим письменным столом. Его лысая голова терялась в нагромождении бумаг, разбором которых он был занят»⁶². Ламберт получил направление в Наркомат иностранных дел, где ему выдали пропуск через Минск, находившийся во фронтовой зоне, ехать туда было равносильно самоубийству. Он снова вернулся в Царицын, в ограбленную за время отсутствия квартиру, и продолжил работу в гимназии уже при белых. Получив новый отпуск на лечение в Швейцарии, Алексей Иванович через Новороссийск в декабре 1919 г. отплыл на родину на борту парохода «Буэнос-Айрес». В Женеву он добрался лишь 16 января 1920 года.

Мемуары Ламберта, написанные во время этого путешествия из России, завершались словами надежды. Швейцарец полагал, что русский человек, которого «следует заметить,... большевицкая пропаганда научила... рассуждать», «поймет, что только трудом во всех его проявлениях и уважением к гражданским добродетелям он сможет обеспечить себе нормальную жизнь, достойную великой нации. Я верю в нравственное возрождение каждого индивидуума и в социальное возрождение всей русской нации, будь то республика Советов, образованная из выбранных народом представителей, или конституционная монархия с ответственным правительством»⁶³.

Советская Россия навсегда сохранилась в памяти Ламберта: жена Алексея Ивановича из-за болезни осталась в России вместе с сыном Алексеем, а попытки вернуться за ними, оказались тщетными. Софья Ивановна скончалась в госпитале в Одессе в 1921 году. Алексей Алексеевич Ламберт смог приехать в Швейцарию только в 1946-м ⁶⁴. В гражданскую войну потерялись следы другого сына мемуариста — Владимира, неизвестны обстоятельства смерти в 1918 г. дочери Марии, в замужестве Дитмар. Сыновья Николай и Иван, вернувшиеся к 1921 г. в Швейцарию, не потеряли связи с Россией. Николай впоследствии стал директором Русского Библейского общества во Франции и Швейцарии ⁶⁵, а Иван выбрал для себя карьеру музыканта, основал балалаечный оркестр и с успехом выступал под псевдонимом Иван Волгин ⁶⁶.

В судьбе сыровара Альфреда Ивановича Хофера Россия тоже оставила глубокий след: здесь были похоронены его первая жена и ребенок, на территории бывшей Российской империи осталась и его вторая семья. Карлина Хофер, с таким трудом добравшаяся до Швейцарии, не смогла там жить. Спасая супругу от сильной депрессии, Альфред решил отвезти ее с дочерью к родным в Латвию, хотя это было сопряжено с немалым риском в условиях гражданской войны, а затем через Елгаву и Берлин вернулся домой. Предчувствие беды его не обмануло: в августе 1921 г. было получено «печальное известие о смерти дочери от туберкулеза в больнице Риги» ⁶⁷. Жена Хофера отказалась возвращаться в Швейцарию, и супруги вынуждены были оформить развод ⁶⁸. Позже Альфред сам покинет родину, отправившись во Францию, где станет свидетелем немецкой оккупации и деятельности французского Сопротивления. После второй мировой войны он вернется в Швейцарию, а последние годы своей жизни проведет в Германии (в Мюнхене). Совершенно справедливо Курт Штайнеггер назвал историю этого швейцарца «невероятной».

Стоит признать, что революционные потрясения кардинальным образом изменили судьбы обоих мемуаристов, а также их родных. Действительно, 1917 г. стал значимым рубежом, повлиявшим на всю последующую жизнь этих людей, и оказался насыщенным событиями, о которых они не могли забыть.

Примечания

1. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Очевидец революции. Мемуары русского швейцарца Алексея Ивановича Ламберта (1863—1942). М. 2014.
2. МАЩЕНКО А. Необыкновенные приключения Ламбертов в России... — Крымское время. 11.II.2000; ПЕТРОВ И. Жак Алексис Ламберт — швейцарец из Невшателя, учивший французскому языку Ленина. — Русская Швейцария (Цюрих). 2005, № 4; АЛЕКСАНДР ЛАМБЕРТ: Мой прадед учил Ленина. — Наша газета. Швейцарская русскоязычная интернет-газета. URL: <http://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/7438>; Jacques-Alexis Lambert — Erinnerungen eines Neuenburger Erziehers an die Russische Revolution. In: Von Zürich nach Kamtschatka, Schweizer im Russischen Reich. Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft Zürich. Bd. 75. Zürich. 2.I.2008; NIEDERHÄUSER P. Victor Lambert: Verkaufingenieur und «Propagandist», Käser, Künstler, Kommunisten. Zürich, 2008; STEINER B. Lenin hat keinen Respekt verdient. — Der Landbote (Winterthur), 3.III.2005, S. 25.

3. TSCHUDIN G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich. 1990, S. 312.
4. STEINEGGER K. Die unglaubliche Erzählung des Alfred Hofer. Bern. 2006.
5. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Ук. соч., с. 75.
6. Там же, с. 24.
7. Там же, с. 26.
8. Там же, с. 23.
9. Иоганн Альфред Хофер родился 31 сентября 1887 года. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 204, оп. 1, д. 12, л. 271.
10. STEINEGGER K. Op. cit., S. 15.
11. Ibid., S. 12.
12. Ibid., S. 21.
13. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Ук. соч., с. 75—76.
14. Там же, с. 76.
15. Там же, с. 32.
16. Там же, с. 120.
17. Там же, с. 32.
18. STEINEGGER K. Op. cit., S. 22—23.
19. Ibid., S. 25.
20. Сыровар из Швейцарии Альфред Иванович Гофер вместе с братом Германом обозначен как приехавший в 1911 г., значится в именных списках иностранцев, проживавших в Смоленской губернии в 1916 году. ГА СО, ф. 1289, оп. 1, д. 518. 1915 г., л. 43об.—44, 215об.—216, 293об.—294, 403об.—404.
21. TSCHUDIN G. Op. cit., S. 43—73, 87—103, 134—139, 167—168, 299—301.
22. В мемуарах А.И. Ламберта указан год его обучения В.И. Ульянова — 1889, но, вероятно, это ошибка, так как тот окончил гимназию в 1887 году. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Ук. соч., с. 104.
23. Там же.
24. Там же, с. 34.
25. Там же, с. 76—77.
26. Там же, с. 77.
27. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М. 1960, с. 311.
28. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Ук. соч., с. 77.
29. Там же, с. 78.
30. Там же.
31. Там же, с. 79.
32. STEINEGGER K. Op. cit., S. 37. Факт смерти жены и ребенка А. Хофера удалось подтвердить данными метрической книги лютеранской церкви г. Смоленска: 17 января 1914 г. в селе Белкине Смоленского уезда умерла «замужняя» швейцарка из кантона Берн Мария Гофер, урожденная Штейнеггер, 23 лет. Причина смерти — «от воспаления мозговых оболочек». ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 13, л. 259об.—260. Дочь Иоганна Альфреда Хофера и его жены Марии, урожденной Штайнеггер, Людвиг, 7 месяцев умерла в Белкино «от поноса» 13 августа того же 1914 года. ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 13, л. 267об.—268. Жена и ребенок были похоронены на лютеранском кладбище в Смоленске.
33. В метрической книге лютеранской церкви Смоленска в записи о браке Иоганна Альфреда Хофера указано, что его женой 2 сентября 1914 г. стала Карлина Аболинг. ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 12, л. 270об.—271. 7 декабря 1915 г. у супругов родилась дочь Мария Маргарита. Это произошло в больнице Язвино Ельнинского уезда. ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 11, л. 917об.—918. Хофер очень точен в деталях: он упоминает обстоятельства отправки жены зимой 1915 г. в сельскую больницу в другом уезде.
34. STEINEGGER K. Op. cit., S. 40.
35. Ibid., S. 42.
36. Ibid., S. 46.
37. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. Ук. соч., с. 79.
38. Там же, с. 80.
39. Там же.

40. Там же, с. 81.
41. Там же, с. 79.
42. Там же, с. 81.
43. Там же, с. 82.
44. Там же.
45. Там же, с. 81.
46. Там же, с. 82.
47. STEINEGGER К. *Op. cit.*, S. 47. Последним Смоленским губернатором в 1915—1917 гг. был Константин Антонович Шумовский.
48. STEINEGGER К. *Op. cit.*, S. 47.
49. *Ibid.*, S. 48. В Смоленске и губернии проживало несколько сыроваров Витверов. Во вклейке в «Памятной книжке Смоленской губернии на 1903 год» представлены рекламы «сырной и молочной торговли» братьев К. и А. Витверов по адресу: «г. Смоленск, Троицкое шоссе, близ нового Днепровского моста дом Лисовского» и молочной продукции Эдуарда Петровича Витвера, который был домовладельцем: «г. Смоленск, Солдатская слобода, собственный дом». Брат Альфреда Хофера Герман 28 декабря 1917 г. женился на представительнице рода Витверов — Альвине Витвер, дочери сыровара Адольфа и Луизы Витвер. Девушка родилась на Смоленщине и жила со своей семьей в имении Долгомостье Смоленского уезда. ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 12, л. 294об.—295. Альфред Хофер указывает, что брат женился в ноябре 1917 года. STEINEGGER К. *Op. cit.*, S. 48. Возможно, здесь нет ошибки, так как первое оглашение намерения молодых заключить брак состоялось 26 ноября 1917 г. ГА СО, ф. 204, оп. 1, д. 12, л. 294об.—295.
50. STEINEGGER К. *Op. cit.*, S. 48.
51. *Ibid.*, S. 55.
52. *Ibid.*, S. 52
53. *Ibid.*, S. 57.
54. *Ibid.*, S. 66—67.
55. *Ibid.*, S. 68.
56. ЛАМБЕРТ А., ЛАМБЕРТ В. *Ук. соч.*, с. 82—83.
57. Там же, с. 83—84.
58. Там же, с. 96.
59. Там же, с. 99.
60. Там же, с. 97—98.
61. Там же, с. 86.
62. Там же, с. 105.
63. Там же, с. 87.
64. Там же, с. 36.
65. Там же, с. 34.
66. Там же, с. 37.
67. STEINEGGER К. *Op. cit.*, S. 69.
68. *Ibidem.*

Покаяние в России в XVIII в.

Е.Н. Марасинова

Аннотация. Работа посвящена феномену использования властью религиозных практик и, прежде всего, покаяния для наказания мирян за те тяжкие преступления, которые никогда не находились под юрисдикцией церкви. Выводы автора основываются на широком круге опубликованных и архивных источников и, в частности, таком комплексе ранее не вводимых в научный оборот документов, как конфирмации Екатерины II на приговорах, вынесенных Сенатом за убийства. Вопросы, поднимаемые в публикации, позволяют по-новому интерпретировать такие важные проблемы, как взаимоотношение власти и церкви, механизмы социального контроля, влияние личности монарха на политику правительства, соотнесение закона Божьего и закона государственного в сознании современников.

Ключевые слова: смертная казнь, покаяние, социальный контроль, секуляризация, закон, общественное сознание.

Abstract. This study focuses on the process by which the state actively came to rely on church practices, religious world-views and values in prosecuting grave felonies that were committed by lay people. The author's conclusions are based on a wide range of published and archival sources and, in particular, the collections of confirmations of Catherine II on the sentences handed down by the Senate for the murders. No study has been dedicated to this specific topic, even as it promises to help scholars reinterpret such important conceptual problems as the relationship between church and state; mechanisms of social control; the role of the monarch's personality in shaping government policy; and the compatibility, as contemporaries perceived it, between God's commandments and state law.

Key words: death penalty, repentance, social control, secularization, law, public consciousness.

Русский XVIII в. традиционно ассоциируется в исторической литературе с процессом секуляризации, под которым понимается сужение сферы идеологического, правового и экономического влияния церкви. В то же время многие исследователи отмечают усиливающуюся в этот период тенденцию сакрализации верховной власти, что не могло не привести к использованию догматов веры и религиозных практик

Марасинова Елена Нигметовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: LenaMarassinova@gmail.com.

Marasina Elena N. — doctor of historical sciences, senior researcher at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. E-mail: LenaMarassinova@gmail.com.

в новом социо-политическом контексте имперской России. В работе будет поставлена проблема, с которой власть пыталась справиться на протяжении всего столетия и особенно его второй половины: смягчение наказаний за тяжкие преступления, прежде всего убийства, и как следствие — необходимость совершенствования механизмов социального контроля за мотивацией и поведением подданных. В частности, речь пойдет о феномене непосредственного использования властью церковных обрядов для наказания преступников без санкции церкви.

Традиционно в русской православной церкви существовало как добровольное, восходящее к таинству исповеди, так и принудительное покаяние, практически отождествляемое с епитимьей. На основании Соборного Уложения 1649 г., «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Андриана, в сфере жесткого духовного контроля находились, условно говоря, «гендерные связи» — «блудодеяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т.п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», то есть под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов ¹.

Неверные сведения по судным делам, данные с крестным целованием, также подлежали церковной юрисдикции. На протяжении всего периода покаяния полагалось по понедельникам, средам и пятницам есть один раз в день хлеб с укропом, а по вторникам и четвергам — два раза тот же хлеб с «варивом без масла». «Клянущемуся на криве» могли вообще урезать его лживый язык, чтобы «скверными речами именем Божиим не укорялся» ².

По «правилам святых апостолов и святых отцов» судили беглых холопов, которые, чтобы не возвращаться в прежнее состояние, подстригались в монахи или более того — становились священниками ³. Разумеется, преследовались попытки прикрыть свою социальную неблагонадежность монашеской рясой безо всякого пострига: таким была прямая дорога в монастырь, но только уже «на смирение» ⁴. «Для исправления отсылали к патриарху» христиан, обращающихся в другую веру, в то время как своеобразных проповедников, успешно насаждающих свою религию среди православных, «сжигали огнем безо всякого милосердия» ⁵.

Как известно, церковь могла карать за земные грехи и умерших, лишая их права на отпевание и погребение у храма. К несчастным, не обретающим покой и после кончины, относились не только «бесноватые», самоубийцы, казненные преступники и погибшие при разбое и воровстве. Безымянная могилка в лесу или поле была уготована утонувшим во время забав на воде, убившимся на качелях и умершим в результате опьянения ⁶.

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые мирянину полагались церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному Уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

Отдельная 22-ая глава Уложения специально посвящалась подробному перечислению преступлений, за которые полагалась смертная казнь. В ней же содержались статьи о «винах, за какие смертию не казнить, а чинить наказание», сводящееся к разнообразным физическим мучениям. О том, что таким «поругателям и забывателям закона Христианского» нужно бы назначить покаяние, в Уложении не говорилось ни слова. Показательно, что еще до приговора Степана Разина к смертной казни Собор во главе с патриархом Иоасафом вынес свой вердикт об отлучении и проклятии «сего врага Божьего» за «поругание святой православной церкви и христианское кровопролитие»⁷.

В петровском законодательстве все с большей очевидностью проявлялась тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые, мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания⁸. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода 1722 г.⁹, светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах¹⁰. За Синодом оставалось лишь преследование богохульников, еретиков, раскольников, вступающих в «недоуменные браки», «совокупляющихся родственников» и т.д. Симптоматично, что в случае игнорирования духовного суда церковь должна была жаловаться в Сенат на греховодника, который после этого подлежал наказаниям «светским началом». Разумеется, над всей этой пирамидой — от судьи и епископа до Синода и Сената — возвышалась величественная фигура Петра Великого, вещавшего: «Ежели духовная персона или весь Синод во учиненной обиде нигде сатисфакции не получит — объявлять Мне»¹¹. Мог Великий император в случае необходимости пригрозить своим подданным и Страшным судом. Так, в 1717 г. он писал: «Господа Сенат, ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»¹².

С «Воинского устава» покаяние начинает вообще рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство¹³, заговор ружья, блуд между ближними свояками, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например, во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т.д.¹⁴ При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник приговаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой. Иногда факт покаяния мог свидетельствовать о замене смертной казни тяжкими телесными наказаниями, которые, видимо, должны были усугубляться еще и этой формой духовного смирения. Так в «Воинском артикуле» говорилось, что за «богохуление» вообще-то полагается смертная казнь, но если особых ругательств произнесено не было, да произошло все «единожды» и «по легкомыслию», то можно ограничиться шпицрутенами и «притом церковным покаянием»¹⁵.

Таким образом, Пётр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным покаянием, лишив в то же время это на-

казание своей самооценности и сделав приговор по нему прерогативой «светских команд»¹⁶. Однако это дерзкое решение императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах «Воинского артикула». В отношении правления Анны Иоановны также можно говорить лишь о единичных случаях принуждения светским судом мирян к церковному покаянию, в частности, в связи с довольно прагматичным указом о беглых. В 1734 г. высочайше было объявлено, что всякого звания служилые люди, драгуны, солдаты, матросы, а также посадские и крестьяне, бежавшие за пределы России, получают «генеральное прощение» и приобщаются к числу «верных подданных». Лишь беглые, вышедшие из православной веры, обязаны были принести покаяние, а от прочих наказаний освобождались¹⁷.

Период царствования Елизаветы Петровны хотя и не был отмечен фактами «купного» наказания покаянием людей, не принадлежащих к клиру, по решению светских команд, однако оказал принципиальное влияние на уголовное законодательство и практику последующих правлений и, прежде всего, Екатерины II. Речь идет о двадцатилетнем моратории на смертную казнь, который был выдержан с 1741¹⁸ по 1761 г., несмотря на жалобы местных властей, вынужденных кормить помилованных преступников¹⁹, и «великое опасение»²⁰ Сената²¹. Указ о приостановке высшей меры наказания, снабженный расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, публично объявлен не был. На места поступали лишь полусекретные, не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием «осужденным смертной казни экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа»²². Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры выносились по-прежнему, но оставались лишь на бумаге.

Однако мораторий изменил социальный ландшафт страны и повлиял на общественное настроение. Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной. К концу правления Елизаветы Петровны в России выросло два поколения людей, не видевших эшафота²³, а у правящей элиты сформировалась привычка к тому, что публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе. Практическую приостановку смертной казни, предпринятую «нашей теткой Елизаветой», Екатерина оценила выше «самых блистательных завоеваний»²⁴. Однако указа о «невершении смертной казни» без санкции Сената императрица сразу не подтвердила, но и распоряжений о приведении в исполнение невынесенных в предшествующее правление приговоров не последовало. В то же время первая половина ее царствования была отмечена тремя громкими казнями, завершившимися отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием.

Сентенции по делу поручика Василия Мировича, виновников московского Чумного бунта 1771 г. и участников восстания Емельяна Пугачева 1773—1774 гг. свидетельствуют, что после двадцатилетнего моратория власть вынуждена была развернуто аргументировать

оправданность возобновления смертных казней. Характерно, что при этом использовалось христианское учение, преступники обвинялись в попрании не только государственных законов, но и закона Божьего, а благодный образ милосердной монархини изолировался от смертных приговоров. Через несколько недель после подавления бунта Пугачёва императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казнённых, а места казни «истребить». Весной 1775 г. был официально подтвержден указ Елизаветы Петровны, запрещающий смертную казнь без конфирмации Сената и императрицы.

Таким образом, практически лишившись возможности применения смертных экзекуций, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором взысканий за тяжкие преступления и особенно убийства. Постепенно телесные наказания становились делом низших слоев, а преступники из привилегированного сословия обычно лишались своей принадлежности к высшей касте²⁵, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое по законодательству второй половины XVIII в. не конфисковалось, а отходило наследникам. Между тем, по донесениям местных канцелярий²⁶ рассматриваемый период отличался определенным увеличением общего числа убийств, особенно «пьяным делом и в беспамятстве», что, по всей видимости, опосредовано было связано с формированием единого хлебного рынка, доступностью «хлебной водки» и большими выгодами винокурения²⁷. В то же время помещики, получившие право суда над своими крестьянами, особенно жестоко обходились с пойманными беглецами и уличенными в воровстве, что иногда заканчивалось смертью крепостных. Может быть, неслучайно, что именно при Екатерине изменилась «семантика клеймения» и вместе с тем понимание самого страшного преступления и греха. Если во время правления Елизаветы Петровны осужденных на смертную казнь клеймили словом «ВОР»²⁸, то при Екатерине преступников иногда приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»²⁹.

Все эти обстоятельства так или иначе повлияли на активизацию использования государством церковных практик и религиозных мировоззренческих ценностей для борьбы против тяжких преступлений в среде мирян³⁰ во второй половине XVIII века³¹. Неожиданное, на первый взгляд, для России века Просвещения и секуляризации использование авторитета веры и церковных обрядов, прежде всего, покаяния для борьбы с уголовными преступлениями светских людей, было обусловлено сложными социальными, идеологическими и духовными процессами, происходившими в русском обществе. Эта тема никогда не становилась объектом специального изучения, в то время как обращение к ней позволит по-новому интерпретировать такие важные проблемы, как взаимоотношение власти и церкви, механизмы социального контроля, влияние личности монарха на политику правительства, соотношение закона Божьего и закона государственного в сознании современников.

Высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция, свидетельствуют, что ини-

циатором распространения «наказания покаянием» была именно Екатерина II. Действительно, по утрам она не только писала послания Вольтеру и барону Гримму, но и выслушивала донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел, в частности и тех, которые остались от правления Елизаветы Петровны. Для собственноручного монаршего утверждения поступали тысячи бумаг, которые учитывались в специальных «Журналах высочайшим конфирмациям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»³².

Мнения Сената иногда представлялись императрице с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь», «надлежит по законам за преступление смертная казнь» или в отношении высшего сословия — «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни». Однако Екатерине ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу, как правило, сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России. Уникальность такого источника, как высочайшие конфирмации, заключается в том, что многие приговоры дополнялись самой императрицей «наказанием покаянием».

Одно из первых решений о наказании «купно» покаянием, принятых на высочайшем уровне во время правления Екатерины, было подписано всего через несколько недель после ее восшествия на престол. Следует заметить, что это судебное дело и приговор по нему, не вызвавшие никакого резонанса в середине XVIII в., сейчас могут стать впечатляющим опровержением низкой стоимости жизни крепостного в России. 7 августа 1762 г., по именному указу, в распоряжение Синода из военной конторы поступил вахмистр ябургского драгунского полка дворянин Пётр Жуков. Он был разжалован в солдаты, но до отправки в действующую за границей армию, должен был в течение нескольких дней поклонами перед народом каяться в церкви Воскресения Никитского сорока на Бронной. Вина Жукова состояла в том, что у его человека Андрея Матвеева на груди образовалась «болезнь», которую вахмистр, привычный к лечению ран в походных условиях, попытался сам удалить ланцетом. Операция доморощенного хирурга оказалась неудачной, и, несмотря на все усилия Жукова, крестьянин умер. В приговоре было сказано: «Хотя то от Жукова без намерения к смертному убийству последовало, однако ж смерть оному крестьянину приключилась»³³. Об исполненном обряде покаяния теперь уже солдата Жукова иерей Андрей Афанасьев направил в Синод рапорт.

Характерно, что в 60—70 гг. XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, то есть в высочайших конфирмациях³⁴. Но постепенно эта склонность императрицы³⁵ привлекать церковь к борьбе со смертными преступлениями была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х гг. XVIII в., особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появлялось в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная фор-

ма взыскания не полагалась³⁶. Постепенно тайнство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. «Журналы высочайшим подтверждениям на докладах Сената и других мест» и «Реестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»³⁷.

Во время правления императрицы покаяние «сверх и купо» налагалось в соответствии с представлениями о самом страшном деянии и грехе, то есть за убийство, вне зависимости от его мотивов. Не только нести наказания по государственным законам, но и вымаливать прощение у Всевышнего должны были преступники, лишившие другого человека жизни как умышленно, так и невольно, «пьяным делом и в беспамятстве». Если по Соборному Уложению 1649 г., убийство «пьяным делом» считалось смягчающим обстоятельством³⁸, то в начале XVIII столетия уже сложно было рассчитывать на снисхождение за уголовные проступки «в шумстве». «Когда кто пьян напьется, — сказано в «Воинском артикуле» и «Морском уставе», — и в пьянстве своем что злого учинит, [яко смертное убийство и сему подобное], тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящею жестокостью наказан имеет быть»³⁹. Во время правления Екатерины II убийство в драке, пьянстве и «воспалении гнева» также признавалось умышленным, о чем свидетельствуют и многочисленные сентенции, и высочайшие подтверждения: «Хотя он точного умыслу к убийству не имел, а учинил оное от пьянства, но пьянство, сопряженное с таковым злом извинить его не может»⁴⁰.

Сибирь, тягло и покаяние ожидали прапорщика, зарезавшего своего дворового человека; титулярного советника, избившего батогами другого титулярного советника в его собственном доме; недоросля из дворян, убившего купца; отставного поручика, засекшего крепостную; отставного прапорщика, убившего священника; отставного секунд-майора, заколовшего своего шурина; подпоручика и секретаря Мышкинского уездного суда, избивших старосту вотчины княгини Волконской, который «в третий день умер»⁴¹, и т.д. С.М. Соловьёв также приводит многочисленные примеры приговоров к церковному покаянию, вынесенных на основании высочайших подтверждений. Объясняя столь широкое использование религиозных практик в уголовных делах, историк делает вполне резонный вывод: «Екатерина при своем основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви»⁴².

В некоторых приговорах, усугублявших наказание осужденным на церковное покаяние, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловиться», то во время правления Екатерины речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только

«скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»⁴³.

При этом, если выносимые приговоры и определялись статусом убийцы, то, как правило, не зависели от социального положения жертвы. Подобный вывод может показаться неожиданным для устоявшихся представлений о крепостнической России второй половины XVIII в., но за отнятую жизнь соседа-помещика, священника, канцелярского копииста и беглого крестьянина, умершего даже через три дня после побоев, дворянина ожидали примерно одинаковые наказания, усугубляемые принудительным покаянием. Так прагматичная забота государства о своих главных налогоплательщиках, крестьянах, оказывалась в одном социальном контексте с христианским учением о равенстве всех перед Богом и заповедью «не убий».

Разумеется, в крепостнической России второй половины XVIII в. нельзя отрицать высокой степени личной зависимости крепостного и низкой стоимости его «подлой души»: частновладельческих крестьян можно было сослать на каторгу, продать в рекруты, нещадно наказывать плетью, но их категорически нельзя было убивать⁴⁴. Во всяком случае, после смерти своей удавалось им заявить громко о своем существовании, (иногда «пожить шумно, как бы в награду за не примеченную никем жизнь»⁴⁵), попасть в экстракты уголовных дел и в каком-то смысле сравняться с убиенными «из благородных».

В 1762 г., еще во время краткого правления Петра III, в Воронежской губернии умер Филин Тихонов, крепостной поручика Василия Нестерова. Весьма вероятно, Тихонов не был работающим и покорным мужиком, «творил непотребства, кражи и побег». Не оставался в долгу по отношению к таким крестьянам и Нестеров. После поимки Тихонова поручик, напившись, бил его, жег его огнем, а потом посадил на ночь в погреб, где утром обнаружили труп. Испугавшись и, видимо, мгновенно протрезвев, Нестеров решил умолчать о смерти крепостного, в канцелярию не донес, а тело несчастного тайно зарыл «на гумне в землю». Но преступление было раскрыто, поручика взяли под стражу, и тут в Юстиц-коллегии выяснилось, что «если крестьяне от помещиков своих сверх обыкновенного их наказания помрут, за то что с помещиков чинить — таковых точных указов нет». Сенат рассмотрел дело, оставив без внимания доношение поручика о том, что якобы покойный Тихонов грабил его, пытался зарезать ножом, а потом сам принял отраву. Василия Нестерова сослали навечно в Нерчинск, а имение конфисковали в пользу наследников⁴⁶.

Наказание, определенное дворянину за смерть крепостного, оказалось таким же, какое последовало бы за убийство представителя любой другой социальной страты. Эта сентенция стала судебным прецедентом и в дальнейшем повлияла на приговоры душевладельцам, которые над людьми своими совершают «убийства и необыкновенные тиранские мучения».

Именно страх перед наказанием заставлял помещиков, утративших и совесть, и элементарный разум, о чем Екатерина писала Дидро⁴⁷, уничтожать следы своих преступлений. Случай с поручиком Нестеровым, который пытался скрыть тело убитого им крестьянина, был далеко не единственным. В 1782 г. новгородский и тверской генерал-губернатор граф Яков Брюс докладывал Сенату о следующем проис-

шествии в селе Валухине Ваксаловской волости. Некий поручик Савин, которому староста прямо в дом доставил из бегов женку Марфу Самсонову, позвал к себе в горницу своих людей Матвея Яковлева, Ивана Иванова, Никиту Федосеева и Ксенофонта Григорьева с кнутами. Женку вывели на крыльцо, раздели донага, высекли немилосердно, а потом оттащили в людскую избу и положили на лавку. Вскоре она умерла, а ближе к ночи тело исчезло. Однако дворовый человек Ульян Максимов не смолчал и рассказал крестьянам, что он вместе со старостой по приказу барина отнес мертвое тело в поварню, а потом зарыл в землю под мостом. На следующий день те же самые мужики, которые избивали Марфу Самсонову, отправились к дворянскому заседателю прапорщику Николаю Никонову и все ему рассказали⁴⁸. Тело эксгумировали, убийство было раскрыто, и поручика Савина предали суду⁴⁹. К сожалению, в этом деле не приводится собственно текст доклада графа Брюса, но искренне и эмоционально написанный рапорт тамбовского и рязанского генерал-губернатора М.Ф. Каменского по поводу сходного преступления сохранился.

В деревне Никитиной Кадомской округи прапорщица княгиня Матрёна Тугушева жестоко наказала дворовую девку Матрёну Харитонову за побег, и та после побоев умерла. Осознав содеянное, прапорщица бросилась за помощью к матери Анне Лопатиной и та направила своего дворового человека Григория Петрова, приказав ему тело расчленив, уложить останки в сундук, а сундук зарыть. Но крепостные Тугушевой Фёкла Иванова, Степанида Кондратьева и Василиса Епифанова решили зверства барыни не покрывать и сообщили об убийстве. Каменский назвал преступление Тугушевой «смертоубийством, сопряженным с варварством», и потребовал оставить дворового человека безо всякого наказания, «потому что он исполнял волю помещицы своей, а по нынешнему положению слуг, противу господ их ни один слуга отказать не осмелится». Доносительниц же необходимо было, по мнению генерал-губернатора, «освободить от рабства, приказав им избрать какой род жизни сами пожелают, для ободрения в таковых несчастных случаях (от которых, Боже, впредь сохрани все общество!) слуг к признанию перед судом»⁵⁰.

Таким образом, в России второй половины XVIII в. для детального выяснения обстоятельств гибели крестьян по вине помещиков создавались специальные следственные комиссии, а в случае необходимости вызывались патологоанатомы и проводилась эксгумация тел. Вводя неотвратимость одинаковой меры наказания дворянина за любое убийство, власть сама невольно задавала внесловный стандарт отношения к человеческой жизни. Ни в одном экстракте не встречалось даже намёка на возможность смягчения приговора лишь на том основании, что убитый был крепостным крестьянином. Напротив, заключительная сентенция как правило предполагала «наказание покаянием» и приобретала иногда пафосную, почти проповедническую стилистику: «дабы кровь убитого отмстить и не оставалась она без возмездия»⁵¹.

«Наказание купно и сверх церковным покаянием» во второй половине правления Екатерины II стало распространенной практикой с отработанной процедурой. В частности, по делам дворян решение принимал земский суд, уголовная палата, юстиц-коллегия, Сенат или

сама императрица, во власти которых находился и выбор формы духовного взыскания. «Светские команды» передавали преступника с указанием обстоятельств дела в духовное правление, обычно в местную консисторию, и уже оттуда он направлялся либо в свой дом на поруки духовнику в приходскую церковь⁵², либо в монастырь при открытой подорожной с определением пропитания и надежного присмотра.

Русские монастыри издавна служили не только способом уединения от мирской суеты, но и местом заключения. Крупным хозяйствам с большими угодьями, жестким внутренним распорядком и наглухо замкнутым пространством за высокими стенами не так сложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. После секуляризации церковных земель в 1764 г., а также передачи в ведение Коллегии экономии двух миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»⁵³ прибывающих на покаяние колодников превратилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. А если еще учесть негласный мораторий на смертную казнь, исключая особые, уже упомянутые случаи и практическое введение обязательного духовного наказания за «смертные преступления»⁵⁴, то станет ясно, почему из монастырей, епархий, консисторий и, наконец, из Синода шли рапорты с просьбами об облегчении бремени в Сенат и на имя императрицы⁵⁵.

Вердикт для священнослужителей был неутешительным. По поводу охраны убийц и грабителей приказано было обходиться собственными силами, тем более, что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»⁵⁶. Кстати, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния.

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». Однако после 1764 г. обнищавшие монастыри постоянно сетовали на отсутствие средств для содержания колодников, несмотря на то, что теперь деньги на них должна была выделять Коллегия экономии. В конце концов, в 1770 г. был достигнут компромисс — обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» Коллегия выделяла по 2 коп. в день⁵⁷.

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и в Экономическую коллегию, а затем и в Сенат из епархий должны были поступать сведения — когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег, и как идет духовное исправление⁵⁸.

В зависимости от тяжести содеянного преступник мог обрекаться на неисходное пребывание в обители «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»⁵⁹, а мог проживать вместе с братией и искупать свою вину в трудах и аскезе. Такие осужденные рубили

дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую так называемую «черную монастырскую работу». Наиболее изматывающими считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые исполнялись иногда в «жезлах», требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 час. в сутки ⁶⁰.

Примечательно, что подобное содержание осужденных мирян, совершивших уголовные преступления, преобладало во время правления Елизаветы, когда в приговорах к ссылке в святую обитель о «наказании покаянием» вообще, как правило, не упоминалось ⁶¹. Разумеется, арестанты обязаны были посещать вечерние песнопения, но в целом кара за «смертные злодеяния» в монастыре более походила на каторгу или тюрьму, под которую и приспособлялись обители. Внутренний иноческий потенциал православных монастырей оставался нереализованным, наказание касалось, прежде всего, умерщвления плоти, а не возрождения духа, и быстро заканчивалось могильной ямой без креста и плиты с именем ⁶².

Во время правления Екатерины монастырское покаяние предполагало не только тяжкую работу и аскезу, но и целый ряд религиозных практик, направленных на то, чтобы осужденный «преступление свое восчувствовал сердечно и совершенно исправился». Приговоры, инструкции по содержанию колодников, а также рапорты настоятелей обнаруживают, что во второй половине XVIII в. основой покаянной дисциплины являлись земные поклоны от 30 до 500 во время каждой утрени, вечерни и на литургиях с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также чтение псалмов, «не спешно, но с благоговением» ⁶³. В случае использования монастыря исключительно в качестве тюрьмы приказывалось осужденных колодников «никуда кроме церкви не выпускать». Если же в обитель доставлялись арестанты, приговоренные к полной изоляции, то к ним в казематы мог входить только настоятель и духовник для исповеди. Для увещевания и наставничества выбирался «старец добрый и крепкожительный», которому и предстояло добиться раскаяния и очищения совести преступника ⁶⁴.

Епархиальные архиереи должны были для принятия верного решения иметь все сведения об осужденном и обстоятельствах дела, чтобы наложенное покаяние привело в итоге к «духовному врачеванию» преступника. Однако нередко служителям церкви и в монастырях, и в приходах не хватало гибкости и тонкого «восчувствования», которое можно было бы ожидать от духовных лиц. Светским властям приходилось регулярно напоминать о необходимости проявлять «осторожность» с кающимися преступниками, причем некоторые распоряжения обнаруживали более глубокое, чем у приходских и монастырских наставников, понимание человеческой природы. Так в указе «о подтверждении священникам, чтобы они, при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительнее», было выделено несколько психологических типов находящихся на покаянии. Одни «жестокосердны» и не способны ни к какому раскаянию, другие — внутренне холодны и равнодушны, третьи — склонны к отчаянию, но есть и такие, которые «при признании приносят о грехах сокрушение». Наблюдающим в монастырях за колодниками и духовникам в

приходских церквях, контролирующим исполнение епитимьи, полагалось «размерять милость» и, видя искренние чувства преступника, сокращать сроки церковного наказания.

Церковники обязаны были контролировать, чтобы колодники исповедовались, по крайней мере, один раз в год и не уклонялись от молитвы во время трех главных постов, праздников и воскресных дней. При этом духовным лицам полагалось не только заботиться об «умилении и сердечном сокрушении» преступников, но и выступать в роли статистиков, направляющих в экспедицию Сената ведомости о числе раскаявшихся колодников, а также о месте и дате их последней исповеди до совершения злодеяния и ареста⁶⁵.

Проблема смертной казни и наказаний за убийство в любом обществе выходит за рамки вопросов юриспруденции и наполняется мировоззренческим, философским и даже экзистенциальным смыслом. Для России XVIII в. данная тема скрывает в себе большой исследовательский потенциал и затрагивает очень глубокие пласты истории русского и даже древнерусского права, общественного сознания, религиозного чувства, отношений «священства» и «царства»⁶⁶. Так, в эпоху Просвещения, регулярности и секуляризации обнаруживаются проросшие сквозь толщу столетий традиции церковного законодательства и религиозного мышления.

Набожность могла полностью определять мотивацию личности в критические моменты жизни, а если этой личностью оказывалась правительница самодержавной империи, то кардинальным образом изменять содержание государственной политики. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, повлияли на решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Движимая, прежде всего, собственным пониманием христианского учения, императрица ввела негласный мораторий на смертную казнь.

Очевидно, что великая княгиня Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»⁶⁷ почитала не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

С другой стороны, авторитет закона Божьего и институт церкви по-прежнему оставались важными элементами социального контроля со стороны государства, хотя сфера действия религиозного права стремительно сокращалась. Наказание покаянием мирянам за преступления, не направленные против веры и нравственности в сфере семейных отношений, выносились без участия клира, а сами священнослужители допускались лишь до весьма обременительного для них обеспечения исполнения приговоров. Настоятели монастырей обязаны были действовать, прежде всего, в соответствии с грамотами «светских команд», которые находились при доставляемом в обитель арестанте и предписывали порядок его содержания.

Явно наметившаяся в годы правления Екатерины тенденция к использованию государством религиозных практик для нравственно-

го исправления преступников проявилась в «разумном отношении» к правилам Вселенских соборов и новом взгляде на лишения причастия. Оказалось, что запрет приобщения святых таин признан был недейственным ввиду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви, с одной стороны, и немалого числа тайных раскольников, с другой: лишение причастия святых таин «древле была во врачество, яко показующая грехов мерзость; ныне же не токмо не страшна многим, но и желаема ленивым стала, тайным же раскольникам и весьма любима»⁶⁸. Как справедливо писала И. Мадариага: «В религии [Екатерина] видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности»⁶⁹.

Несмотря на то, что в самодержавной России, как водится, каждый правитель открывает новую эпоху, привлеченный к работе материал позволяет проследить некоторые общие тенденции социо-культурной и политической эволюции общества и власти. На протяжении XVIII в. происходила постепенная смена набора главных добродетелей монарха: от жесткого воспитания в подданных «потомственного страха», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов⁷⁰, до милосердия к осужденным. В отличие от Петра I и Елизавета, и Екатерина так или иначе пытались дистанцироваться от принятия решений о смертной казни и уж тем более от эшафота и самой экзекуции. Претерпевали изменение и каналы воздействия власти на сознание общества, в частности, такой важнейший механизм социального контроля, как официальный политический язык. Общий контекст употребления понятия «смертная казнь» трансформировался от лаконичных указов о заслуженном наказании осужденного через сдержанное забвение периода негласного моратория к развернутой аргументации, подкрепленной авторитетом Священного писания, или же к прославлению милосердия императрицы в торжественных манифестах об амнистии и помиловании.

На первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что во время просвещенного правления Екатерины II процесс секуляризации совпадал со все более активным использованием церковных практик для наказания мирян за тяжкие уголовные деяния по решению светского суда. Многозначность термина «покаяние», так или иначе отождествляемого и с исповедью, и с епитимьей, становилась в данный период особенно заметной. Действуя в «улыбательном» духе, как это было присуще императрице, власть практически через голову духовенства начала использовать силу воздействия религиозного учения для улучшения нравов подданных. Узурпация права на суд Божий опять-таки определялась родовыми особенностями русской государственности. С одной стороны, процесс сакрализации власти не мог не влиять на самосознание любого монарха. С другой стороны, воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Но важнейшим назидательным примером императрицы в данном случае стал опыт воспитания нравственности на основе вечных истин Священного писания без клерикализации общества.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-ое. СПб. 1830. (ПСЗ) , т. I, № 1, гл. XX, ст. 80, с. 130, 29.I.1649; № 412, с. 699, 17.VI.1667; т. III, № 1612, с. 418, 422, 26.XII.1697.
2. Там же, т. I, № 1, гл. XIV, ст. 10, с. 72—73, 29.I.1649.
3. Там же, гл. XX, ст. 67, с. 128, 29.I.1649.
4. Там же, т. III, № 1612, с. 416—417, 26.XI.1697.
5. Там же, т. I, № 431, ст. 89, с. 794, 22.I.1669.
6. Там же, т. III, № 1612, с. 417, 26.XII.1697; ЛАВРОВ А.С. Колдовство и религия в России: 1700—1740 гг. М. 2000, с. 158—159 и др.
7. ПСЗ, т. I, № 503, с. 862—867, 15.I.1671. Особое Божье знамение и милосердие иерархи увидели в том факте, что «вор и злодей» был проклят 12 марта 1671 г., а 14 апреля схвачен на Дону и закован в железо.
8. «Желание светской власти, — пишет Е.Б. Смилянская, — с одной стороны, подчинить “духовные дела” церковной юрисдикции, а с другой — оставить поле для “законного” вмешательства светских инстанций, не позволило на протяжении всего XVIII в. создать и единого органа, ведающего пресечением “беспорядков” в сфере православной религиозности имперских подданных». СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. «Суеверия» и народная религиозность в России Века Просвещения. — *Canadian-American Slavic Studies*. 2004, vol. 38. Spring-Summer, p. 51. См. также: ЛАВРОВ А.С. Ук. соч., с. 347—393.
9. ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 650—652, 12.VI.1722.
10. «Когда кто велит для своего интереса или суетной ради славы огласить священником какое чудо притворно и хитро через кликуш..., [тому] наказание и вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей». ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 652, 12.IV.1722.
11. ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 650—652, 12.IV.1722.
12. См.: письмо Петра I в Сенат. 1717, апрель. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 11. 1873, с. 348.
13. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 320—321, 379, и др., 10.I.1716. Петровское законодательство проявляет здесь удивительный рецидив «средневекового сознания» — за чародейством можно было и угодить на костер, «если имел обязательства с дьяволом», и отделаться заключением в железо и покаянием, если какие-либо контакты с врагом человеческим отсутствовали. RYAN W.F. The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? — *The Slavonic and East European Review*. 1998, vol. 76, № 1, January, p. 64—65.
14. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 322, 366—368, 373, 379 и др., 10.I.1716. Многие положения «Воинского устава» почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава. ПСЗ, т. VI, № 3485, с. 49—50, 78 и др., 13.I.1720.
15. Там же, т. V, № 3006, с. 322, 10.I.1716.
16. Подобное перераспределение полномочий можно связать не только с усилением императорской власти и ее сакрализацией, но и с предшествующим периодом в истории русской православной церкви. Как пишет Е.В. Белякова, «отмена Собором 1666—1667 гг. постановлений Стоглава сделала очевидным кризис русского церковного права; дальнейшее его развитие... было во многом обусловлено борьбой с расколом, одним из последствий которой явилось уничтожение покаянной дисциплины. БЕЛЯКОВА Е.В. Судьба сборников церковных канонов на Руси. — *Исторический вестник*. М.-Воронеж. 2000, № 1 (5), с. 33—39.
17. ПСЗ, т. IX, № 6534, с. 254—256, 17.I.1734.
18. По всей видимости, стоит признать правоту публициста XVIII столетия князя Михаила Щербатова, который, описывая события дворцового переворота 1741 г., упомянул о молитве императрицы и клятве не лишать ни одного подданного жизни: «Она при шестивии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое поведением ее никто смертной казни предан не будет». «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М. 1984, с. 55.
19. Так в 1746 г. из Ревельской губернской канцелярии поступила просьба не уничтожать «древние справедливости» местных ландратов и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации ввиду увеличи-

- вающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее. ПСЗ, т. XII, № 9312, с. 583—584, 5.VIII.1746. См. также: АНИСИМОВ Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб. 2004, с. 256.
20. Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули несколько аргументов против моратория. Во-первых, они полагали, что число оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Вторых, поданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска — к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 1—4, 5об., 10—10об.; д. 1023, л. 14—16об.; Сенатский архив. Т. 5. СПб. 1892, с. 651; Т. 6. СПб. 1893, с. 62, 642.
 21. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева, с. 55.
 22. ПСЗ, т. XII, № 8944, с. 114, 7.V.1744.
 23. Характерно, что Мишель Фуко, основывающий свою знаменитую книгу исключительно на западноевропейском материале, большое внимание уделяет постепенному исчезновению публичных казней с применением пыток и отказу от «театрализации страдания» к 30-м гг. XIX века. В этом контексте исключительный политический опыт России XVIII столетия мог бы весьма обогатить выводы французского ученого об эволюции отношения власти к «пытаемому телу», «манипулируемой душе» и «муштруемому телу». ФУКО М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. 2015, с. 42—86 и др. Об отношении толпы к смертной казни см.: АНИСИМОВ Е.В. Народ эшафота. — Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997, с. 52—70.
 24. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб. 1907, с. 62.
 25. В соответствие с «Жалованной грамотой» 1785 г., кнут и плеть не могли «коснуться благородного». ПСЗ, т. XXII, № 16 187, с. 347, 21.IV.1785.
 26. См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 712—716.
 27. Оставивший воспоминания об этих годах писатель XVIII в. А.Т. Болотов стал свидетелем того, что «бесчисленное множество корыстолюбивых дворян» не упустили такого шанса: «Повсюду началось воздвигание огромных винных заводов». Последствия повсеместной дешевой продажи вина имели «плачевное влияние на нравственное состояние народа, особливо деревенских жителей», — констатировал мемуарист. БОЛОТОВ А.Т. Современник или записки для потомства. СПб. 1891, с. 21, 30—31. См. также: указ «о позволении помещикам курить вино как для домового расхода, так и для поставки в подряды». ПСЗ, т. XIII, № 9813, с. 367—368, 30.X.1750; устав о вине: правило винокурения частных заводов. ПСЗ, т. XXI, № 15 231, с. 258, 17.XI.1781 и др.; а также: МИЛОВ Л.В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2006, с. 346—348.
 28. ПСЗ, т. XIV, № 10 306, с. 235—236, 30.IX.1754. Разумеется, в русском языке второй половины XVIII в. смысл слова «вор» был намного шире, чем определение группы господ, которые присваивают себе во время званого обеда столовое серебро или играют меченой колодой карт.
 29. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 4, л. 50об.—51; д. 5, л. 51об.; ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 431; д. 5159, л. 199—199об.; ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VII.1780 и др.
 30. В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.
 31. Об уникальном факте публичного покаяния в России XVIII в. см.: CHRISIDIS N.A. Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great. In: Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, Jn. 2011, p. 107—125.
 32. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 1—10. В ходе работы был проведен сплошной просмотр выявленных в архивных фондах резолюций Екатерины на докладах Сената. Из нескольких тысяч резолюций или так называемых конфирмаций было выделено более 500 высочайших решений, касающихся тяжких уголовных преступлений преимущественно представителей дворянского сосло-

- вия. Большинство экстрактов следственных дел по этим преступлениям было также привлечено к исследованию. Резолюции императрицы, приходящиеся на вторую половину ее правления, после восстания Пугачёва и начала осуществления губернской реформы (1776—1795 гг.), представляют собой компактное собрание, находящееся в Фонде 10 «Кабинет Екатерины II». Резолюции на докладах Сената, относящихся к периоду 1762—1775 гг., рассредоточены в материалах Фонда 248 «Сенат и его учреждения». См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; оп. 62, д. 5172, 5278, 5303; оп. 113, д. 374, и т.д.
33. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 14, 1762, д. 169, л. 1—9.
 34. См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; оп. 62, д. 5172, 5278, 5303; оп. 113, д. 374 и т.д.
 35. В данном контексте любопытно наблюдение Клайса Шарфа о подспудном сохранении в сознании императрицы лютеранской традиции покаяния и искупления, которое иногда проявлялось на уровне речевых оборотов в полемических текстах. ШАРФ К. Екатерина II, Германия и немцы. М. 2015, с. 100.
 36. В обстоятельной обобщающей работе Джона Ледонна есть отдельный параграф «Punishments», в котором автор пишет о традиционном влиянии на русскую судебную систему предписаний православной морали LEDONNE J.P. *Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796*. Princeton, NJ. 1984, p. 184—201. Однако остается вопрос, почему именно во второй половине XVIII в., в условиях сужения сферы юрисдикции церкви государство активизирует использование церковных практик для наказания мирян.
 37. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 3, л. 17, 18, 25, 37об. и др.; ф. 248, оп. 62, кн. 5269—5439, л. 79—80, 137 и др.
 38. «А [если] с пытки убийца станет говорить, что убил в драке или пьяным делом..., сажати в тюрьму до государева указа, а смертью не казнить». ПСЗ, т. I, № 1, с. 148, 29.I.1649; № 431, с. 792—793, 22.I.1669.
 39. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 333, 30.III.1716; т. VI, № 3485, с. 65, 13.I.1720.
 40. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5278, л. 429—434.
 41. Там же, ф. 10, оп. 3, д. 5, л. 55об.—57; д. 6, л. 41об.—42, 46, 51; д. 7, л. 37об.—38; д. 8, л. 78 и др.
 42. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 23—24. М. 1965, с. 126—127. Кн. XV. Т. 29. М. 1966, с. 113—116.
 43. ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VI.1780; РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5195, л. 75—91об. и др. Разумеется, в поликонфессиональной России понятие «суд Божий» являлось обобщенным символом, выступало в роли высшей нравственной инстанции и предполагало за целый ряд злодеяний жестокое порицание и по Евангелие, и по Корану. Так, в 1781 г. малолетнему сыну ясашого тяглеца Кинцыбаю за неумышленное убийство семилетней Ниямбиги полагались розги и «вразумление через абыза, сколь велико содеянное им злодеяние». РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5159, л. 12—12об., 310—310об.
 44. Правда, возможности раскрытия подобных преступлений были ограничены, и главным источником, по всей видимости, оставались доносы самих крепостных, на которые им было небезопасно решиться.
 45. ГОГОЛЬ Н.В. Шинель. М. 1948, с. 481.
 46. ПСЗ, т. XV, № 11 450, с. 923, 25.II.1762.
 47. «Каждый хозяин, — резонно полагала императрица, — обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей коровой бережно». Цит. по: ДИДРО Д. Собр. соч. Т. X. М. 1947, с. 363.
 48. Материалы следственных дел показывают, что крестьяне довольно часто доносили на убийц-помещиков. В данных обстоятельствах указ 1767 г., по которому людям, отважившимся подавать челобитные на своих господ, грозило наказание кнутом или ссылка на Нерчинские рудники, терял свою юридическую силу. ПСЗ, т. XVIII, № 12 966, с. 336, 22.VIII.1767.
 49. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5278, л. 626—643об.
 50. Там же, оп. 61, д. 5195, л. 292—293.
 51. ПСЗ, т. XX, № 15 032, 9.VII.1780 и др.
 52. О положении приходского духовенства в иерархической структуре православной церкви, так или иначе включенной в бюрократический аппарат империи, см.:

- FREEZ L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge. 1977, p. 13—45.
53. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. СПб. 1910, № 327, с. 379, 6.XI.1766.
 54. Может быть, именно поэтому правительство безболезненно сделало широкий жест и постановило, что монастыри не обязаны принимать колодников, не осужденных на церковное покаяние. РГАДА, ф.1183, оп. 1, ч. 20, 1774 г., д. 537, л. 3.
 55. Там же, л. 2—3; ПСЗ, т. XIX, № 13 500, с. 119, 23.VIII.1770; т. XX, № 14 597, с. 512, 11.III.1777 и др.
 56. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. I, № 71, с. 61—63, 15.XI.1762.
 57. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 17, 1770 г., д. 223, л. 5—5об.; ПСЗ, т. XVI, № 12 060, с. 565, 26.II.1764; т. XIX, № 13 508, с. 151, 9.IX.1770. Для сравнения, в 1787 г. князю Д.К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 коп. в день из его собственных средств. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5271, л. 497—506об.
 58. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. I, № 71, с. 61—63, 15.XI.1762; ПСЗ, т. XX, № 14 597, с. 512, 11.III.1777.
 59. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 14, 1762 г., д. 136, л. 5.
 60. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. L. Пг. 1914, ч. 1, ст. 80; РОЗАНОВ Н.П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721—1821). Ч. 3. Кн. 1. М. 1870, с. 73; КОЛЧИН М.А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. Исторический очерк. В кн. Русская старина. Т. 56. 1887, с. 60—63.
 61. Ср., например, ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре колодниках с указанием их преступлений и назначенного наказания за 1742—1786 гг. КОЛЧИН М.А. Ук. соч., с. 591—613.
 62. См., например, описание сада, примыкающего к знаменитому Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале, который в действительности являлся безымянным арестантским кладбищем: ПРУГАВИН А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о веротерпимости). М. 1905, с. 17.
 63. РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 203, л. 1—1об.; РОЗАНОВ Н.П. Ук. соч., с. 73—74; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, ст. 78.
 64. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, ст. 78; КОЛЧИН М.А. Ук. соч., с. 61.
 65. ПСЗ, т. XVI, № 12 227, с. 889—890, 16.VIII.1764; т. XVII, № 12 312, с. 10—11, 17.I.1765; т. XVIII, № 12 919, с. 153, 21.VI.1767; т. XX, № 14 579, с. 498—499, 11.II.1777; РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 712—712об.; д. 5195, л. 7591об.; л. 348—350об.; ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VII.1780 и др.
 66. Эволюция восприятия юридических норм в русском обществе детально рассмотрена в работах В.М. Живова. Тезисно концепция автора сводится к следующему: с момента принятия христианства в России существуют два права — церковнославянское, базирующееся на переводных византийских источниках, и русское, тесно связанное с обычаем и язычеством. С середины XVII в. законодательная деятельность получает культурный статус, теряет сугубо прагматическое значение и становится одним из инструментов культурных преобразований. См., например: ЖИВОВ В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема. В кн.: Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. 2002, с. 187—305.
 67. Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765. Сб. РИО, 1872, т. 10, с. 29—31.
 68. ПСЗ, т. XX, № 14 996, с. 926—927, 21.III.1780; № 15 029, с. 954—955, 2.VII.1780 и др.
 69. МАДАРИАГА И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002, с. 801.
 70. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19—20. М. 1964, с. 608.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

ББК X819(2)112.038г/УДК 351.746.1(47:581)(091)

Охрана, разведка и обеспечение жизнедеятельности на российско-афганской границе (1900—1918 гг.)

С.Б. Панин

Аннотация. В работе анализируются состояние российско-афганской границы в 1900—1917 гг., организация, формы и уровни ее охраны с обеих сторон. Особое внимание уделено характеристике деятельности двух российских пограничных бригад на афганской границе — Закаспийской и Амударьинской, а также роли Памирского пограничного отряда в изучаемый период. В статье анализируется влияние и роль Бухарского эмирата в вопросах пограничной торговли, развития здесь контрабанды. Также дана характеристика руководства пограничными войсками со стороны Министерства финансов, его планов переустройства и переоборудования границы, задач усиления маневренности, оперативности пограничных отрядов накануне и в годы первой мировой войны. Освещаются также вопросы разведки, которая осуществлялась на афганской границе с обеих сторон.

Ключевые слова: Афганистан, Бухара, граница, губернатор, Закаспийская и Амударьинская бригады, Кабул, Министерство финансов.

Abstract. In this work is analyzed the state and development of the Russian-Afghan border in 1900—1917, its organization forms and levels of the guard on both sides. Particular attention is paid to the characterization of the activities of the two Russian brigades on the Afghan border — the Zakaspiiskaja (Trans-Caspian) and Amudariinskaja (Amu-Daryan) brigades, as well as the role of the Pamir Military detachment during that period. The article analyzes the influence and role of the Bukhara Emirate in the border trade issues and also the development of smuggling. It is given the characteristic of the leadership of the border troops by the Russian Ministry of Finance, its plans for reorganization and re-equipment of the border, the tasks of maneuverability and efficiency of the frontier troops on the eve and during the First World War. It is considered also the questions of the intelligence on the afghan border.

Key words: Afghanistan, Bukhara, border, governor, Trans-Caspian and Amu-Daryan brigades, Ministry of Finance.

Границу с Афганистаном русские формировали в ходе сложных переговоров с британцами, представлявшими афганскую сторону. Начало процессу положило англо-российское соглашение 1873 г., принявшее

Панин Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. E-mail: psb04@mail.ru.

Panin Sergey B. — doctor of historical sciences, professor of the Irkutsk State University. E-mail: psb04@mail.ru.

реку Амударью (в верхнем течении — Пяндж) за северную границу Афганистана. При этом само течение реки с многочисленными островами долгие годы считалось владениями Бухарского эмирата, находившегося с 1868 г. в вассальной зависимости от России. Затем 22 июля 1887 г. был подписан протокол, установивший сухопутную границу от реки Герируд (в российских пределах — Теджен) до кишлака Босага на Амударье, в результате чего оформилась Закаспийская область Туркестанского генерал-губернаторства (ныне — территория Туркменистана). Заключительным этапом стало так называемое «памирское разграничение» 1894—1895 гг. от озера Зоркуль (Виктория) до китайских владений. Этот участок границы протянулся на восток от слияния рек Памира и Вахандарьи, образующих Пяндж, и также относился к территории туркестанского генерал-губернаторства (ныне — Республика Таджикистан). Соседствуя с Бухарой, он составил Ферганскую область, выросшую в свою очередь из территории бывшего Кокандского ханства, разгромленного русскими в ходе военной экспедиции 1875—1876 годов ¹. Бухарский эмират оказался зажат между Закаспийской и Ферганской туркестанскими областями, гранича по реке с Афганистаном. Однако граница, став к началу XX в. межгосударственной, представляла собой, образно говоря, лоскутное одеяло, состоявшее из сегментов, официально принадлежавших Афганистану, России и Бухаре.

Российские дипломаты выступали не просто посредниками между Бухарой и Афганистаном, а формировали южную границу империи, охрана которой в полной мере легла на плечи российских военных. Уже скоро вдоль границы потянулись поселки с русским населением, а с середины 90-х гг. XIX в. начали действовать российские таможни и посты пограничной стражи.

Англичане также были заинтересованы в установлении северной афганской границы, воспринимая ее как важнейший кордон на пути возможного русского продвижения в Индию. Эти опасения определили их стремление создать прочную и максимально надежную границу, о которой сами афганские эмиры долгое время имели весьма туманные представления. Характерен отклик эмира Абдурахман-хана (1880—1901) на письмо вице-короля Индии после знакомства с условиями англо-русского соглашения, разделившего бухарские и афганские владения по Амударье: «Андхой составляет крайнее пограничное владение Афганистана на северо-западе... Я читал и был в высшей степени обрадован многочисленными милостями, оказанными мне английским правительством... Я понял, где мои северные границы» ².

Охрану рубежей в Закаспийской области и на территории Бухарского эмирата в начале XX в. осуществляли посты Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), а также гарнизоны военного ведомства, наиболее крупные из которых были расположены в Термезе, Кушке и на Памире. Пограничники ОКПС ³ подчинялись не Военному министерству, а Министерству финансов ⁴, поэтому их начальником, как тогда говорили — «Шефом», являлся глава данного ведомства ⁵, а командиром в 1908—1917 гг. был генерал-лейтенант Николай Аполлонович Пыхачёв (1851—1932) ⁶. Граница с Афганистаном относилась к ведению 7-го округа ОКПС (сформирован 7 мая 1899 г.), который возглавлял генерал-лейтенант Владислав Андрее-

вич Нарбут (1856—?). Штаб округа находился в Ташкенте ⁷ и осуществлял руководство двумя бригадами — 30-й Закаспийской и 31-й Амударьинской.

30-ая Закаспийская бригада ⁸ в основном охраняла российскую границу с Персией, но ее пятый отдел со штабом в кушкинской крепости действовал на сухопутной афганской границе. Накануне первой мировой войны этот отдел состоял из пуль-и-хатумского, акрабадского, кушкинского, караулханинского и карачепского военных отрядов, которые разделялись по постам: Пуль-и-Хатум, Акар-Чешме, Чакмаклы-Чанга, Ак-Рабад, Ислим-Чешме, Кушка, Кара-Тепе, Карачёп, Берды-Клыч, Тарашек, Чильдухтер ⁹, Караул-Хана, Магомет-Джамбай (Магомет-Джума?), Меручак ¹⁰.

Отряды 31-й Амударьинской бригады, штаб которой находился в бухарском селении Паттагисар (Новый Термез), в основном несли службу по речной границе с Афганистаном. Накануне мировой войны в 1912—1914 гг. бригада подразделялась на четыре отдела, 15 отрядов с 51 постом (всего 1035 чел.) ¹¹, располагавшихся в важных бухарских пунктах. Так, в Керки разместился штаб 1-го отдела, объединивший сунжа-текинский, зеидский, келифский и босагинский отряды. В Паттагисаре, кроме штаба самой бригады, находился командный пункт 2-го отдела, руководивший чушкагузарским, паттагисарским, хатынрабатским и айваджским ¹² отрядами. Из Сарай-Комара осуществлялось руководство пянджским, сарайским, пархарским и чубекским отрядами, а из кишлака Иол, штаба 4-го отдела, — богоракским (Богорак) ¹³, сарыгарским (Сарыгар) и хирмонджайским (Хирмонджай) отрядами. Основными постами бригады были Керки, Тезекли, Ташлык, Тепели, Керли, Зеид, Донгуз Сырт, Али Кадым, Кизыл-аяк, Хатаб, Босага ¹⁴, Ак-Кум, Карнас, Ходжа Салар, Яка-Патта, Келиф, Салты-Арык, Кую-Каракамор, Болдыр, Чушка-Гузар, Сасы-Куль, Шуроб (Шураб), Маймун-Тугай, Паттагисар, Айратон, Орлиный, Хатын-Рабад, Овражный, Аджиргам, Айвадж, Хошма, Тахта-Куват, Вахш, Ак-Тепе, Нижне-Пянджский, Пянджский, Караул-Тюбе, Файзабад, Сарай, Ак-Джар, Ходжа, Кокуль, Кизыл-Су, Пархар, Саят, Чубек, Богорак, Сафетках, Сарыгар (или Сари-гор?), Парвар, Иол, Дивдар-Боле, Хирмонджау, Шаугон ¹⁵.

В ведении Министерства финансов наряду с пограничными войсками также находились таможенные учреждения, вследствие чего на всех границах России, в том числе на афганской, не сложилось четкого разделения задач и функций таможни и погранзаставы, и они нередко функционировали в тесной связке. Российская охрана на афганской границе была включена во все торгово-экономические вопросы региона, которые без ее участия здесь не решались.

На протяженной границе с Афганистаном (2346 км) функционировали лишь 11 таможенных учреждений, через которые проходили пошлинные и беспошлинные товары и куда с постов в сопровождении пограничной стражи прибывали купцы. Статус таможни ¹⁶ имели Керкинская, Келифская, Паттагисарская, Айваджская, Кушкинская и Пендинская ¹⁷. Таможенными заставами, как учреждениями более низкого уровня, считались Сарайская, Чубекская и Босагинская, а переходными пунктами — Чушка-гузарский и Богоракский. При этом только два таможенных учреждения — Келифская таможня и Бого-

ракский переходный пункт — находились в местах непосредственных переправ из Афганистана. До остальных таможенных пунктов купцам приходилось добираться разными путями, так как они располагались на удалении от пограничной линии¹⁸: Чубекская — 2—6 верст, Сарайская — 1—4 версты, Айваджская — 3—5 верст, Паттагисарская — до 3 верст, Чушкагузарский переходный пункт — 3—5 верст, Керкинская — 24—60 верст, Пендинская — 18 верст, Кушкинская — 4 версты¹⁹. Власти никак не могли заставить таможенных чиновников жить и работать на самой границе, из-за чего пограничникам приходилось постоянно сопровождать купцов до таможни. Правда, часть пограничных постов на сухопутном участке бухарской линии в тот период также находилась на удалении, и их перемещение на саму пограничную черту растянулось и не было завершено к 1917 году.

Привоз пошлинных и беспошлинных товаров из Афганистана на территорию Бухары осуществлялся через пограничные посты, которые были связаны с соответствующими таможнями и обеспечивали сопровождение туда купцов с товарами. Так, Керкинская таможня обслуживалась пограничными постами Зеид или Донгуз-Сырт. В Келифскую, Айваджскую, Паттагисарскую таможни, Босагинскую и Чубекскую заставы, Чушкагузарский и Богоракский переходные пункты приезжали купцы, пройдя предварительно соответствующие пограничные посты. Доставка товаров и купцов в Сарайскую таможенную заставу осуществлялась чинами Кокульского поста²⁰.

Если содержание Амударьинской бригады ОКПС могло обходиться российской казне в 640 тыс. руб. в год, то затраты на обслуживание всех таможенных пунктов на афганской границе, по мнению Е.П. Ковалёва, должны были ежегодно составлять не менее 100 тыс. рублей²¹. При этом на базарах в Туркестане и особенно в Бухаре время от времени распространялись провокационные и ложные слухи о том, что податями населения оплачивается содержание русских войск (в том числе пограничных отрядов) и таможен в Бухарском эмирате²². Представители царской администрации в Бухаре и туркестанские власти прекрасно знали, что это не соответствовало действительности — Россия, наоборот, создала возможности для постоянного увеличения доходов эмира, сделав его за короткое время одним из самых богатых людей Востока, а русские военные отряды, покупая продукцию у населения, решали его важнейшие экономические задачи, но долгое время смотрели «сквозь пальцы» на такие сообщения. Тем не менее, когда в 1916 г. произошли волнения населения Туркестана, испугав власти и заставив сурово их подавить, и затем в революционном 1917 г. один из главных ударов местного населения был направлен именно против таможенных и пограничных пунктов — многие из них, будучи главными признаками зависимости, вызывая к себе негативное отношение бухарской элиты, были разрушены²³.

В самой восточной части Бухары (Западный Памир²⁴) и на значительном сегменте восточного Памира, как части Ферганской области Туркестана, действовал армейский пограничный отряд «Памирский»²⁵, имевший особый статус в силу закрытости и секретности района, который он обслуживал. В 1892 г. было впервые решено оставить здесь на зиму небольшой отряд. Место для зимовки было выбрано в долине р. Мургаб. Однако после соглашения 1895 г., когда половина

Шугнана и Дарваза были переданы афганцам, для охраны границы, которая здесь прошла по Пянджу, было решено обустроить несколько военных постов на постоянной основе. Их центром в 1896 г. стал новый пост Хорогский, получивший название по небольшому шугнанскому кишлаку в Восточной Бухаре ²⁶. Он разместился несколько выше по течению реки того временного поста, который был оставлен здесь в 1892 году. Однако в 1908 г. выяснилось, что новое расположение поста неудачно — он легко простреливался с террасы, расположенной над ним соседней горы. При руководстве отрядом подполковника Э.К. Кивекэса вновь было решено перенести Хорогский пост на новое место — туда, где в Гунт впадает приток Шохдара ²⁷. Хорогский пост стал штаб-квартирой отряда, объединившего вместе с ним и другие посты — Ишкашимский, Лянгарский и так называемые «восточные» — Памирский и Рангульский. Вместо упоминаемого «Инструкцией» 1902 г. в числе «восточных» Акташского поста ²⁸ к 1907 г. был создан пост Кызыл-Рабатский, расположившийся на левом болотистом берегу долины Аксу, близ устья реки того же названия.

Памирский отряд должен был действовать в стратегически важном и сложном районе, на пересечении российских границ с Афганистаном, Китаем и Бухарой, держа под постоянным контролем подходы к Британской Индии. В силу этих факторов перед отрядом всегда стояла задача разведки и систематического изучения сопредельных территорий. Он справлялся с ней, имея ограниченный по численности личный состав, который практически все годы, за исключением первых, временных отрядов ²⁹, был меньше штатного расписания, и без учета джигитов, нанимаемых из местных, не превышал 200 человек. Так с 1907 г. в течение нескольких предвоенных лет посты отряда включали: Хорогский — 59 чел. с начальником отряда (по штатному расписанию должно было быть 64 чел.), Памирский — 56 чел. (57 чел.), Лянгарский — 21 чел. (20 чел.), Ишкашимский — 25 чел. (22 чел.), Рангульский — 7 чел. (7 чел.) и Кызыл-Рабатский — 17 чел. (16 чел.) Другими словами, по расписанию было 186 чел., в действительности — 185 человек. В условиях начавшейся мировой войны состав отряда изменился незначительно и к началу 1916 г. в соответствии со штатным расписанием составлял: Хорогский пост — 70 чел., Ишкашимский — 22 чел., Лянгарский — 30 чел., Памирский — 48 чел., Кызыл-Рабатский — 16 чел., Рангульский — 7 чел., то есть, в общем, 193 чел. (без учета джигитов) ³⁰. Однако и в этот период штатное расписание не соответствовало действительности: вместо 9 офицеров по штату в июле 1916 г. в отряде было 5 офицеров ³¹. Этим шести российским постам противостояли 14 афганских (данные 1907 г.): Файзабад, Калаи-Барпяндж, Андодж, Ишкашим, Калаи-Пяндж, Сархад, Мунджан, Калаи-Явун, Рустак, Ханабад, Янги-Кала, Нусай, Чай-Об и пост (с неизвестным названием) напротив перевала Дора ³².

Однако узко-боевой и только разведывательный характер задач, стоявших перед отрядом, продержался недолго. «Инструкция начальнику Памирского отряда», подписанная 31 января 1914 г. генерал-губернатором Туркестана А. Самсоновым (1909—1914) закрепила уже сложившееся положение — кроме охраны границы на отряд возлагалась задача обеспечения «спокойствия и безопасности населения Памира и ограждение его от грабежей и насилий» ³³. Хотя часть террито-

рии, которую контролировал отряд, относилась к Бухаре, и это, в том числе в секретных инструкциях, не ставилось российской властью под сомнение, туркестанская администрация настояла на том, чтобы хозяйственно-административное управление районом осуществлял не представитель Бухарского правительства — шугнанский бек, а командир отряда. Подчиняясь по служебным вопросам начальнику штаба туркестанского военного округа, а, следовательно, генерал-губернатору, он в гражданских делах стал отчитываться перед администрацией Ферганской области. Соответственно, офицеры отряда выполняли обязанности участковых приставов³⁴. По свидетельству командира Памирского отряда И.Д. Ягелло (1914—1917), «русское правление» было введено «по просьбе самого населения через особую депутацию к генерал-губернатору» Туркестана. При этом секретные инструкции из Ташкента (1905, 1914 гг.) негласно настаивали на постоянном пребывании шугнанского бека в кишлаке Хорог при руководстве Памирского отряда³⁵.

Решение о передаче административного управления районом отряду было связано с осознаваемой российскими властями спецификой региона, имевшего население, которое сохраняло отличия в культурном плане от остальных жителей эмирата. Не имея своей письменности, используя таджикский язык, оно в религиозных вопросах, в отличие от большинства таджиков-суннитов, исповедовало отвращение к шиизму — исмаилизму³⁶. Однако бухарские власти в первые годы³⁷ намерено не захотели считаться с этими особенностями. В 1901 г. шугнанский бек Ишанкул усилил не только поборы с населения (закат — налог по шариату), но и пытался организовать на Памире суннитско-мусульманские школы, вызвав протесты исмаилитов и их попытки перебраться в Афганистан³⁸. В условиях, когда на всем Западном Памире в период руководства отрядом А.Е. Снесаревым (1902—1903 гг.) насчитывалось всего 97 кишлаков с населением 14 128 чел. при подавляющем большинстве бедняцких хозяйств, подобные действия бухарских чиновников могли иметь катастрофические последствия не только для населения, но и для пребывания на Памире самого отряда. При этом, если западные посты, будучи дополнительной нагрузкой для местных жителей, ежегодно покупали у них свыше 4 тыс. пудов муки и зерна, в результате чего некоторые группы населения стали богатеть³⁹, то бухарский закат, по свидетельству Снесарева, должен был изымать у бедного населения без какого-либо вознаграждения до 23 тыс. пудов зерна⁴⁰. Это подтолкнуло российские военные власти к отстранению бухарцев от прямого управления районом. Вместе с тем, секретные инструкции о ведущей роли русских военных на данной территории заботились в первую очередь о сохранении условий секретности и изоляции района, что невозможно было обеспечить, если бы здесь по-прежнему хозяйничали бухарцы.

Афганцы в тот период не имели на своей северной границе сооружений и коммуникаций, какие были в Европе или Турции. Некоторое влияние, в основном английского военно-инженерного и фортификационного искусства, сказалось на укреплениях Дейдади, Герата и Кабула, но большинство афганских пограничных «крепостей» представляли собой сооружения типа «кала» — прямоугольных или

квадратных, в основном глинобитных, реже каменных, построек. По углам таких «крепостей» возводились круглые или четырехугольные (иногда многоугольные) башни различного диаметра и высоты с куполообразной или плоской крышей, имевшие узкие окна-бойницы⁴¹. Российские пограничники всегда считали, что любая такая «крепость» «может быть легко обойдена»⁴².

При этом российские поставые укрепления не особо отличались от афганских по своей примитивности. По свидетельству Д.Н. Логофета, будущего генерал-майора (1916 г.), служившего в тот период на афганской границе (Амударьинская бригада) и активно изучавшего регион⁴³, большинство из них, за явным исключением Кушки, располагалось «в обыкновенных, в добавок глинобитных домах, совершенно не могущих быть приспособленными для обороны при нападении»⁴⁴. Такие постройки отчасти объяснялись тем, что русские, подобно англичанам, были намерены держать Афганистан в качестве «непроходимого болота» или, как тогда говорили, «буфера», не только в отношении соперничающей стороны, но и возможных европейских конкурентов. Формально уровень российских поставых укреплений на афганской границе свидетельствовал о стремлении России сохранять здесь сложившийся «status quo», не провоцируя Афганистан развиваться в военном отношении. Одновременно в российском общественном мнении существовало представление о том, что Амударья — это лишь временный барьер, и граница рано или поздно будет отодвинута на юг, к Герату, а потому невольно возникал вопрос, зачем строить основательные укрепления и крепости. Однако после заключения англо-русского соглашения 1907 г. стали высказываться сомнения в правильности такой политики, стало приходиться понимать того, что в случае масштабного конфликта не удастся долго держать Афганистан в изоляции, и при существующей примитивной системе российских пограничных укреплений, по мнению «Туркестанских ведомостей», намекавших на германцев, «европейские войска... могут появиться под их глинобитными стенами на второй день после объявления войны, (и) нам волей-неволей придется думать об укреплении границы и постройке по ней первоклассных бетонного типа крепостей»⁴⁵.

Правитель Афганистана тех лет эмир Хабибулла-хан (1901—1919), обращая особое внимание на армию (регулярные части — низами и резерв — дафтари), а также на войска, расквартированные в столице, пограничными, в основном иррегулярными, частями интересовался мало. При приблизительной цифре афганской армии в 90 тыс. чел., состав иррегулярных войск (ополчение и милиция) характеризовался, по выражению Снесарева, «полной гадательностью» и мог составлять, по скромным подсчетам, 400—500 тыс. чел.⁴⁶, которые должны были выставить в случае войны все племена, населявшие Афганистан.

Тем не менее, вдоль границы с Россией и Бухарой афганцы создали три линии обороны. Первую представляли кордоны пограничной стражи, где службу несли в основном части милиции, вторую — линию сопротивления — гарнизоны Ахчи, Андхоя, Ташкурмана и Рустака и, наконец, третью — главные силы Афганского Туркестана — гарнизоны Маймене, Мазари-Шарифа и Файзабада⁴⁷. Основными афганскими пунктами, где находились воинские части на границе с Рос-

сией и Бухарой, были Герат, Тахтапуль, Ширабад-Кала, Шор-Тепе, Кара-Тепе, Чильдухтер, Калаи-Ноу, Бала-Мургаб, Меручак, Маймене, Андхой, Шибирган, Ахча, Майдан-Дивал, Сягирт, Дейдади, Таш-Курган, Файзабад, Рустак, Ходжа Имам-Саиб, Ханабад; в Бадахшане — Базай-Гумбез, Мунджан, Тупхана, Сафид-Дара, Ясич, Ишкашим, Рабат, Калаи-Пяндж, Сарахад, Калаи-Барпяндж, Джамарч, Калаи-Нусай, Калаи-Куф, Калаи-Хогон, Калаи-Явун, Янги-Кала, Чиамб-Дуж ⁴⁸.

Непосредственная охрана границы была возложена на части первой линии, которые формировались из иррегулярных войск и ополчения (улуси). Последние могли составлять все способные носить оружие мужчины от 17 до 70 лет. В зависимости от значения пункта численность иррегулярных войск и ополчения в мирное время колебалась от одного взвода до двух сотен ⁴⁹. По данным русской разведки, накануне первой мировой войны вдоль границы с Бухарой от Вахана до Паттагисара афганцы имели 46 постов первой линии при общей численности служащих до 600 человек ⁵⁰. Наиболее сильные афганские посты первой линии находились против Босаги, Кундуза, Сарая и Хорога. При этом она была растянута с таким расчетом, чтобы против каждого российского поста находился афганский пост (от 10 до 40 человек). В гарнизонах второй линии располагались примерно по два батальона пехоты и две сотни конницы. Более значительными были гарнизоны третьей линии. Так, в Мазари-Шарифе (включая крепость Дейдади) службу несли 4 батальона пехоты и один полк конницы с артиллерией. Несколько меньше сил располагалось в Маймене и Файзабаде. В целом, в афганском Туркестане было расквартировано не менее 15 тыс. человек ⁵¹.

Большинство постов афганской пограничной охраны вдоль границы с Россией и Бухарой были конными, а солдаты вооружены курковыми ружьями. Только с конца 1909 г. здесь стали появляться однопатронные винтовки системы Генри-Мартини, которым придавалось по 25 боевых патронов. Кроме того, на посту Хамиаб каждому всаднику, кроме ружья или винтовки, полагалось иметь шашку. Служба в афганской пограничной сотне считалась пожизненной и казенной — основное довольствие, хотя и очень ограниченное, пограничники получали от казны, за исключением одежды ⁵². Считается, что казенное обмундирование было, но оно выдавалось солдатам только в особо торжественных случаях или на учения, а так как это случалось очень редко, повседневно солдаты ходили в гражданском, отчего их внешний вид был крайне разнородным ⁵³.

В полном составе сотня собиралась редко, так как большинство ее членов жило в своих домах и только некоторые, обычно бездомные, постоянно находились на самих постах. Командир, нахождение которого и самой сотни было в более или менее крупном населенном пункте, каждые три-четыре месяца проводил ее сбор и отправлял новых охранников на посты. При этом состоявшему на службе в сотне не запрещалось посылать вместо себя родственников или прислугу. Поэтому в период полевых работ составы афганских постов обычно сводились к минимуму и лишь в осеннее и зимнее время, когда оживлялась приграничная торговля, заметно увеличивались ⁵⁴.

Постовая служба состояла в строгой охране границы, досмотре всех переходящих ее и наблюдении за тем, чтобы из Афганистана не

вывозились запрещенные эмиром товары — пшеница, ячмень, ковровые изделия, каракулевые шкурки и овцы, представлявшие эмирскую монополию. Будучи частью иррегулярных войск, хотя к началу XX в. уже частично переведенных в регулярные подразделения, сотни выполняли и другие функции — участвовали в подавлении народных восстаний, мятежей феодалов, охране дорог и складов. Иногда их направляли для сбора налогов⁵⁵. При этом одной из ведущих форм деятельности оставалась торговля, цели и характер которой зачастую противоречили задачам охраны границы. Этот фактор становился причиной многочисленных злоупотреблений в деятельности пограничной охраны. Нередко даже в Кабул поступали жалобы от населения и торговцев, переходивших границу и подвергавшихся вымогательствам и грабежу со стороны пограничной охраны. Так, в 1910 г. файзабадский джарнейль⁵⁶ Хаджи Гуль-хан получил из Кабула личный фирман (указ) эмира, требовавший запретить его пограничникам в свободное от службы время заниматься торговыми делами из-за многочисленных жалоб на них со стороны купцов. Однако чиновник был бессилен изменить сложившееся положение⁵⁷. Все свидетельствовало о том, что зачастую в афганской пограничной службе первой линии удерживались, по выражению Снесарева, «неудачники, бездомники, люди, отвыкшие от труда», сюда шел «не цвет страны, а ее отбросы», даже внешний вид которых производил самое невыгодное впечатление⁵⁸. Подобную характеристику афганской пограничной роты, как «орды», давал Д.Н. Логофет⁵⁹.

Кроме того, через границу переправлялся терьяк (опиум), распространением которого активно занимались афганские пограничники, хотя значительная его доля все же шла через неохраняемые участки границы. Перевозка опиума через Пяндж осуществлялась зимой по ночам, когда преодоление реки вброд не являлось проблемой, а для российской пограничной стражи не было никакой возможности изолировать один берег от другого. Контрабандисты пользовались слабостью русской охраны, отсутствием постоянных часовых, редким расположением постов и тем, что переход границы формально не был запрещен на всем ее протяжении. Небольшие порции опиума провозились также через российские пограничные пункты⁶⁰, солдаты и офицеры которых, обнаружив его, по-разному реагировали на данный товар.

Важным местом складирования терьяка и анаши являлся северо-восточный афганский Рустак, откуда через бухарский Куляб сырье переправлялось на север и распространялось по Восточной Бухаре. Активными участками перевозки опиума из Афганистана на бухарскую и российскую территории считались, по свидетельству начальника Памирского отряда, пограничные Дарваз, Рушан и Шугнан, где афганские солдаты торговали им «большею частью в долг». Нередко, когда возникала необходимость ускорить возврат долга, они распространяли слухи о своем возможном перемещении на другие участки границы. Начальник Памирского отряда А.В. Муханов (1904—1911), получив весной 1909 г. сообщение о готовящейся смене гарнизонов в афганском Бадахшане, был склонен думать, что «солдаты умышленно распускают слухи о своем уходе, дабы иметь оправдание в оказании давления на своих должников, каковых у каждого из них много

и на нашем и на том берегу»⁶¹. В отдельные годы, а таким в нашем исследовании был 1910 г., торговля опиумом принимала такие масштабы, что начальник Памирского отряда, на котором лежали не только военные, но административные и полицейские функции, вынужден был обращаться с письмом к файзабадскому джарнейлю, прося пресечь ее в Шугнанае, а также называя важный центр складирования сырья — афганский Кала-и Барпяндж. Известно, что в тот год по распоряжению из Кабула было назначено расследование, конфисковано несколько тюков опия, и продажа его на время прекратилась⁶².

Как и русские на Памире, начальники афганских постов, особенно вдоль сухопутной границы с Закаспийской областью, должны были выполнять административные функции в своих приграничных районах. При этом афганские посты могли находиться от российских на расстоянии 100—300 «шагов» (например, в Босаге оба поста отделил лишь небольшой арык), но не поддерживать никакого общения, ничего не знать о жизни на противоположной стороне. Исключения были лишь в некоторых местах, например, между постами в кушкинском районе (афганский Кала-Чильдухтер — российские Чильдухтер и Кушка), где их командиры появлялись в сопровождении конвоя с дружеским визитом у соседей и даже устраивали взаимные угощения. Однако, в целом, в солдатской среде господствовало недоверчивое, подозрительное отношение к соседям⁶³. При этом за всю историю российско-афганских отношений не случилось ничего похожего и равного трем военным конфликтам, которые историки называли англо-афганскими войнами, а были, по выражению Снесарева, хотя и «два боевых», но лишь «случайных эпизода — кушкинский и соматашский»⁶⁴. Между тем, дружеские отношения между соседями, отмеченные в кушкинском районе, не одобрялись в Кабуле: начальник афганских пограничных постов в Бадгисе серхенг (полковник) Зарин-хан, обвиненный в дружбе с русскими, в июне 1910 г. был снят с должности, отозван в Кабул, а на его место прибыл бывший хаким Бала-Мургаба Яр-Мамед-хан⁶⁵.

Поддержание отношений между соседями на афганской границе было важно хотя бы потому, что граница с Афганистаном, в отличие от границ России с европейскими странами, не была двухполосной. Она изначально не выстраивалась в две линии, обычно разделенных «нейтральной полосой», когда каждая из них обслуживается соответствующим государством⁶⁶. Такое решение не было случайностью, ибо укладывалось в тогдашнюю картину взаимоотношений держав — сам Афганистан воспринимался в качестве такой нейтральной полосы, разделявшей владения двух империй. При этом только часть, сухопутная граница по Закаспийской области и на Памире, была обозначена пограничными столбами. Граница же по Амударье-Пянджу не имела столбов, так как была чисто кабинетным решением, без организации работ разграничительных комиссий на местности, когда условно все течение реки было принято за линию раздела между Бухарой и Афганистаном. Но обозначение сегментов границы одним рядом столбов международными пограничными комиссиями требовало, чтобы их восстановление проводилось также совместно. Однако пограничные споры возникали постоянно, а собрать совместную ко-

миссию для восстановления даже одного пограничного столба становилось серьезной проблемой.

Кроме того, по всей границе с Афганистаном имелись крупные лакуны, участки границы, которые не обслуживались пограничной охраной и армейскими соединениями. Так, в Закаспийской области из-за сложных природных условий не охранялась граница с Афганистаном вдоль Каракумской пустыни и на всем ее протяжении, вплоть до Карабильских высот, не было, кроме двух фланговых, пограничных постов. В итоге, на расстоянии почти 300 верст, от Калаи-Вели до Босаги, граница оставалась открытой для разбойничьих отрядов, контрабандистов и беженцев ⁶⁷. Также в Закаспии из-за природных факторов не охранялся пограничный участок почти в 150 верст между постами Меручак и Чильдухтер. В Восточной Бухаре между Шаугоном (самый восточный пост Амударьинской бригады) и хорогским постом Памирского отряда находился еще один крупный, почти в 350 верст, неохраняемый сегмент границы. Таможен также не было, хотя здесь, в Дарвазе, находилось крупное бухарское селение — Калайи-Хумб ⁶⁸. По мнению Логофета, эти неохраняемые участки границы были «широкими воротами», через которые в Бухару и Россию ввозилось «большое количество различных англо-индийских товаров», проникали «ненадежные элементы из Афганистана, а подчас и эмиссары английского правительства» ⁶⁹. Ковалёв, возглавлявший в тот период Бухарскую таможенную и хорошо знавший о неохраняемых участках границы, удивлялся при этом «добросовестности большинства афганского купечества, привозящего свои товары на оплату пошлиною в таможен» ⁷⁰.

Поскольку значительную протяженность границы с Афганистаном составляла река (в первую очередь, по территории Бухары), вопросам охраны и условиям ее пересечения уделялось особое внимание. Однако разрабатываемые с 1907 г. «Инструкция чинам 31-ой пограничной Амударьинской бригады по надзору за каюками ⁷¹, плавающими по Амударье и Пянджу» и новые «Правила по пограничному надзору на бухаро-афганской границе» были введены в действие лишь 1 июля 1912 г. с изменениями первоначальных текстов. Главная причина этого была проста — они задевали экономические интересы крупных торговых домов и чиновничества Бухары, контролировавших важнейшие торговые пути с Афганистаном.

Такая ситуация являлась следствием сохранявшегося царскими властями двойственного, противоречивого подхода к обеспечению жизнедеятельности пограничной полосы на территории Бухары. Так, охрана границы и таможенные процедуры стали прерогативой и обязанностью российской пограничной администрации, но контроль переправ через реки был оставлен за бухарцами. При этом переправы были важнейшим фактором экономического и административного влияния в регионе, одним из основных источников доходов бухарского правительства ⁷². Находясь на перекрестках главных путей, бродов и дорог, как правило, рядом со всеми крупными российскими пограничными постами и таможнями, они действовали в течение года. Наиболее активными среди них были лодочно-каючные переправы — Аккумская, Келифская, Салтыарыкская, Чушкагузарская, Паттагисарская, Айваджская (Кабалианская), Тахтакуватская, Караултюбин-

ская, Сарайская, Кокульская, Чубекская, а также гупсарные ⁷³ — Акджарская, Богоракская и Шаугонская ⁷⁴. По свидетельству Логофета, бухарские власти собирали на переправах «крупный доход, облагая все огромными пошлинами в размере, зависящем от средств переправляющегося, личного усмотрения и добросовестности Бухарского чиновника» ⁷⁵.

Разработка «Инструкции» ставила цель — наделить пограничников правами контроля основных переправ между Бухарой и Афганистаном, ограничив в этих функциях бухарцев. Но в итоге она лишь отразила сложившуюся за многие годы практику: пограничники, не вмешиваясь напрямую в деятельность бухарских чиновников, осуществляли надзор за плавающими по реке каюками, плотами и гупсарами.

Для выполнения общих патрульных функций с ближайшего российского пограничного поста к переправе отправлялись по два дозорных. Обычно они несли службу посменно, меняясь через каждые шесть часов: пока один следил за рекой, передвижениями по ней и деятельностью бухарских чиновников на переправе, другой мог отдохнуть под специально сделанным навесом ⁷⁶.

Каюки с товарами, которые шли по реке, должны были «остановиться у ближайшего передового таможенного учреждения», а их хозяева — «заявить о своем прибытии» ⁷⁷. Если переправа с афганской на бухарскую сторону происходила вдалеке от российских постов и таможен, оба часовых должны были сопровождать купцов до ближайшей таможни или заставы ⁷⁸, где их груз осматривался, взимались пошлины и выдавались разрешения на перевозку товаров. Обычно на промежуточных постах и таможнях такие плоты и каюки, которые продолжали движение по реке, не останавливались и не досматривались, если не было информации о контрабандном характере груза или о том, что он не прошел первичный осмотр. При нормальном развитии ситуации новыми местами контроля становились лишь Босага или Ак-Кум.

Был определен список афганских товаров, в основном являвшихся предметами домашнего хозяйства, которые пропускались русскими таможнями и постами пограничной стражи беспошлинно: «хлеб всякий в зерне, мука всякая, овощи всякие свежие, фрукты и ягоды свежие, кормовые травы всякие, молоко пресное и кислое, творог свежий и сушеный, сыр азиатский, масло коровье и овечье, мясо баранье свежее, сало баранье и говяжье, птица домашняя всякая, яйца, дичь, рогатый скот, овцы, козы, лошади, ослы (ишаки), катера ⁷⁹ (лошаки), верблюды, лесные материалы, древесный уголь и дрова». На купцов с такими товарами начальник первичного поста оформлял соответствующие документы и пропускал на территорию Бухары и Туркестана ⁸⁰.

Важнейшими задачами для российских пограничников на афганской границе, в полной мере невыполнимыми из-за ограниченных людских и технических ресурсов, а также специфических природно-географических факторов, оставались борьба с контрабандой, поиск, задержание и преследование ее в приграничной полосе, в зоне дистанции отряда. При этом, если пограничный разъезд на сухопутной границе наткнулся на караван, который мог быть контрабандным, с его задержанием возникали трудности. Хозяин каравана

мог заявить, что перешел границу там, где почему-то не был выставлен пост, но теперь он намерен двигаться в таможеню, чтобы оплатить пошлину. Логофет, описывая такую ситуацию, отмечал: «А если укажите ему, что в этих местах, куда он направляется, нет таможни, то у него готовый ответ: “я России не знаю и потому не знаю, куда ведет эта дорога”». Пограничному разъезду оставалось лишь выделить конвой для сопровождения каравана до таможни или ближайшего поста⁸¹.

Контрабанде на водном участке границы способствовало не только ограниченное количество застав, но и сами природные условия, позволявшие злоумышленникам переходить границу практически в любом месте: река от Богорака до Босаги состояла из бесчисленных рукавов, разъединяемых островами, многие из которых были покрыты зарослями камышей с болотами, пути через которые были известны только местным жителям.

При этом, если на сухопутной афганской границе, например в сентябре 1911 г., чинами Закаспийской бригады было проведено 19 случаев задержаний (осуществлены 7 выемок, задержаны 33 чел., пытавшиеся провезти контрабанду через посты и таможни, арестованы 55 контрабандистов при переходе границы), то Амударьинская бригада осуществила за это время лишь 5 задержаний (задержаны 13 чел. с контрабандным товаром)⁸². Однако эта официальная статистика свидетельствовала не о реальных различиях в состоянии контрабанды на речной и сухопутной границах, а лишь об особых трудностях ее задержания на реке.

Обычным признаком контрабандной переправы через реку считалось ночное время суток, так как, в соответствии с инструкциями, движение по реке могло осуществляться лишь до захода солнца. Ночью все речные средства должны были находиться на берегу, привязанные цепью к столбам и запертые на замки, ключи от которых хранились у начальников военных постов. Инструкции требовали задерживать все плавательные средства, которые в это время пытались выгрузиться между постами и таможнями. Предупреждения об этом, написанные на местных языках, были вывешены на всех переправах, где могли останавливаться или проплывать мимо каюки⁸³.

По свидетельству шефа пограничной стражи, министра финансов В.Н. Коковцова, в сравнении с кавказской границей, где расстояние между постами в среднем составляло 9—10 верст, на афганской оно местами достигало 20 верст⁸⁴, а число служащих на посту при этом не превышало 10 человек⁸⁵. По сравнению с тогдашней российской границей с Пруссией, где показатель плотности охраны границы составлял 8,1 чел. на километр и даже с Австро-Венгрией — 3,8 чел., в зоне ответственности Закаспийской и Амударьинской бригад он был лишь 0,6—0,7 пограничника на километр границы⁸⁶. Эти факторы влияли на то, что пограничникам было трудно не только заметить прорывы контрабандистов через границу, но и оказать своевременную поддержку своему наряду, вступавшему с ними в столкновения. Нередко звуки выстрелов на постах были не слышны, и помощь опаздывала, что ставило пограничные разъезды в трудное положение, если противник оказывался сильнее.

В конце декабря 1911 г. на границе произошло событие, взбудоражившее туркестанское общество. Конный разъезд из двух погра-

ничников ⁸⁷, выполнявших задачи сторожевой службы, застал в десяти верстах от поста Меручаг (Закаспийская область) афганский караван. Контрабандисты воспротивились следовать за пограничниками, ограбили и жестоко убили их, а затем скрылись на афганской территории. Информация об этом стала широко известна и попала в туркестанские газеты ⁸⁸.

6 июня 1913 г. было совершено дерзкое нападение на пограничников Амударьинской бригады на территории Бухарского эмирата. Солдаты были командированы с поста Айвадж надзирать за переправой на реке, то есть выполняли функции военного караула. Рядовому Комарницкому, который оказался «активным» часовым, злоумышленники нанесли шесть серьезных ран, отобрали трехлинейную винтовку и сумку с патронами. Его товарищ, рядовой Болякин, находившийся «шагах в 700 от места происшествия» и не видевший момента нападения, пытался обстрелять уплывавших на турсуке ⁸⁹ двух человек, но они скрылись на афганском берегу, где располагался пограничный пост ⁹⁰. 12 октября 1913 г. были убиты три российских солдата близ пограничного поста Берды-Клыч (Закаспийская бригада). По данным «Туркестанских ведомостей», только на границе Закаспийской области с Персией и Афганистаном в 1913 г. были убиты «семь нижних чинов» российской пограничной стражи ⁹¹. Однако попытки закаспийской администрации не оставить безнаказанными происшедшие на границе события, не привели к улучшению ситуации: афганцы не ответили на заявленные претензии, а генерал-губернатор Самсонов не решился на «репрессивные меры» в отношении представителей афганского эмира, опасаясь, что область может сильно пострадать от ответных действий Кабула в обеспечении дешевой рабочей силой ⁹².

Актуальным все эти годы оставался вопрос о расширении территории с 21 до 50 верст от линии границы, в которой пограничники могли преследовать проникших в Бухару и Туркестан контрабандистов. Если в Закаспийской области, как части туркестанского генерал-губернаторства, такое решение было принято властями еще в 1907 г., то в Бухаре этот вопрос не решался в течение нескольких лет. Расширение зоны действий российской погранохраны и таможенных учреждений на территории, хотя и зависимо, но сохранявшего формальные признаки самостоятельности государственного образования, требовало различных согласований и задевало интересы влиятельных бухарских чиновников, связанных с афганской торговлей. Проекты «Правил» и «Инструкций» до их вступления в силу в 1912 г., пытались совместить интересы разных сторон, предлагали либо предварительно согласовывать с бухарской администрацией действия пограничников в пределах планируемой 50-верстной черты, либо совершать аресты и выемки товаров в этих пределах «при участии местной бухарской власти» ⁹³.

Однако эти варианты не устроили туркестанские власти. Было решено сохранить прежнюю 21-верстную зону в надежде, что в условиях зависимости Бухары и нахождения здесь российских постов всегда найдется возможность для преследования контрабандистов и за этими пределами. Однако для вскрытия тюков и багажей за этой чертой, чтобы не вызвать осложнений с бухарцами, требовалась твердая уверенность в контрабандном характере товара ⁹⁴. Впрочем, тамо-

женный устав империи, принятый в 1910 г. и действовавший до большевистского переворота, несколько увеличил активное пространство для пограничников, определив, что 21-верстную черту следует считать не от линии границы, а от реального места расположения постов⁹⁵.

Вопрос о преследовании контрабандистов, которые пытались скрыться на территории Афганистана, оставался одним из актуальных. Так как афганские власти обычно отказывались вступать в какие-либо контакты по таким вопросам, секретные «Инструкции» 1910 и 1912 гг. не запрещали «в случае необходимости преследовать злоумышленников» на их территории (в пределах 21 версты от границы), но подчеркивали «личную ответственность за все могущие произойти посему недоразумения, если переход этот будет обставлен неудачно». При этом данное условие касалось только джигитов и офицеров стражи, тогда как солдатам любой переход границы, даже в целях преследования контрабанды, был запрещен. Последнее было связано с участвовавшими в тот период нарушениями границы солдатами-дезертирами, стремящимися через Афганистан уйти в Индию. Но и секретные переходы афганской границы офицерами российских погранотрядов также были обставлены условиями: следовало доложить о каждом случае «по команде», избегая какой-либо самостоятельности, случайных или тем более самовольных действий⁹⁶.

Следует признать, что российские пограничники, с одной стороны, активно борясь с контрабандой, с другой, поддерживали ее, когда она становилась средством воздействия на противоположную сторону. Сам начальник 7-го округа пограничной стражи генерал-лейтенант В.А. Нарбут, прекрасно зная, что из Афганистана запрещен вывоз хлеба и скота (как крупного, так и мелкого), отдал распоряжение командирам 30-й Закаспийской и 31-й Амударьинской бригад «принять секретные меры содействия этому ввозу помимо афганских таможен и постов»⁹⁷. С одной стороны, туркестанские власти хотели по заданию Петербурга развивать хлопководство, а потому, нарушая афганские законы, способствовали привозу из эмирата необходимых продуктов питания, чтобы население о них не беспокоилось. С другой стороны, они совершали намеренные действия, причиняя неудобства афганцам в ответ на многочисленные ограничения и трудности для российских купцов в афганской торговле, которые больно ударили по авторитету империи. При этом все понимали, что, несмотря на запрещение афганским правительством вывозить хлеб и другие продукты, у властей нет реальной возможности удержать население северного Афганистана от этого — тому было трудно существовать без нарушения суровых эмирских указов. В любом случае, российские пограничники нередко поддерживали привоз из Афганистана всего того, что там называлось контрабандой.

Однако, по мнению управляющего Бухарской таможней Е.П. Ковалёва, главными контрабандистами, развращающе действующими на местное население и нижних чинов российской стражи, были все же «вольнонаемные джигиты» из местных. Именно они, используя связь с российскими пограничными постами, отправлялись на выполнение каких-либо заданий в Афганистан или на границу, попутно решая свои коммерческие вопросы. Российская таможня и пограничная охрана, зная что каракулевые шкурки составляют эмир-

скую монополию и запрещены к вывозу из Афганистана, способствовала их контрабандной доставке, разрешая контрабандистам, в числе которых нередко выступали джигиты, заблаговременно указывать места тайной от афганской охраны переправы. За шкурками последовали и другие товары. Однако контрабандистам удавалось нередко перехитрить и пограничников. Так, заранее объявляя, где и как произойдет тайная от афганцев переправа, они заставляли чинов российской стражи целыми сутками дежурить в условленном месте. Однако когда пограничники, устав от ожидания, уходили, торговцы благополучно переправлялись ⁹⁸.

Чтобы организовать вывоз запрещенных эмирским правительством продуктов и скота, в Афганистан с ведома российской пограничной охраны приезжали туркмены группами по 5—6 чел., вооруженные винтовками и несколько не боявшиеся афганских пограничников. Те, в свою очередь, стремились лишней раз не вступать в конфликты, хорошо зная, к чему приводят попытки таких задержаний. И если, хотя и редко, это происходило, перестрелка заканчивалась значительными потерями с обеих сторон. В течение 1912 г. таких крупных стычек на афганской границе было восемь ⁹⁹.

Так как специальные службы в России еще только создавались, пограничники несли на себе функции разведки и сбора информации о соседних странах. Агентурная и разведывательная работа входила в обязанности всего командного и начальствующего состава ОКПС — от начальника округа до помощника командира каждого поста ¹⁰⁰. В штаб туркестанского военного округа разведанные поступали от начальника Памирского отряда, где сформировался один из главных центров русской разведки в Центральной Азии, доставлявший сведения практически со всего Афганистана и Индии. Разведывательная активность отряда, «изучавшего» вместе с их командиром соседние территории в ходе «частых разъездов», была высокой: данные представлялись в Ташкент, обычно два раза в месяц ¹⁰¹.

Так как единого разведывательного центра в стране еще не было, сбор данных велся наряду с пограничной стражей Военным министерством через подразделения 2-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), курировавшего восточное направление. В соответствии с «Инструкцией по разведке в пограничных иностранных государствах» (1912 г.), пограничники должны были «оказывать содействие чинам военного ведомства по получению негласным путем необходимых сведений, касающихся соседних армий (разведка), а равно по борьбе со шпионством соседних государств (контрразведка)» ¹⁰². В Туркестане это распоряжение означало ведущую роль в этих вопросах штаба Туркестанского военного округа и генерал-губернатора края.

Важнейшие разведывательные пункты на границе с Афганистаном находились в Керки и Термезе, откуда в штаб округа поступали донесения, рапорты, агентурные записки, отчеты штабс-капитанов Канатова, Тутолмина, поручика П.К. Ченгеры. На территории Закаспийской области пограничную разведку направлял штаб 2-го туркестанского армейского корпуса, располагавшийся в Асхабаде ¹⁰³. Сведения поступали как от постоянных, так и временных (случайных) разведчиков, которыми становились купцы, нередко беглецы и бродяги.

Однако заметных успехов в этом деле было мало. В первую очередь потому, что доступ на афганскую территорию был официально закрыт для иностранцев и не всякий офицер подходил для целей разведки на территории соседнего эмирата. Поэтому преобладала практика получения основных сведений с помощью агентов и доносителей, нанимаемых для такой работы из местных жителей, которые шли на нее исключительно за деньги и выполняли небрежно. Зачастую многие сведения, которые добывались с помощью агентов, считались малодостоверными «за весьма малыми исключениями»¹⁰⁴. Судя по отчетам Памирского отряда, постоянными и надежными разведчиками здесь числились лишь несколько человек (около десятка агентов) из числа местных жителей, обозначенных в документах аббревиатурами (первые буквы имен или прозвищ людей из местных элит). Именно на них непосредственно выходил начальник отряда или его представители, ставившие задачи и формулировавшие способы их достижения. Однако проведение самой разведывательной работы на территории перекладывалось на этих людей. Они подбирали, обычно за деньги, агентов для выполнения поставленных задач, ограничиваясь взаимоотношениями с ними¹⁰⁵.

Афганцы также осуществляли разведку на российской и бухарской территориях и, видимо для этих целей, активно переманивали на свою сторону нижних чинов российской пограничной стражи и Военного министерства. Солдаты легко поддавались на агитацию и бежали в Афганистан, что свидетельствовало о серьезных проблемах и неблагополучном состоянии в военных структурах округа накануне мировой войны. Удачным для афганцев был 1910 г., когда с мая по июль в эмират перешли 15 русских солдат после обещаний, «что им будут платить большое жалование, дадут жен, оденут в красивую форму и в заключение сделают афганскими офицерами»¹⁰⁶. Девять из них были нижними чинами 31-й Амударьинской бригады¹⁰⁷. Разведчик штаба ТуркВО, которому удалось увидеть в Мазари-Шарифе российских солдат, выяснил, что хотя один из дезертиров по прибытии умер, остальные приняли ислам, были переодеты в мундиры и шаровары английского образца и отправлены в Кабул для представления самому эмиру. По данным разведчика, все они дали клятву на Коране служить Афганистану.

На первых порах афганцы были очень довольны побегами дезертиров. Однако когда эти побегии стали приобретать массовый характер, это вызвало у них подозрения в намерении русских солдат закрепиться по приказу своих командиров в Афганистане, чтобы осуществлять разведку. К тому же, бадахшанские таджики активно распространяли слухи о том, что перебежчики — это «лишь нижние чины авангарда русских сил, которые в самом недалеком будущем двинутся на занятие Бадахшана»¹⁰⁸.

Летом 1913 г. политическое агентство в Бухаре получило от разведчиков непроверенные сведения, но решило использовать их, чтобы психологически воздействовать на солдат и прекратить их побегии в Афганистан. Сообщалось, что в начале мая в Мазари-Шариф прибыли 60 русских солдат, пожелавших принять ислам. Однако они были задержаны афганскими властями, а некоторые из них отправлены в Кабул, где над ними, якобы по приказу эмира, 27 июня была

учинена жестокая расправа. Хотя это сообщение так и не было подтверждено, а картина расправы над солдатами выглядела очень жестокой, МИД через исполняющего обязанности дипломатического чиновника А. Барановского посоветовал генерал-губернатору «распространить эти сведения среди пограничных войск вверенного ему края»¹⁰⁹.

Накануне первой мировой войны в прессе и ведомственных записках обсуждался вопрос о ситуации на афганской границе, о том, что посты Амударьинской бригады, расположенные выше Термеза, имеют слабую связь с командованием Бригады и в случае пограничного конфликта или наступления противника могут оказаться в изоляции. Действительно, река как главное средство передвижения, имела препятствия, перекаты, не позволявшие кораблям Амударьинской флотилии до них добраться и оказать своевременную помощь. Предложения взорвать эти перекаты, очистить и углубить русло реки для прохода кораблей флотилии, высказывавшиеся еще прежним командиром бригады А.Д. Свиным¹¹⁰, не были осуществлены и при Пыхачёве. Продвижение же в эти районы по суше войсковых соединений из Керки и Термеза, а тем более из Чарджуя, Самарканда или Ташкента требовало времени и «при почти полном отсутствии колесных грунтовых дорог» должно было, по мнению Логофета, занять не менее 20—25 дней. Кроме того, на пути движения должны были возникнуть дополнительные трудности — многоводные и бурные реки Кафирниган, Вахш, Кизил-су, не имевшие мостовых перекрытий.

При этом афганские воинские части в Рустаке, Файзабаде, Кундузе, Таш-Кургане, Ханабаре или Имам-Саибе, находясь в 50—80 верстах от границы, были способны достичь ее за 3—4 дня и создать серьезную угрозу российским пограничникам даже небольшим кавалерийским отрядом. До подхода в этот район основных российских военных сил то, что здесь были призваны защищать пограничники, а именно Кулябское, Каратегинское, Бальджуанское, Дарвазское, Гисарское и Курган-Тюбинское бекства, считавшиеся житницей Бухары, могли быть захвачены противником, а пограничные отряды оказаться в критической ситуации.

Затрагивался также вопрос, можно ли положиться в случае конфликта на границе на бухарские части, стоявшие в Кулябе (2 роты), Калайи-Хумбе (2 роты) и Бальджуане (1 батальон). Логофет называл их «пародией» на войсковые формирования, считая, что они не представляют реальной силы. Кроме того, были подозрения, что эти части, содержание которых ложилось тяжелым бременем на местное население, в случае активных действий афганцев против российских пограничных частей, не окажут им реальной помощи и не выступят в качестве союзников. При этом при наступлении афганцев местное население, родственное по вере, всегда питавшее к ним симпатию, могло выступить на их стороне, и тогда, по мнению Логофета, «прогнать обратно афганский отряд за Аму-Дарью потребует много времени и крови»¹¹¹. Все свидетельствовало о том, что российские пограничные посты на афганской границе, особенно в Восточной Бухаре (включая Памир), могли успешно выполнять свои функции лишь в условиях мирного времени и поддержания связи с туркестанскими центрами. То, что худший вариант развития событий здесь не случился под влиянием афганцев в годы первой мировой войны (не-

смотря на попытки Германии и Турции вовлечь в нее эмират), стало результатом стечения ряда обстоятельств — усиления военных и полицейских сил после начала восстаний 1916 г. в Средней Азии, изоляции Афганистана от непосредственного соприкосновения с мировой войной и вынужденно сдержанной политики афганского эмира, больше боявшегося русских и англичан, чем надеявшегося на помощь немцев и турок.

Понимая слабые стороны обороны афганской границы, генерал-губернатор Туркестана А.В. Самсонов в 1910 г. писал начальнику Генерального штаба Е.А. Гернгросу: «Положение наше в Средней Азии нельзя считать вполне обеспеченным и безопасным без принятия целого ряда мер, из которых должна быть поставлена на первый план — возможность быстро поддержать наши пограничные с Афганистаном гарнизоны, не с активными даже намерениями, а лишь в целях пассивной обороны». Строительство новой железной дороги на Термез, по его мнению, могло решить многие оперативные вопросы, в том числе и задачу более быстрого поддержания наших пограничных и армейских структур¹¹². При поддержке Военного министерства и на средства русского инженера А.Н. Ковалевского строительство такой дороги началось в годы первой мировой войны, однако оно мало изменило положение в укреплении связи с отдаленными пограничными постами Восточной Бухары.

Кроме того, настоятельно требовалось решение вопроса о переносе ряда постов и таможен, ставших к этому времени внутренними, на саму афганскую границу. Так, посты 1-го отдела Амударьинской бригады «Керки», «Ташлык», «Кизыл-аяк», «Хатаб», «Дангуз-сырт», «Зеид», «Тепели» и «Керли», которые были когда-то поставлены русским правительством на бухарской территории против тогда еще не сформировавшейся Закаспийской области, с ее образованием и включением в состав империи потеряли прежнее значение и стали внутренними.

Решение вопроса о переносе постов на саму афганскую границу подтолкнуло купечество. Товар, который задерживался выше-названными постами или таможенями как афганский, после проверки нередко оказывался местным, приобретенным купцами до линии афганской границы. Острая ситуация возникла в мае 1911 г., когда керкинские бек, зякетчи, скупщики каракуля и овцеводы обратились к начальнику 7-го пограничного округа В.А. Нарбуту с просьбой не задерживать их товары и не отправлять в таможни для оплаты пошлиной как афганские. В феврале 1912 г. Нарбут обратился к командиру ОКПС Н.А. Пыхачёву, после чего в мае того же года появилось решение о переносе постов на новую границу¹¹³. Обращение керкинского бека и овцеводов повлияло, таким образом, на решение, в результате которого внутренняя граница с Закаспийской областью стала формальной, то есть практически исчезла.

В связи с решением командира ОКПС Министерство финансов, на котором лежала ответственность за пограничные войска, подготовило в 1913 г. проект закона «Об усилении охраны границы на Кавказе и в Закаспийской области»¹¹⁴, предусматривавший реформирование кавказского (6-й) и туркестанского (7-й) пограничных окру-

гов. Они были велики по размерам, имели значительную протяженность пограничной линии ¹¹⁵, в то время как степень их технической обустроенности и обеспеченности людьми оказалась одной из самых низких в империи. Министерство после одобрения Думой разработанного проекта и выделения необходимых средств было намерено в течение 4—6 лет изменить структуру охраны границы на этих участках, учредив новые посты, технически обновив и усилив их личным составом, и даже увеличить число штабов бригад для улучшения управления округами. Однако чиновники, не надеясь получить от Думы и правительства в полном объеме нужное для проекта финансирование, сосредоточили внимание на кавказской границе, а по 7-му округу запросили средства лишь на переоснащение границы в Закаспийской области (зона ответственности 30-ой Закаспийской бригады) и для переноса постов на сухопутном участке бухаро-афганской границы (31-ая Амударьинская бригада). Задачу переустройства огромного бухарского участка границы по Амударье-Пянджу, где также стояли русские погранотряды, проект 1913 г. не ставил.

Министерство финансов, возглавляемое Коковцовым, заложило в проект единовременную сумму в 5 100 467 руб. 58 коп. для усиления охраны границы на Кавказе, в Закаспийской области и на части Балтийского побережья, а также ежегодные расходы в 993 807 руб. 97 коп. для модернизации этих пограничных территорий в течение 6 лет. Из них для 7-го пограничного округа (персидская и афганская границы в Закаспийской области) была запланирована примерно треть запрашиваемой суммы — 377 271 рублей. В соответствии с документами, представленными в Государственную думу, новый состав Закаспийской бригады включал в себя 4 отдела, 28 отрядов, 60 постов с 60 чел. командного и обслуживающего состава (от командиров бригады, отделов и отрядов до врачей и священников) и 1400 чел. нижних чинов (в том числе начальников всех постов) ¹¹⁶. Данные цифры, не отражая реальных потребностей в переоснащении и переоборудовании военных округов, исходили из стремления министерства хоть как-то решить накопившиеся проблемы и снизить зависимость от них.

Проект определил дистанцию между отрядами в Закаспийской области в 10—12 верст, в то время как на соседних границах России действовали уже иные показатели: для турецкой и сухопутной персидской границы на Кавказе — в среднем не более 4—5 верст на один разъезд пограничников. Правда, в сравнении с кавказской границей, где конные охранники составляли не более 33% всех нижних чинов, в Закаспии, а также на речной бухаро-афганской границе министерство стремилось обеспечить до 75% конных нижних чинов от общего числа пограничников. Планы Министерства финансов по реорганизации охраны на афганской границе были разумны, хотя и очень скромны. 21 января 1914 г. министр финансов выступил с докладом по данному проекту в Комиссии по военным и морским делам Государственной думы, а затем представил одобренный проект на итоговое заключение бюджетной комиссии ¹¹⁷.

Еще летом 1913 г. российские пограничные власти приступили к переносу постов, находившихся вдали от границы с Афганистаном, на саму пограничную линию. Это должно было изменить дистанцию между отрядами на границе, снизить нагрузку на служащих, усилить

их маневренность и оперативность, закрыть огромную брешь каракумской пустыни, где не было постов. На сухопутном участке бухаро-афганской границы к югу от Босаги в составе 31-ой Амударьинской бригады ¹¹⁸ началось развертывание трех новых отрядов — гекчанского (ясманского), имамназарского и каратепинского. Новые посты этих отрядов — Ясман, Гекча, Перманча, Ойкуль, Имамназар, Хондек, Каратепе-хурд, Хатаваджи и Аликадым должны были формироваться за счет упразднения прежних постовых укреплений, находившихся вдали от границы ¹¹⁹. Однако с началом первой мировой войны этот процесс затормозился и к кризисному 1917 г. завершен не был (то есть многие старые посты остались на прежних местах, вдали от границы, а вышеуказанные новые посты не появились). При этом нет никаких свидетельств того, что готовился не просто перенос, а необходимая модернизация пограничных сооружений: крепостей, подобно кушкинской или термезской, судя по всему, сооружать не планировалось.

Начало первой мировой войны коснулось российских пограничных частей на афганской границе. 17 (30) июля 1914 г. в штабах 30-й и 31-й российских бригад ОКПС были получены телеграммы о введении в действие мобилизационного плана, разработанного еще в мирное время. Так как Петербург не указал на какую-либо особенность в его осуществлении по сравнению с другими военными округами, составы постов, размещенные на афганской границе, 19—20 июля (1—2 августа) снялись со своих мест и направились в сборные сотенные пункты ¹²⁰. Поспешный уход пограничников с постов, их продвижение вдоль границы, а также последовавшая затем мобилизация войск термезского и керкинского гарнизонов стали неожиданностью для афганцев. Не имевшие никаких конкретных указаний из Кабула на такой случай, афганские пограничники с чувством тревоги и смятения наблюдали за происходящим.

Однако так было не везде. На некоторых афганских постах не заметили начала русской мобилизации. В Рустаке, например, о ней узнали только на третий день, за что солдаты вместе с их командиром были подвергнуты начальством наказанию — побиты палками. Кокульский пост вовремя не сообщил своему начальству, что с реки Кызылсу ушел российский пограничный паром. Корнейль ¹²¹ Имам-Саида (афганское селение против Сарая) только через день после начала мобилизации получил донесение от осведомителей о том, что русские стягивают составы пограничных постов к Сарая, а из Термеза идет пехота и артиллерия, чтобы затем двинуться на Афганистан. Корнейль отправил срочные донесения джарнейлю ¹²², наиб-уль-хукуме ¹²³ и эмиру и распорядился, чтобы гарнизон привел оружие в полную боевую готовность, получил патроны и перековал лошадей. 21 июля (3 августа) афганцы начали стягивать в этом районе свои посты к Имам-Саиду и приступили к заготовке фуража и продуктов. Архивные документальные материалы свидетельствуют о том, что с началом русской мобилизации в афганских кишлаках, прилегающих к российским постам, были замечены офицеры, которые пытались разузнать подробности о происходящем у русских ¹²⁴. Население по обе стороны границы активно распространяло слухи о том, что Россия готовится к нападению на Афганистан.

Создавшееся на границе напряжение потребовало срочной связи с Ташкентом и Петербургом. Начальник штаба Туркестанского военного округа И.З. Одишелидзе в письме дипломатическому чиновнику при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семёнову сообщил 9 (22) августа 1914 г. о том, что «сведения о нашей мобилизации быстро проникли в Афганистан и настолько сильно беспокоили афганское правительство, что оно, по имеющимся сведениям, также приступило к мобилизации войск Гератского района»¹²⁵. Одишелидзе просил дипломатического чиновника через МИД и англичан принять срочные меры «для успокоения Афганистана и его правителя». Вместе с тем, штаб военного округа разослал командирам корпусов и начальникам пограничных бригад телеграммы, в которых потребовал быть готовыми «ко всякого рода случайностям, вплоть до отражения афганских поползновений силою оружия»¹²⁶.

Вскоре российские власти возвратили отряды пограничной стражи обратно. Было признано, что их удаление с мест постоянной дислокации серьезно беспокоило афганскую сторону и вызвало среди местного населения слухи, способные дестабилизировать обстановку на границе и в регионе¹²⁷. Население по обе стороны границы стало успокаиваться, не увидев со стороны России откровенно враждебных действий в отношении Афганистана¹²⁸.

Несмотря на то, что штаб Туркестанского военного округа в первые месяцы войны был «буквально завален» сообщениями об афганской мобилизации и подготовке эмирата к войне с Россией и Англией, большинство из них оказались слухами и дезинформацией. По данным разведки, составы афганских постов были увеличены, однако это произошло только на сухопутной границе, близкой к Персии. Вскоре в штаб ТуркВО поступили донесения разведчиков о том, что афганские части, ранее выдвинутые от Файзабада к Ташкургану, возвращены на свои места¹²⁹. Начальник Памирского отряда доложил о том, что «в северо-восточном Афганистане по-прежнему спокойно», что «население Афганистана не интересуется войной христиан в Европе»¹³⁰. Начальник штаба ТуркВО Одишелидзе в августе 1914 г. признал, что мобилизационные мероприятия Афганистана на северной границе «пока сводятся, по-видимому, лишь к подготовке его к обороне своей государственной целостности, и активных выступлений ожидать нельзя»¹³¹. В условиях начавшейся мировой войны 24 августа 1914 г. эмир Хабибулла-хан официально провозгласил нейтралитет Афганистана¹³².

Новая волна беспокойства хлынула на афганскую границу после известий о вступлении Турции в мировую войну на стороне Германии. В ряде населенных пунктов и крепостей Афганистана эти сообщения были встречены орудийными выстрелами, а собравшимся объявили, что турецкий султан выступил против англичан и русских, приглашая «афганцев примкнуть к нему и объявить священную войну»¹³³. Взаимная подозрительность на границе усилилась, с обеих сторон внимательно наблюдали друг за другом. 20 октября 1914 г. в подтверждение ухудшающейся ситуации начальник 7-го пограничного округа В.А. Нарбут получил донесение о секретном отправлении афганским правительством транспорта с оружием для раздачи населению кулябского и кургантюбинского бекств Восточной Бухары. На бухар-

ских базарах говорили о том, что на границе «русских солдат совсем мало, всего по 5—6 чел. на посту, что справиться с ними легко и что после того как Бухара восстанет, эмир афганский обещался придти в Бухару с войском (и) выгнать отсюда русских»¹³⁴.

Туркестанские власти в первые месяцы мирового кризиса отправили из региона на фронт основные воинские части, и их общее число, по свидетельству политического агента в Бухаре А.К. Беляева, оказалось «приблизительно вдвое меньше, чем было до войны». В этом, как считал Беляев, следовало усматривать «главную, если не единственную причину намерения афганцев напасть на нас». Он предлагал «как можно скорее увеличить гарнизоны, хотя бы и второстепенными войсками»¹³⁵. Все полевые части, ушедшие на фронт, вскоре были заменены ополченскими частями (236-й, 238-й, 240-й, 242-й и 243-й дружинами и 40-ой саперной полуротой), и на местах остались подразделения ОКПС¹³⁶. Туркестанское военное руководство несколько успокоилось, посчитав, что «войска снабжены достаточным боевым запасом», а «все гарнизоны по границе, будучи слабее качественно, ввиду преобладания ополченцев, усилены количественно»¹³⁷.

В ноябре 1914 г. генерал-лейтенант Нарбут посетил 31-ю Амударьинскую бригаду и объехал посты от Термеза до Чубека с целью проверки их службы. Пограничные бригады перешли в прямое подчинение командующему войсками (генерал-губернатору) и Военному министерству, но сохранялась опасность того, что они могут быть сняты с мест и переброшены на фронт, если ситуация этого потребует. Нарбут по результатам поездки сделал вывод, что этого делать нельзя, так как после некоторого затишья в первые месяцы войны снова оживились торговые отношения, и резко возрос поток контрабанды. По его мнению, следовало срочно посадить всех нижних чинов бригады на лошадей, обеспечив не только их сбор в сотни при объявлении новой мобилизации, но и активное преследование контрабандистов¹³⁸.

Напряжение на границе вновь стало расти после проникновения через Персию в Афганистан германо-турецкой миссии (1915 г.), пытавшейся склонить эмират к войне с Россией и Англией. Хотя ее нахождение в Кабуле и подписание тайного договора (январь 1916 г.) не отменили ранее объявленного афганского нейтралитета, приезд миссии подтолкнул к массовому бегству в эмират немецких и австрийских военнопленных из лагерей Туркестана и Бухары, ухудшая положение на границе. При этом военные власти Туркестана не исключали открытия афганцами военных действий против России под влиянием германо-турецкой агитации. Начальник штаба Туркестанского военного округа весной 1916 г. даже разослал телеграммы по пограничным пунктам, в том числе в Бухарском эмирате, требуя сообщить данные о количестве русского населения близ афганской границы. Власти готовились вывозить из этих мест русских поселенцев, которые могли первыми подвергнуться удару афганцев¹³⁹.

Нападение афганцев на Памирский отряд с началом мировой войны ожидалось каждый год, а в 1916 г. — в навруз (21 марта). Перед сумерками стали ежедневно снаряжать верховых, нередко джигитов, для патрулирования границы между Хорогом и афганской крепостью Кала-и-Барпандж, хотя этот вариант уже не считался надежным.

Ишкашимскому и Лянгарскому постам было предписано «усилить надзор за афганским берегом и обо всем необычном немедленно доносить» в Хорог ¹⁴⁰. О проведенных работах начальник отряда И.Д. Ягелло (1914—1917) доложил в марте 1916 г. в Ташкент: «В намеченных для взрыва дорог на афганском берегу местах частью уже произведены, частью производятся, с помощью отрядных саперов, необходимые скважины в скалах. С командами постов ведутся усиленные строевые занятия, и началось прохождение курсовой стрельбы». Под руководством старшего офицера отряда капитана Юнга был укреплен Хорогский пост: «домашними средствами» с помощью саперных работ были устроены «изгороди из колючей проволоки, волчьи ямы и фугасы-каменеты» ¹⁴¹.

При постоянных нарушениях границы афганскими киргизами наконец пришло понимание слабости и незащищенности постов на Памире, тем более что здесь не было никаких оборонительных сооружений ¹⁴². Однако в новых условиях с опорой на военный союз с англичанами тактические планы русских стали более решительными и смелыми. Начальник отряда полковник Ягелло 16 января 1916 г. представил окружному генерал-квартирмейстеру штаба ТуркВО план действий отряда в случае нападения афганцев. Ягелло считал, что на Памире нельзя занимать только оборону, так как афганцы в случае войны все равно получают преимущество и смогут захватить посты. По его мнению, при вступлении Афганистана в войну следовало «перейти самим в наступление», перекрыть перевалы и проходы в долины, выставив казачьи пикеты, и пока афганские посты недостаточно подкреплены, атаковать их и уничтожить соответствующими командами российских отрядов: афганский пост Кала-и-Барпяндж — командой Хорогского отряда, афганский Ишкашим — командой русского Ишкашимского отряда, а Кала-и-Пяндж и Сархар — командой Лянгарского отряда.

По мнению Ягелло, главная цель таких действий — «отрезать» афганский Вахан, представлявший собой природный узкий коридор, от остального Афганистана и «запереть» его для подходящих сил противника. Данный план при несравнимо меньшей численности отряда против возможно значительных афганских сил выглядел, даже с современной точки зрения, вполне успешным, так как блокировал часть афганской территории. Были надежды, что афганцы долго не смогут начать наступление на данном направлении. При этом начальнику отряда пришлось перераспределить имевшиеся шесть трехлинейных пулемета по западным постам (хорогскому, ишкашимскому и лянгарскому) и просить туркестанское руководство выделить еще хотя бы два пулемета для Памирского поста, оставшегося без них ¹⁴³. Туркестанский генерал-губернатор поддержал предложения начальника Памирского отряда, приказав усилить отряд взводом семиреченских казаков, которые в середине мая 1916 г. прибыли на Памир ¹⁴⁴ (хотя Ягелло просил увеличить отряд на 100 чел., он увеличился лишь на 30 ¹⁴⁵ и составил не более 220 чел.).

Напряжение на границе не спадало после начавшихся в 1916 г. волнений местного населения, активно поддержанных с афганской стороны. Новому генерал-губернатору Туркестана А.Н. Куропаткину (1916—1917), сменившему прежнего губернатора Ф.В. Мартсона

(1914—1916) и использовавшему жесткие меры против восставших, пришлось срочно укреплять и восстанавливать прежний уровень военных сил в регионе. На усмирение восставших царское правительство направило 14 батальонов, 33 казачьи сотни, 42 орудия, до 70 пулеметов ¹⁴⁶. Эти события окончательно убедили военное руководство не снимать пограничные войска с афганской границы, хотя их отсутствие чувствовалось на Восточном и Кавказском фронтах. До сих пор все оборонные мероприятия исходили лишь из внешней опасности, а теперь пришло понимание серьезной внутренней угрозы.

Февральская революция (1917 г.) в Петрограде и падение царского режима вызвали нарастающее беспокойство в пограничных частях. Революционные изменения не принял и ушел в отставку командир корпуса Н.А. Пыхачёв, передав служебные обязанности своему помощнику генерал-лейтенанту Г.Г. Мокасей-Шибинскому ¹⁴⁷. В Туркестане и в частях на афганской границе почувствовали ослабление взаимосвязи и взаимодействия с центральными структурами, усиление процессов дезинтеграции. Эти процессы активизировались и внутри, усиленные казалось бы неизвестно откуда появившимися в отрядах представителями революционно настроенных солдат и офицеров, на которых прежде не обращали внимания. Так, на Памире ими были подняты вопросы о необходимости отказаться от незаконно захваченной бухарской территории, вернуть ее Бухаре и даже уничтожить отряд как проявление старого царского режима ¹⁴⁸. Активно были поддержаны предложения разделить военные и гражданские функции управления Памирским районом, назначив для этого, наряду с начальником отряда, комиссаров. Однако, в первую очередь, резко обострились вопросы безопасности самих пограничников, оказавшихся во враждебном окружении, особенно в Бухарском эмирате и на Памире. Пограничники на афганской границе оставались на постах вплоть до конца февраля 1918 г., затем посты ввиду постоянных угроз и провокаций, в том числе со стороны коренного населения и начинающегося в ответ на Октябрьский переворот 1917 г. басмаческого движения, были сняты ¹⁴⁹. 30 марта 1918 г. Управление Отдельного пограничного корпуса ¹⁵⁰ было ликвидировано, и началось формирование уже новой советской пограничной системы.

Примечания

1. Подробнее см.: Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Военно-географическое обозрение. Т. 1. Ташкент. 1912, с. 15, 20—21; ПОСТНИКОВ А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). Памятники исторической мысли. М. 2001, с. 336.
2. Архив востоковедов Института Восточных рукописей РАН (С.-Петербург), ф. 115, оп. 1, д. 153, л. 2.
3. В работе часто используется термин «пограничник», ставший, однако, официальным лишь с января 1917 года.
4. Система руководства пограничными войсками была усложненной, так как пограничники относились к Министерству финансов, а генерал-губернатор края, одновременно являвшийся командующим всеми войсками округа, представлял Военное министерство. Руководство погранвойсками на границе с Афганиста-

- ном, по сути, осуществлялось двумя министерствами при ведущей роли в довоенный период Министерства финансов. Кроме того, существовала Амударьинская флотилия, осуществлявшая перевозку военных грузов. Первоначально она принадлежала Морскому министерству, а затем была передана военному ведомству.
5. В разные годы эту должность занимали С.Ю. Витте (1893—1903 гг.), Э.Д. Плесске (1903—1904 гг.), В.Н. Коковцов (1904—1905, 1906—1914 гг.), И.П. Шипов (1905—1906 гг.) и П.Л. Барк (1914—1917 гг.). С 13 июля 1914 г. звание шефа ОКПС было заменено на звание главноначальствующего над ОКПС. См.: На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М. 1998, с. 248.
 6. До Пыхачёва в 1893—1908 гг. на этой должности был Александр Дмитриевич Свинын (1831—1913).
 7. По данным исследователя Некрасова, штаб 7-го округа ОКПС с 1912 г. был переведен в Асхабад. См.: НЕКРАСОВ О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX — начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам). М. 2017, с. 128.
 8. При формировании Закаспийской бригады в ее состав вошли 5 отделов, 19 отрядов и 70 постов, всего — 1559 чел. (включая джигитов, штаб и обер-офицеров). В кн.: На страже границ Отечества, с. 248.
 9. Следует учитывать, что на афганской границе с обеих сторон было много постов с одинаковыми названиями.
 10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 1с, д. 3597, л. 108об.; ПЕТРОВ В.П. Теджено-Мургабский район. Т. 1. Ташкент. 1914, с. 82.
 11. На страже границ Отечества, с. 248.
 12. Как отдельный, отряд под командой штаба 2-го отдела был сформирован в 1910 году.
 13. В научной литературе неверно сообщается, что Богоракский отряд был сформирован в 1913 г. за счет внутренней перегруппировки сил ОКПС. См.: На страже границ Отечества, с. 248; ПЛЕХАНОВ А., ПЛЕХАНОВ А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893—1919). М. 2012, с. 327. В архивных материалах Богоракский отряд 31-ой Амударьинской бригады представлен в квартирных расписаниях Военного министерства уже с 1908 года. См.: РГВИА, ф. 2000, оп. 1с, д. 3586, л. 25—28. Также он есть в документах за 1910—1912 годы. См., например: Там же, л. 137—148об.; д. 3597, л. 43—55.
 14. Названные в списке посты до Босаги (1-ый отдел) не выходили непосредственно на афганскую границу, обслуживая границу Бухары, однако в 1913—1914 гг. власти начали переносить эти посты на границу с Афганистаном.
 15. КОВАЛЁВ Е.П. Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарской таможней Ковалёва по командировке 1907?года. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей, ф. 1000, оп. 2, д. 7610, л. 202—202об.; РГВИА, ф. 2000, оп. 1с, д. 3586, л. 13—13об, 25—28, 137—148.
 16. Категории таможенных учреждений на афганской границе в разные годы менялись. Данный список отражает 1910 год. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1910 год. СПб. 1912, ч. 1, табл. III, с. 14—15.
 17. Другое название — Тахтабазарская, единственная на границе Афганистана с Закаспийской областью, то есть вне бухарской территории.
 18. Следует учитывать, что бухарский берег Амударьи лишь условно принимался российской стороной за пограничную линию с Афганистаном, так как считалось, что все течение реки принадлежит Бухаре, а потому лишь афганский берег является такой границей. Однако российские дипломаты понимали спорность таких претензий, а потому эта тема была закрыта для публичных обсуждений.
 19. КОВАЛЁВ Е.П. Ук. соч., л. 201—203.
 20. ЦГА Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 29об.—30.
 21. КОВАЛЁВ Е.П. Ук. соч., л. 283об.
 22. ЛОГОФЕТ Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб. 1909, с. 51.
 23. ПОЧЕКАЕВ Р.В. Включение бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.). — Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016, № 3, с. 172—184.

24. Так как по Памирскому разграничению (1895 г.) у Бухары была отторгнута в пользу Афганистана значительная часть Дарвазского бекства, российское правительство в 1896 г. передало Бухаре взамен Шугнан, Рушан и Вахан, территории которых к северу от Пянджа по соглашению остались за Россией. Это привело к разделению памирской зоны на Западный (бухарский — Шугнан, Рушан, Вахан и Ишкашим) и Восточный Памир (туркестанское генерал-губернаторство). Подробнее см.: АБАЕВА Т.Г. Памиро-Гиндукушский регион Афганистана в конце XIX — начале XX века (очерк истории). Ташкент. 1987, с. 66; Непосредственно российская часть Памира начиналась от урочища Лянгар-Гишт и тянулась 300 верст до перевала Михман-юлы. На остальном пространстве (около 1000 верст) с Афганистаном граничила Бухара.
25. Отряд формировался из полков 2-й Туркестанской строевой бригады и 6-го Оренбургского казачьего полка (данные 1916 г.).
26. Подробнее см.: АЛЕКСЕЕВ А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. ИONOVA в Западный Памир (1894 г.). — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. Вып. 3. СПб. 2009, с. 76—90.
27. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1692, л. 73об.; Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Т. 491. Ташкент. 1908, с. 56.
28. Акташский пост, входивший в состав Памирского отряда, находился на левом берегу реки Аксу, против перевала Акташ.
29. По свидетельству О.В. Некрасова, первые, временные, отряды насчитывали более 200 чел., но год от года сокращались. НЕКРАСОВ О.В. Памирский отряд: охрана российской границы на «Крыше мира» и управление русскими Памирами. — Власть. 2017, № 1, с. 198; ЕГО ЖЕ. Русские пограничники на «Крыше мира»..., с. 72, 74.
30. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1895, л. 51об.; ф. 2000, оп. 1с, д. 3586, л. 3об.; ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 311, л. 71—71об.
31. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2167, л. 162.
32. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 311, л. 71—73.
33. Там же, л. 42в, г, е.
34. Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 980, л. 4.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 532, д. 374, л. 42в-д, з, 76.
36. Подробнее см.: ШАРАФИЕВА О.Х. Горный Бадахшан после распада СССР. — Вестник томского государственного университета. 2009, № 323, с. 194—196.
37. Период прямого бухарского правления на Памире длился 9 лет, с 1896 по 1904 год. ШОХУМОРОВ А. Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма. М.-Душанбе. 2008. с. 62.
38. Подробнее см.: СУМАРОКОВ Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. Дисс. канд. ист. наук. Бишкек. 2006, с. 59—60.
39. РГИА, ф. 1405, оп. 532, д. 374, л. 76.
40. Архив востоковедов..., ф. 124, оп. 1, д. 294, л. 5, 13.
41. БЯЛКОВСКИЙ (С.Н.). Афганистан. Военно-географическое и военно-статистическое описание. М. 1932, с. 7.
42. Афганистан. Мазар-и-Шерифский операционный район. Военно-географическое описание. Секретно. Издание Разведывательного отдела Ср.-Аз. Военного округа. Ташкент. 1935, экз. № 31, с. 79.
43. Разведчик. Журнал военный и литературный. 17.II.1909, с. 105. Подробнее о Логофете см.: БАСХАНОВ М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М. 2005, с. 142—143.
44. ЛОГОФЕТ Д.И. Ук. соч., с. 195—196.
45. Туркестанские ведомости. 14.XI.1907.
46. СНЕСАРЕВ А.Е. Афганистан. Географическо-политический очерк. СПб. 2013.
47. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2093, л. 90об.
48. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 4202, л. 150—150об.
49. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. Кн. 2. Русско-афганская граница. СПб. 1909, с. 4.
50. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2093, л. 90об.

51. Архив востоковедов..., ф. 115, оп. 1, д. 159, л. 47.
52. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за период с 1 апреля по 1 июля 1910 года, № 4—6. Ташкент. 1910, с. 19—21.
53. История вооруженных сил Афганистана, 1747—1977. М. 1985, с. 63.
54. Сводка сведений о сопредельных странах..., № 4—6, с. 19—21; ВАНЧЕНКО А. Афганистан и его вооруженные силы. М.-Л. 1928, с. 71.
55. История вооруженных сил Афганистана..., с. 62.
56. Статус военного начальника губернии.
57. Сводка сведений о сопредельных странах... с 1 июля по 1 октября 1910 г., № 7—9. Ташкент. 1910, с. 20—21.
58. СНЕСАРЕВ А.Е. Афганистан. Географическо-политический очерк. СПб. 2013.
59. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 2, с. 9.
60. Туркестанский сборник. Т. 543. Ташкент. Б.г., с. 4—7.
61. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 1626, л. 77.
62. Сводка сведений о сопредельных странах..., № 7—9, с. 47.
63. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 2, с. 17, 143, 145—152.
64. Архив востоковедов..., ф. 115, оп. 1, д. 64, л. 2 (пометка на полях). Кушкинский бой — столкновение с афганцами русского отряда во главе с генералом А.В. Комаровым из-за Кушки 18 (30) марта 1885 г.; Самоташский инцидент — столкновение русских казаков под руководством полковника М. Ионова с группой афганцев на Памире, в Само-таше, на берегу озера Яшиль-куль 24 июля 1892 г., в результате чего афганский офицер и пятеро солдат были убиты (у русских — три казака), а само событие подтолкнуло англичан к решению так называемого «Памирского вопроса». Подробнее см.: ГРУЛЁВ М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб. 1909, с. 82.
65. РГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 1506, л. 4. Разведанные штаба ТуркВО за июль-октябрь 1910 г. по-другому передают эту ситуацию: губернатор Герата Сарвар-хан, видимо с ведома Кабула, хотел арестовать Зарин-хана, но тот скрылся в неизвестном направлении. Сводка сведений..., № 7—9. Ташкент. 1910, с. 48. Есть также одиночные свидетельства того, что отставка Зарин-хана произошла после того, как эмиру донесли, что Зарин-хан был завербован русскими. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2103, л. 112—112об.
66. Правила об отдельном корпусе пограничной стражи, 1910. В кн.: Свод законов Российской империи. Т. 6. СПб. 1912, с. 143.
67. Лишь с 1926 г. пески Каракумов стали охраняться погранзаставами.
68. КОВАЛЁВ Е.П. Ук.соч., л. 202об.—203. По свидетельству Д.Н. Логофета, в Калайи-Хумбе до 1901 г. стоял российский пограничный пост, затем «уничтоженный по какому-то прискорбному недоразумению», и значительная территория в 350 верст до ближайшего поста Памирского отряда «оголилась». ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. Кн. 3. Бухарско-афганская граница. СПб. 1909, с. 194.
69. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 3, с. 194.
70. КОВАЛЁВ Е.П. Ук. соч., л. 206об.
71. Средства для переправы через реки. Имелись два типа каюков (паромов): небольшая двухвесельная плоскодонная лодка и крытое грузовое судно без палубы (ходило на веслах, под парусом и на бичеве).
72. Некоторые исследователи пишут об упразднении в конце XIX в. переправ через Амударью как источника доходов для бухарской казны. См., например: ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. Ук. соч., с. 178. На наш взгляд, это мнение не верно.
73. Гупсарями назывались надутые воздухом бараньи шкуры, соединенные попарно в виде плота. Надувались ртом и во время переправ нередко теряли свою плавучесть, приводя к человеческим жертвам.
74. ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 32—36. Шаугонская переправа содержалась на афганской стороне. Там же, л. 33об.
75. ЛОГОФЕТ Д.И. Страна бесправия..., с. 137.
76. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 465, л. 63—67.
77. АВП РИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 238, л. 10об.

78. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 465, л. 63—67.
79. Катер — помесь осла и кобылы.
80. Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 16об.—17об.; ф. И-9, оп. 1, д. 320, л. 30об.
81. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 2, с. 8.
82. Туркестанские ведомости. 25.XI.1911.
83. ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 16об.—17об.
84. РГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 1246, л. 14.
85. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 3, с. 63.
86. ПЛЕХАНОВ А., ПЛЕХАНОВ А. Ук. соч., с. 272.
87. Из архивных документов известны имена пограничников — Иван Косов и Панфил Леоненко. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 466-с, л. 8.
88. Туркестанские ведомости. 8.I.1912.
89. Вид плота из надутых кож животных.
90. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 465, л. 69.
91. Туркестанские ведомости. 30.X.1913.
92. ЦГА РУз, ф. 1, оп. 4, д. 1641, л. 8об.—9. Документы, в частности ЦГА РУз, свидетельствуют о том, что закаспийские власти в апреле 1912 г. задержали в Тахтабаза-ре афганца Нур Мамеда, который считался одним из подозреваемых в убийстве солдат Косова и Леоненко, и отправили его в Мерв для следствия. Однако мировой судья мервского уезда освободил его из-под стражи, посчитав обвинения недоказанными. Там же, ф. 2, оп. 2, д. 466-с, л. 8—9.
93. Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 15, 39—39об.
94. РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 181, л. 102об.
95. Свод законов Российской империи. Т. VI. Устав Таможенный. СПб. 1910, с. 200.
96. Свод законов Российской империи. В 16 томах и в 5 книгах. Т. 6. СПб. 1912, с. 176; ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 320, л. 16об.—17об.
97. Там же, ф. 3, оп. 2, д. 204-с, л. 297—297об.
98. КОВАЛЁВ Е.П. Ук. соч., л. 205—206.
99. Сводка сведений, добытых разведкой к 1-му августа 1913 г. Ташкент. 1913, с. 25.
100. ПЛЕХАНОВ А., ПЛЕХАНОВ А. Ук. соч., с. 290.
101. АВП РИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 162б, л.77.
102. АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга II. М. 1998, с. 75, 77, 90.
103. Сведения по Афганистану поступали в штаб ТуркВО от политического агента в Бухаре, российского представительства в Индии, офицеров Генштаба в Кашгаре и Кульдже. Важным агентурным центром по сбору сведений об Афганистане считался Мешхед (Персия, провинция Хорасан), где эту работу осуществлял полковник (с 1915 г.) Л.Н. Скурат, нередко пользовавшийся данными, предоставляемыми пограничными частями.
104. АВП РИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 162б, л. 43.
105. Архив востоковедов..., ф. 115, оп. 1, д. 164, л. 1—6.
106. Сводка сведений о сопредельных странах..., № 7—9, с. 40—41.
107. Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. Сб. архивных документов и материалов. М. 1999, с. 344.
108. Сводка сведений о сопредельных странах..., № 7—9, с. 40—41. О том, что привлечение солдат было откровенной провокацией афганцев, говорит тот факт, что никто из них в Афганистане оставлен не был: даже после встреч с эмиром все они были высланы по его распоряжению на территорию Индии, а на границе афганская охрана отобрала у них подарки, ранее сделанные эмиром.
109. ЦГА РУз, ф. 2, оп. 2, д. 465, л. 86.
110. ЛОГОФЕТ Д.Н. На границах Средней Азии..., кн. 3, с. 60—61.
111. ЕГО ЖЕ. Страна бесправия..., с. 72, 188—192.
112. РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 263, л. 10—10об.
113. АВП РИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», оп. 486, д. 236б, л. 131об.—132.
114. РГИА, ф.1278, оп. 6, д.1246, л.5—18.
115. Протяженность границы VI пограничного округа (штаб — в Тифлисе) составляла 2597 верст, а VII (граница с Персией и Афганистаном как сухопутная, так и по Амударье-Пянджу) — 2537 верст. Из них бухаро-афганский участок границы — 766 верст.

116. РГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 1246, л. 16, 18, 42—43.
117. Там же, л. 14—15, 52.
118. Территория Закаспийской области не доходила до Амударьи. Амударья, уходящая от границы с Афганистаном, резко поворачивала на северо-запад, оставаясь в пределах Бухарского эмирата, а потому сухопутный участок бухаро-афганской границы по левую сторону от реки оставался в зоне ответственности Амударьинской бригады.
119. РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 274, л. 15.
120. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2088, л. 37—37об.
121. Командир палтана, пехотного батальона в 600 человек.
122. Статус военного начальника губернии.
123. Официальный титул афганских гражданских губернаторов.
124. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2091, л. 24—24об, 27, 43—43об.
125. Английская агрессия в Афганистане, 1883—1917. Сб. документов (По материалам Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР). Ташкент. 1951, с. 254.
126. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2091, л. 56об.—59.
127. Там же, д. 2088, л. 37об.
128. Там же, д. 2091, л. 186.
129. Там же, д. 1893, л. 15.
130. Там же, д. 2093, л. 99.
131. Английская агрессия в Афганистане..., с. 254.
132. SYKES P. A History of Afghanistan. London. 1940, vol. 2, p. 246.
133. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 20 911, л. 344.
134. Там же, д. 2088, л. 14.
135. АВП РИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», оп. 486, д. 345, л. 38.
136. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1806, л. 153.
137. ЦГА РУз, ф. 3, оп. 2, д. 198, л. 176.
138. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 208, л. 37—38.
139. Там же, д. 1895, л. 64.
140. Там же, д. 1806, л. 131—131об.
141. ЦГА РУз, ф. 3, оп. 2, д. 198, л. 220об.
142. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Т. 3. Памирский район. Ташкент. 1912, с. 15.
143. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2167, л. 13—14.
144. Там же, д. 1895, л. 1об.; д. 2167, л. 125, 129об.
145. Там же, л. 14, 96.
146. РЕЙСНЕР И.М. Независимый Афганистан. М. 1928, с. 121.
147. ПОЛЯНСКИЙ М.В. Охрана и оборона границ Советской республики в 1917—1918 гг.: трудности становления. <http://e.lanbook.com/journal/issue/295628>.
148. РГИА, ф. 1405, оп. 532, д. 374, л. 71.
149. ПЛЕХАНОВ А, ПЛЕХАНОВ А. Ук. соч., с. 417.
150. 1 (14) января 1914 г. ОКПС было преобразовано в ОПК (Отдельный пограничный корпус).

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 94(47)(092)

Из истории просвещенной бюрократии в дореформенной России: Н.П. Чичагов

П.В. Фёдоров

Аннотация. В работе анализируется феномен просвещенной бюрократии внутри государственного аппарата дореформенной России. На основе реконструкции биографии действительного статского советника Никифора Петровича Чичагова (1790—1855) показана деятельность образованного чиновника на различных должностях государственной системы, в законотворческой сфере, а также в его стремлении найти инструменты воздействия на интеллектуальное общество.

Ключевые слова: бюрократия, чиновник, Николай I, либерализм, законодательная деятельность, государство, Россия, империя, Табель о рангах.

Abstract. The work analyzes the phenomenon of the enlightened bureaucracy within the state apparatus of the Russian Empire before the Great reforms. Based on the reconstruction of the biography of the *deystvitelnyy statskiy sovetnik* Nikifor Petrovich Chichagov (1790—1855) shows the activities of the educated state employee in various positions of the state system, in the legislative sphere, and also in his quest to find the tools impact on intellectual society.

Key words: bureaucracy, state employee, Nicholay I, liberalism, legislative activity, state, Russia, Empire, Tabel o rangah.

В 1978 г. П.А. Зайончковский в своей монографии «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» сделал немаловажный и новаторский для своего времени вывод о том, что российский чиновник в процессе своей эволюции становился более образованным. Об этом свидетельствовали как законодательные нормы Российской империи, так и статистические данные ¹.

В западной историографии, проявлявшей традиционно высокий интерес к истории российского чиновничества ², стало использоваться понятие «просвещенная бюрократия» для определения нарождающегося слоя государственных служащих, который отличался не только наличием образования, но и способностью иметь собственные идеологические установки. Обнаруживая связь этих ус-

Фёдоров Павел Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. E-mail: sever-nordica@yandex.ru.

Fedorov Pavel V. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher of the Presidential Library named after B.N. Yeltsin. E-mail: sever-nordica@yandex.ru.

тановок с умеренным либеральным реформаторством, американский историк российского происхождения Марк Раев считал, что первым «просвещенным бюрократом» в России был М.М. Сперанский, а чиновники-реформаторы последующих поколений унаследовали его подходы ³.

Идею «просвещенной бюрократии» восприняла отечественная историография и по-своему обогатила ее ⁴. Однако поскольку данный феномен изучался только на уровне высшей бюрократии, он не может быть признан полностью осмысленным. Не ясна граница проникновения этого явления вглубь государственного аппарата. Отсюда, вполне закономерно будут выглядеть вопросы к идейной направленности просвещенной бюрократии — была ли она вся исключительно либеральной, ищущей творческий выход в подражании западному образцу? Или на ней мог отразиться диапазон идейного дискурса, близкий славянофилам?

При изучении бюрократии важно учитывать всю сложную и многообразную картину, восстанавливать мельчайшие подробности и детали, присущие не только выдающейся, но и самой обычной, так сказать, «повседневной» персоне, что возможно на основе применения биографического, генеалогического и микроисторического подходов.

Новую почву для рассмотрения данной проблемы дает биография действительного статского советника Никифора Петровича Чичагова — государственного служащего среднего звена, оставившего свой след в истории России первой половины XIX века. Чиновничью нетипичность Н.П. Чичагова подметили еще составители энциклопедии Брокгауза и Ефрона, посвятившие ему несколько строк в статье «Чичаговы»: «Никифор Петрович Ч[ичагов], сотрудник Сперанского, занимался отечественной историей и оставил многочисленные рукописи» ⁵.

Представитель известного дворянского рода был родственником адмиралов Василия Яковлевича и Павла Васильевича Чичаговых. Н.П. Чичагову в каком-то смысле не повезло, и он остался в тени своих знаменитых родственников, притом, что судьба его оказалась незаурядной: он работал вместе с М.М. Сперанским в Государственном совете, выполнял важные правительственные поручения в Северо-Западном крае, Малороссии и Закавказье, участвовал в разработке законопроектов. Но более всего он выделялся среди чиновников тем, что не скрывал в себе патристически настроенной личности, увлекался написанием биографий деятелей русской истории, часть из которых вошла в две его книги ⁶.

Неимоверно затрудняют работу исследователей и отчасти объясняют, почему образы российского чиновничества в историографии нередко предстают такими безликими, специфические особенности, присущие источниковой базе того времени: во многих документах Никифор Петрович значится даже без упоминания инициалов.

Чичагов родился около 1790 г. в дворянской семье. Известно, что его дед, Василий Афанасьевич, в период царствования Елизаветы Петровны служил придворным конюшим ⁷. Отец, Пётр Васильевич, пошел по родительским стопам — стал рейтпажом, но рано умер ⁸. Никифор остался с матерью.

В Нерехтском уезде Костромской губернии находились имения Чичаговых. Рано женившись и заимев своих детей, Н. Чичагов не мог не чувствовать материальную стесненность, что заставляло его крайне болезненно относиться к вопросу раздела собственности, даже

участвовать в судебных разбирательствах вокруг наследства, оставшегося от старших родственников⁹. Судебные тяжбы с родной бабушкой, которая решила игнорировать материальные потребности внука, росшего без отеческого попечения, достигли Сената, но завершились не в пользу Чичагова¹⁰. Его состояние тем не менее медленно росло. Если в 1820 г. за ним числилось 2 души крепостных, то в 1853 г. — уже 57 душ крепостных и 1 дворовой¹¹. Известно также, что он владел недвижимостью в Санкт-Петербурге: первоначально деревянным домом, а в конце жизни уже престижным 2-этажным каменным особняком в Литейной части, на Сергиевской улице, который, правда, пришлось заложить в Государственном заемном банке¹². Росту состояния дворянина не могло не способствовать его успешное продвижение на государственной службе.

Закончил ли Чичагов учебное заведение, остается неизвестным. Мы знаем лишь, что 13 марта 1807 г. Никифор Петрович поступил на государственную службу в I Департамент Правительствующего Сената, как значится в формулярном списке, «из студентов Московской губернской гимназии»¹³. В условиях, когда далеко не все чиновники имели образование, данный факт должен был предоставить Чичагову по меньшей мере моральные преимущества после выхода указа от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассесоры и статские советники»¹⁴. Из Сената он вскоре был переведен в Главное правление мануфактур, а в 1811 г. — в канцелярию государственного контролера¹⁵.

Карьера Чичагова, впрочем, не представляла собой прямой линии. Его перебрасывали из одного ведомства в другое, повышая, правда, при этом чин за выслугу лет. В канцелярии государственного контролера он получил чин титулярного советника, а затем — коллежского ассессора¹⁶.

В 1819 г. новым местом службы чиновника на длительный период стал Святейший Синод, где он прошел путь от бухгалтера до правителя дел Комиссии духовных училищ и начальника отделения духовных дел греко-российского исповедания. При этом широко практиковалось совмещение. Так, до 1823 г. он продолжал работать в канцелярии государственного контролера. С 1825 по 1829 гг. совмещал должности правителя дел Комиссии духовных училищ и начальника отделения духовных дел греко-российского исповедания Святейшего Синода¹⁷. В 1829 г., получив чин статского советника, он был назначен помощником статс-секретаря Департамента законов Государственного совета, где тогда же работал М.М. Сперанский¹⁸. Причем, должность правителя дел Канцелярии духовных училищ Святейшего Синода сохранялась за ним до 1832 года¹⁹. В 1835 г. Чичагов был определен в число чиновников «для особых поручений» Министерства внутренних дел²⁰. В 1837 г. получил чин действительного статского советника²¹. Через 17 лет вышел в отставку, удостоившись к тому времени орденов Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени с императорской короной, а также знаком отличия за 40 лет беспорочной службы²².

Среди чиновников среднего уровня Чичагов отличался тем, что был допущен до участия в законотворческой деятельности. Специфи-

ка службы позволила ему постоянно совершенствовать свои знания в области российского законодательства и правовой практики, что не осталось незамеченным со стороны высшей бюрократии, привлекавшей его к выполнению ответственных государственных поручений.

Работая еще в канцелярии государственного контролера, в 1823 г. он был введен в состав Комитета для составления положения о подрядах и контрактах, в задачу которого входила разработка соответствующего законопроекта. Данный орган был образован в 1816 г. из представителей разных ведомств, но существовал чисто номинально. К 1827 г., когда о данном поручении вспомнили, оказалось, что из всех членов Комитета только Чичагов плодотворно работал над поставленной задачей, подготовив целый ряд предварительных материалов: «Краткое историческое обозрение узаконений о договорах, с казною заключаемых»; «Примечания о неудобствах в исполнении существующих узаконений о договорах»; наконец, проект нового Положения «О подрядах и контрактах, казною заключаемых». Эти тексты позволили начать процесс обсуждения и тем самым наполнить работу Комитета реальной деятельностью²³. Первоначальный проект подвергся переработке, в результате чего был подготовлен новый законопроект, получивший силу закона после прохождения всех инстанций и утверждения императором 17 октября 1830 г. в качестве положения «Об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казенных движимых имуществ»²⁴. За «труды по составлению проекта сего положения» Чичагов был удостоен императором денежной награды в размере 4 тыс. рублей²⁵.

В формулярном списке Никифора Петровича за 1835 г. есть отметка о том, что он «по Высочайшему повелению употреблен к производству дел в Комитете Министров с 22 декабря 1830 по 6 мая 1831 года», за что Николай I пожаловал ему бриллиантовый перстень²⁶. Содержание этого поручения неизвестно, но очевидно, что оно тоже представляло государственную важность.

После своего ухода из Государственного совета в Министерство внутренних дел Чичагов выполнял особые поручения на отдельных территориях Российской империи. С апреля по октябрь 1836 г. он находился при витебском, могилевском и смоленском генерал-губернаторе П.Н. Дьякове. Последний наградил Чичагова блестящей характеристикой за выполнение «разных многотрудных и немаловажных поручений»²⁷. Одно из них было связано с ревизией Витебского приказа общественного призрения. Большое количество ссуд, выданных приказом под залог недвижимого имущества, не возвращались кредиторами годами, а залоговая недвижимость не продавалась. По результатам проверки была выявлена внушительная сумма долга. Чичагов посчитал возможным устранить одну из причин, тормозящих процесс возвращения ссуд, за счет упрощения процедуры продажи просроченных имений: вместо положенных трех торгов он предложил обходиться одним²⁸. Видимо, чиновник, действительно, хорошо ориентировался в том, что можно было рекомендовать государственному механизму, поскольку его проект от 3 октября 1836 г. был поддержан всеми инстанциями феноменально быстро для огромной империи и уже 23 декабря 1836 г. приобрел силу закона²⁹.

Умение обращать свои знания на государственную пользу, способность вписываться в сиюминутные потребности аппарата не подвели Чичагова и во время командировки в Малороссию с декабря 1836 по сентябрь 1837 года. Вернувшись оттуда с положительным отзывом черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова ³⁰, Чичагов вскоре получил новое ответственное задание.

На сей раз ему предстояло работать в составе Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем. 9 января 1838 г. он прибыл в Тифлис ³¹. Проявить свои качества на новом поприще Чичагову довелось при подготовке различных документов, в частности, проекта о мусульманском духовенстве. Российскую власть интересовал данный вопрос, но все подготовленные к тому времени проекты не удовлетворяли из-за своей слабой проработанности. В своем проекте Чичагов выступал за сочетание широких прав мусульман и русской администрации, взяв за основу ту правовую модель, которая существовала среди мусульманского духовенства в российском Крыму. Он предложил способ избрания духовных чинов мирянами, предусмотрел роль в избрании представителей гражданской власти, обратил внимание на устройство школ при мечетях и т.д. Интеллектуальные качества в чем-то даже затмили в Чичагове чиновника, и он совершил нетипичный для государственного служащего поступок: сочинил особенную молитву, которой, по его мнению, должна была быть дополнена мусульманская церковная служба. При том, что проект Чичагова был признан более качественным по сравнению с предыдущими, он не нашел практического применения и остался без движения ³². Вместе с тем, свою основную задачу комиссия выполнила — положение «Об управлении Закавказским краем» было разработано и утверждено в качестве закона 10 апреля 1840 года ³³. Императорским решением Чичагов был удостоен денежной награды в размере 5 тыс. рублей ³⁴.

Погруженность в государственные дела приводила к тому, что Никифор Петрович был вынужден проявлять интерес к различным насущным вопросам права. Так, в бытность своей работы в Государственном совете (1829—1835) он занимался вопросом совершенствования законодательства о гражданском судопроизводстве. По его словам, целью этой работы было придание гражданскому судопроизводству «единообразного простейшего вида», упрощение судебных процедур и сокращение сроков рассмотрения дел ³⁵. Им была подготовлена записка «Об улучшении в гражданском судопроизводстве», к которой прилагалось историческое обозрение соответствующего законодательства ³⁶. Однако переход Чичагова в Министерство внутренних дел не позволил завершить работу сразу. Вернулся он к ней через много лет. Переработав эти документы, уже по личной инициативе, он направил их 14 февраля 1851 г. главноуправляющему II отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии Д.Н. Блудову, который не только отвечал за кодификацию законодательства, но и активно готовил почву для реформирования судебной системы ³⁷. Записка Чичагова вписывалась в эту тенденцию и в какой-то степени предвосхитила подготовку Устава гражданского судопроизводства 1864 года.

Служебные интересы Чичагова своеобразно переплетались с личным пристрастием к познанию русской истории. С начала 1830-х гг. в

свободное от службы время он занимался сбором материалов и подготовкой жизнеописаний русских деятелей. Со временем к данному занятию он стал относиться не как к праздному увлечению, а как к жизненно важной необходимости. По его словам, «цель здесь была указанием образцов славного служения Престолу и Государству, поселить к подвигам добродетели благородное соревнование, к человеческим слабостям снисхождение и осторожность»³⁸. Галерея отобранных Чичаговым персонажей под общим названием «Жизнь великих мужей России» пронизывала тысячелетний исторических пласт: в нее вошли жизнеописания древнерусских князей Олега и Владимира, Бориса Годунова, Петра Великого, А.М. Голицына, П.А. Румянцева, М.В. Ломоносова А.В. Суворова, М.И. Голенищева-Кутузова и других³⁹. Характеризовать данную работу можно только по косвенным источникам, поскольку в своем полном виде она не была издана, не были обнаружены и сами рукописи.

Труд был закончен к осени 1846 г., и 26 октября Чичагов обратился к главному начальнику III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии А.Ф. Орлову с просьбой передать рукопись Николаю I. По существовавшему в то время регламенту все литературные подношения императору должны были направляться только через Министерство народного просвещения. Прошли месяцы. Труд оставался без движения, но информация об этой просьбе достигла одного из влиятельнейших лиц в III отделении Л.В. Дубельта. 12 марта 1847 г. Чичагову даже пришлось оправдываться перед ним, что якобы направить рукопись императору через голову министра народного просвещения он решился не в нарушение регламента, а в связи с тем, что поднимаемые в труде вопросы соотносятся не столько с произведениями изящной словесности и науки, сколько с «высшими видами государственного благоустройства»⁴⁰.

24 апреля 1847 г. Чичагов напомнил Орлову о своей просьбе и вскоре узнал ответ, который его не обрадовал. Николай I не заинтересовался трудом Чичагова, поручив передать его для всеподданнейшего доклада министру народного просвещения С.С. Уварову⁴¹. Таким образом, круг замкнулся. Причины такой реакции, возможно, лежали в том, что император не жаловал гуманитарных творений, а за перевод на русский язык труда С. Гермбшtedта «Начертание технологии» мог удостоить его переводчика Ф.А. Рейнбота бриллиантового перстня⁴².

Граф Уваров, который должен был чувствовать раздражение от выходки действительного статского советника, передал рукопись в Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Отзыв был подписан группой академиков — филологом И.И. Давыдовым, богословом И.С. Кочетовым и писателем П.А. Плетнёвым. Как и следовало ожидать, мнение было крайне критичным. По существовавшим традициям, общественность была еще не готова принять в чиновнике среднего уровня начитанную и образованную личность. Автора историко-биографического труда обвинили в подражании Н.М. Карамзину, отсутствии новизны и художественности⁴³. Вопросы исторического знания в отзыве не поднимались в принципе. Думается, не последнюю роль в этом сыграл подбор рецензентов, не являвшихся историками.

Чичагов явно был расстроен, и в письме к А.Ф. Орлову от 12 октября 1847 г., пытаясь найти поддержку, писал: «Если эти замечания были справедливы, я бы своей пользы постыдился бы доводить их до сведения Вашего сиятельства»⁴⁴. Вскоре созрел план напечатать в петербургской типографии Министерства внутренних дел две книги, благодаря которым мы имеем возможность познакомиться с некоторыми частями обширного труда Чичагова, — «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина» (1848) и «Жизнь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского» (1849).

Не приходится сомневаться в том, что сильное влияние на автора, как и на всю российскую читающую публику того времени, действительно, могла оказать «История государства Российского» Карамзина. Однако формы этого влияния представляются не такими простыми: речь идет не только о прямом заимствовании карамзинского текста или его переложении на новый лад (о чем писали в своем отзыве академики), но и о том, что автор вслед за Карамзиным проникся уважением к документальному источнику.

Жанр научной биографии еще только зарождался в России. Куда больше были распространены подготовительные материалы к написанию биографий, которые в результате переработки могли стать литературными в своей сущности произведениями⁴⁵ (почему и сам труд Чичагова был направлен в Отделение русского языка и словесности). Между тем, свою задачу Чичагов определял больше в научной, нежели в художественной области. В предисловии к первой книге он писал, что счел необходимым провести сличение летописных свидетельств с «государственными бумагами», чтобы «поправить... ошибки для пользы истории как науки»⁴⁶. Пользуясь «Собранием государственных грамот и договоров», другими документальными источниками, автор в духе Карамзина сопровождал свое повествование обильными примечаниями, в которых он уточняет или дискутирует (в том числе и с самим Карамзиным) по ряду исторических вопросов. Небезынтересно и то, что Чичагов изначально отказался показывать жизнь своих персонажей только в зените их деятельности. Будучи верным биографическому подходу, он старался дать их жизнеописание как можно шире, на основе чего исследовать глубинную сущность их натуры. Заметно и его желание включить персонаж в контекст эпохи. Вторую свою книгу он даже сопроводил своеобразным приложением, посвященным объяснению причин Семилетней войны и характеристике той обстановки, в которой был вынужден действовать генерал-фельдмаршал Румянцев-Задунайский⁴⁷.

Журнал «Отечественные записки» поместил на первую книгу Чичагова небольшую рецензию, из которой совершенно ясно улавливался смысл — издание может рассчитывать на успех публики. «Очень приятно, — писал анонимный рецензент, — что г. Чичагов, успел восстановить из отрывочных и темных намеков летописей и грамот остальную жизнь князя Пожарского после освобождения Москвы и поставить на вид интриги большинства Боярской Думы, постоянно вредившей Пожарскому до самого возвращения из плена митрополита (впоследствии патриарха) Филарета». Понравился критику и язык повествования: «эти биографии изложены последовательно, ясно», прочитаны «с удовольствием»⁴⁸.

Вопрос, который закономерно возникает в процессе биографического исследования, связан с выявлением той внутренней мотивации, которая могла заставлять Чичагова заниматься несвойственной для чиновника дореформенной России деятельностью. Конечно, к числу этих факторов должны быть отнесены ценностные установки Никифора Петровича, полученные в процессе воспитания и образования. Думается, немаловажно было влияние и образца — пришедшей в структуры власти новой формации чиновников во главе со Сперанским.

Но мог быть у него еще один, скрытый, механизм действий. В 1834 г. из России эмигрировал его дальний родственник адмирал Павел Васильевич Чичагов, крупный государственный деятель, бывший морской министр и военачальник, попавший в опалу вскоре после Отечественной войны 1812 года. Этот скандал породил много слухов в высшем свете и, думается, доставил немало переживаний семье Чичаговых. Внезапный уход Никифора Петровича из Государственного совета 23 апреля 1835 г. официально обосновывался его «расстроеным здоровьем»⁴⁹, но фактически мог быть спровоцирован неприятностями с дальним родственником (тем более, что через месяц, 23 мая, уволенный чиновник будет принят на работу в Министерство внутренних дел⁵⁰). В письме к сыну Михаилу от 19 февраля 1847 г. Чичагов настоятельно рекомендовал ему «меньше говорить», опасаться людей, распространяющих злонамеренные слухи. В качестве примера привел обвинения, направленные против покойного графа Сперанского⁵¹. В другом письме от 26 февраля 1847 г., рассказывая сыну о похоронах князя И.В. Васильчикова, Никифор Петрович с сожалением заметил: «после князя А.Н. Голицына и графа Головина я в течение трех лет теряю третьего человека, расположением коего пользовался»⁵².

Чувствуя уязвимость своего общественного статуса, Чичагов, наряду с потребностью в самоизоляции от общества, мог иметь и противоположное стремление к личному раскрепощению, адаптации в общественной среде своих патриотических и верноподданнических убеждений. Средства к этому он черпал в способностях, которыми был наделен.

Умер Чичагов 23 апреля 1855 г. в возрасте 65 лет от холеры⁵³. Похоронен при церкви Св. Екатерины в селе Мурине под Санкт-Петербургом⁵⁴. Ныне эта церковь сохранилась, но место захоронения Чичагова здесь ни чем не отмечено.

Приверженность государственному служению Чичагов передал своим детям (а их у него с супругой Анной Васильевной было не меньше 12). Все шесть выросших сыновей Никифора Петровича, по данным на 1853 г., состояли на службе⁵⁵. Александр работал в одном из департаментов Морского министерства, позже в качестве директора типографии этого ведомства печатал произведения И.А. Гончарова⁵⁶. Пётр служил в Екатеринославском губернском правлении, Виктор — в канцелярии Санкт-петербургского военного генерал-губернатора, Михаил, Владимир и Ростислав служили в армии. То же призвание унаследовали и следующие поколения потомков Чичагова, в особенности его внуки по линии сына Михаила: Николай Михайлович стал военным губернатором Приморской области, а Леонид Михайлович

после блестящей военной карьеры принял монашеский постриг с именем Серафим⁵⁷. Достигнув на духовной службе сана митрополита Ленинградского и Гдовского и выйдя на покой, он погиб в 1937 г. за христианские убеждения на Бутовском полигоне, за что был причислен Русской Православной Церковью к лику святых как священномученик. Некоторые документы своего деда, доставшиеся ему от отца, митрополит Серафим бережно сохранил в семейном архиве, который находится теперь в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Примечания

1. ЗАЙОНЧОВСКИЙ П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978, с. 29—34.
2. БОЛЬШАКОВА О.В. Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии. В кн.: Бюрократия и бюрократы в России в XIX—XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29—30 мая 2008 г. М. 2008, с. 81—88.
3. RAEFF M. Michael Speransky: Statesman of imperial Russia, 1772—1839. The Hague. 1957.
4. БРЕЖНЕВА С.Н. Либеральная бюрократия и «Великие реформы» 60—70-х гг. XIX в. В кн.: Бюрократия и бюрократы в России в XIX—XX веках, с. 100—107; ТОМСИНОВ В.А. Сперанский. М. 2006.
5. БРОКГАУЗ Ф.А., ЕФРОН И.А. Энциклопедический словарь. В 86 томах. Т. XXXVIII. СПб. 1903, с. 887.
6. ЧИЧАГОВ Н.П. Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб. 1848; ЧИЧАГОВ Н.П. Жизнь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского. СПб. 1849.
7. ЮЛИН В.А. Род Чичаговых. Б/м. Б/г, с. 5 (в приложении к брошюре родословное древо дворянского рода Чичаговых).
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1398, оп. 1, д. 7171, л. 1—29.
9. Там же, ф. 1330, оп. 6. 1850 г., д. 319.
10. Там же, ф. 1398, оп. 1, д. 7171, л. 1—29.
11. Там же, ф. 1349, оп. 4. 1820 г., д. 2, л. 23—26; ф. 1162, оп. 7, д. 1231, л. 35.
12. Там же, оп. 4. 1840 г., д. 144, л. 212об.; оп. 5, д. 4885, л. 243об.; ф. 218, оп. 3, д. 1053, л. 9—10, 15.
13. Там же, ф. 1349, оп. 4. 1824 г., д. 14, л. 11.
14. ПСЗ-II, № 23 771.
15. РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 1231, л. 35—40.
16. Там же.
17. Там же, ф. 796, оп. 106, д. 1451, л. 2, 5.
18. Там же, ф. 1162, оп. 7, д. 1231, л. 35—40; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1831 г. СПб. 1831, ч. 1, с. 89.
19. РГИА, ф. 796, оп. 113, д. 448а, л. 4; ф. 797, оп. 4, д. 17 417, л. 1—6.
20. Там же, ф. 1349, оп. 4. 1840 г., д. 144, л. 218об.
21. Там же, л. 222.
22. Там же, ф. 1349, оп. 5, д. 4885, л. 243—254.
23. Там же, ф. 1149, оп. 1. 1828 г., д. 21, л. 2—5, 16—99.
24. ПСЗ-II, № 4007.
25. РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 1231, л. 18.
26. Там же, л. 21, 38об.
27. Там же, ф. 1349, оп. 4. 1840 г., д. 144, л. 219об., 220об. (смещение нумерации).
28. Там же, ф. 1287, оп. 24, д. 415, л. 1—6.
29. ПСЗ-II, № 9809.

30. РГИА, ф. 1349, оп. 4. 1840 г., д. 144, л. 220об., 222 (смещение нумерации).
31. Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 41, л. 6.
32. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в. М.-Л. 1937, ч. II, с. 365—366.
33. ПСЗ-II, № 13 368.
34. РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 4885, л. 252об.
35. Там же, ф. 1250, оп. 1. Бумаги Д.Н. Блудова, д. 64, л. 235.
36. Там же, л. 235.
37. Там же, л. 235—278.
38. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 109, оп. 1. 2-я экспедиция. 1847 г., д. 98, л. 5.
39. Там же, л. 16—21.
40. Там же, л. 1—2.
41. Там же, л. 4, 9, 10.
42. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 536, оп. 6, д. 3753, л. 3об.
43. ГА РФ, ф. 109, оп. 1, 2-я экспедиция. 1847 г., д. 98, л. 16—21.
44. Там же, л. 13.
45. ПАНИН С.В. Жанр биографии в русской литературе XVIII — первой трети XIX вв.: Истоки, формирование, типология: Автореферат дисс. канд. филол. наук. М. 2002.
46. ЧИЧАГОВ Н.П. Жизнь князя Пожарского, с. 1.
47. ЕГО ЖЕ. Жизнь генерала-фельдмаршала, с. I—XIV.
48. Отечественные записки, 1848, т. LX, отд. VI, с. 13—14.
49. РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 1231, л. 29.
50. Там же, ф. 1349, оп. 4. 1840 г., д. 144, л. 218об.
51. Отдел рукописей РГБ (ОР РГБ), ф. 333, оп. 1, д. 53, л. 3—4.
52. Там же, л. 1—2.
53. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 341, л. 361об.—362.
54. Русский провинциальный некрополь. М. 1914, с. 941.
55. РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 4885, л. 245.
56. ВДОВИН А. Издательская экономика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство). — Новое литературное обозрение. 2013, № 124.
57. ЮЛИН В.А. Ук. соч., с. 8—9.

Советские выборы 1960-х гг. как механизм взаимодействия власти и населения

А.А. Фокин

Аннотация. 1960-е гг. характеризовались трансформацией взаимодействия между властью и обществом. Правительство переключилось на организацию и интенсификацию каналов политической коммуникации, создание областей и ниш для вовлечения отдельных лиц в сферу сотрудничества и участия в осуществлении руководства. Одним из механизмов, который использовался для укрепления доверия между правительством и обществом, был институт выборов.

Ключевые слова: выборы, депутаты, Советы, власть и общество.

Abstract. The 1960s were characterized by the transformation of interactions between the government and the society. The government shifted to the arrangement and intensification of political communication channels, the organization of the areas and niches for the engagement of the individual into the field of cooperation and participation in the exercise of power. One of the mechanisms that were used for the reinforcement of trust between the government and the society was the institution of elections.

Key words: election, deputies, the Soviets, government and society.

После Великой Октябрьской социалистической революции формально вся власть в стране перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Население, за исключением пораженных в правах, через систему выборов должно было избирать их представителей как на местном, так и на союзном уровне. Но фактически сразу стала складываться сложная партийно-государственная система, при которой большевики стремились полностью контролировать Советы и влиять на итоги выборов. Советская избирательная система, как между Сциллой и Харибдой, находилась между народовластием и подконтрольностью. Именно контроль со стороны партийных органов привел к ситуации, когда советские выборы воспринимались как ширма, за которой скрывалась тоталитарная диктатура узкой группы лиц. Безальтернативность, почти 100% явка и единодушное голосование за кандидатов только усиливали подобную точку зрения. На мой взгляд, изучение феномена советских выборов, особенно в 1960-х гг., может скорректировать представление о советской политической жизни.

Фокин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». E-mail: aafokin@yandex.ru.

Fokin Alexander A. — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of the History of Russia and Foreign Countries Chelyabinsk State University. E-mail: aafokin@yandex.ru.

Особенностью данного хронологического периода являлась трансформация взаимоотношений власти и общества. Партийно-государственный аппарат переходил к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении власти. Все это способствовало формированию «режима эмпатии», который не табуировал и отвергал, а принимал и реагировал на индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина¹. Результатом данной политики стал рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация в хрущевское и брежневское время. Схожие идеи высказывает и А. Юрчак в своей книге², рассуждая о последнем советском поколении. Он пишет о гармонии амбивалентностей в позднем социализме, которые не были антагонистами, а обеспечивали целостность и гибкость системы. В свою очередь Э. Кулевиц отмечает: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме “обратной связи” с обществом»³. Но если в 1920—1930-е гг., в силу разных причин, партийно-государственный аппарат зачастую прибегал к мобилизационным практикам и активно применял насилие, то в 1960-е гг. ситуация менялась и появлялась потребность в иных инструментах. Изучение организации и проведения выборов в СССР может быть своеобразной лакмусовой бумажкой, которая и продемонстрирует специфику данного периода.

Выборы в СССР можно разделить на общественные, партийные, только для членов КПСС, и государственные, в которых участвовало практически все население страны. Партийные выборы осуществлялись согласно Уставу КПСС (в данном случае в редакции XXII Съезда КПСС), в котором была зафиксирована выборность всех руководящих должностей снизу доверху. Этот принцип воспринимался как база для внутривнутрипартийной демократии. Государственные выборы состояли из выборов народных судей и выборов в Советы разного уровня. Верховный Совет СССР состоял из Совета Союза и Совета Национальностей, куда избирались прямым тайным голосованием. Именно данным выборам и уделяется внимание исследователей. На мой взгляд, Верховный Совет, прежде всего, играл роль своеобразного Земского собора, основной функцией которого было усилить легитимность принимаемых решений, хотя при этом он занимал важное место в пространстве советской публичной политики. Вот как описывает свои впечатления один из депутатов — агроном М. Полукарова: «И вот иду я по Кремлю. Вижу среди незнакомых лиц такое знакомое. Конечно же, Леонид Ильич Брежнев. Слегка улыбается. Поздоровался. Не сразу отошел, поинтересовался, откуда приехала. Вернусь в село, будет, о чем рассказать. Впечатлений много! Ведь вот как получается, там в нашей Алексеевке, за делами да за работой я и представить себе не могла, как высоко ценят в Москве наш труд. А тут всем сердцем своим ощутила. Выходят на трибуну члены нашего правительства, поднимаются простые люди, о счастье говорят. А у меня слезы по щекам. Это от радости плачу я. Да разве ж только я?»⁴ В свою очередь, выборы в местные Советы остаются неизученными, хотя именно низовые структуры, формально не обладая широкими полномочиями, имели более тесный контакт с населением и поэтому несли большую ответственность за свои решения.

Говоря о системе выборов в Советы, необходимо затронуть правовую сторону вопроса. Основными документами, регламентировавшими избирательный процесс, были Конституция СССР, Положение о выборах в Верховный Совет СССР (1950 г.), а также Положение о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР (1950 г.). Стоит отметить, что разница между положениями об

избирательном процессе в Конституции 1936 г., Проекте Конституции 1964 г. и Конституции 1977 г. не была принципиальной. В трех документах выборы объявлялись всеобщими, прямыми, равными и тайными. В Конституции 1937 г. возраст кандидата начинался с 23 лет, в Проекте этот пункт не указан, а в Конституции 1977 г. гражданин получил право избираться с 21 года. В свою очередь при работе с разного рода обращениями граждан можно встретить предложения об увеличении возрастного ценза, чтобы депутатами становились люди, имеющие жизненный опыт. Особенностью Проекта 1964 г. являлась норма об обновлении состава депутатов на одну треть, что вписывалось в хрущевскую доктрину правовой ротации кадров. Положения о выборах в СССР и РСФСР практически полностью дублировали друг друга. В них были прописаны порядок формирования списков избирателей, избирательных округов и комиссий, выдвижения кандидатов, порядок голосования, принципы определения результатов выборов.

Организацию выборов на местах можно рассмотреть в рамках Челябинской области 1966 года. После объявления избирательной кампании бюро обкома 15 апреля приняло постановление «Об организаторской и массово-политической работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» и утвердило план мероприятий. Далее прошло совещание с заведующими городских и районных комитетов. Было образовано 11 избирательных округов по выборам в Совет Союза и 1 по выборам в Совет Национальностей. С 13 по 18 апреля прошли собрания трудовых коллективов по выдвижению кандидатов в члены окружных и участковых избирательных комиссий. В них вошло 17,5 тыс. чел., из которых 49,3% составляли женщины и 46,6% беспартийные. С апреля по май проходило выдвижение кандидатов в депутаты, в котором приняло участие порядка 76 тыс. человек. 6—7 мая на окружных предвыборных совещаниях кандидатуры кандидатов одобрили, а также избрали 3878 доверенных лиц, которые должны были представлять кандидатов на местах. Горкомы, райкомы и первичные партийные организации развернули массово-политическую работу среди избирателей. В области было открыто около 2 тыс. агитпунктов и работало около 56 тыс. агитаторов ⁵.

Весьма интересен список кандидатов в Верховный Совет СССР от Челябинской области. В Совет Национальностей делегировался маршал Советского Союза К.С. Москаленко, в Совет Союза по округу 345 — монтажница Челябинского радиозавода Е.Н. Портнягина, по округу 346 — первый секретарь горкома М.Г. Воропаев, по округу 347 — директор ЧТЗ Г.В. Замченко, по округу 348 — министр оборонной промышленности А.С. Зверев, по округу 349 — телятница Боровинского совхоза Е.А. Лаптева, по округу 350 — машинист комбайна шахты №46 треста «Копейскуголь» Г.Д. Андреев, по округу 351 — первый секретарь обкома Н.Н. Родионов, по округу 352 — сталевар ММК Н.Д. Аверьянов, по округу 353 — директор УрАЗ В.А. Грушкин, по округу 354 — сдатчица огнеупорных изделий завода «Магнезит» А.И. Цветкова, по округу 355 — председатель облисполкома И.П. Гайворонцев. Можно выделить три группы кандидатов: представители партийного аппарата, руководство предприятий (интересно, что среди кандидатов нет директора ММК, который в Челябинской области всегда играл очень значимую роль), делегаты из народа — представители рабочего класса. В силу специфики области отсутствуют представители интеллигенции в лице работников культуры, образования, медицины или инженеров. Естественно, что все кандидаты были выбраны в члены Верховного Совета СССР.

Безальтернативность выборов в сознании многих советских граждан вступала в противоречие с провозглашаемыми принципами советской демократии и народовластия. Так, подводя итоги выборов, партийные органы многих облас-

тей отмечали, что среди надписей на бюллетенях встречались критические, например: «Не удовлетворяет система выборов. Из кого выбирать? К чему голосование? Кандидаты в депутаты фактически назначаются сверху. Зачем эти выборы, ведь управляет всем КПСС? Мы зря тратим время на выборы, так как депутаты местных Советов в высших инстанциях не имеют веса и авторитета»⁶. Некоторые предлагали зафиксировать принцип альтернативности выборов в Конституции СССР: «В организации и проведении выборов наблюдается некоторая формальность, так как по избирательному округу выдвигается, как правило, один кандидат в депутаты. Слово выборы означает, что из многих лучших надо выбрать одного, из лучших — лучшего, а кого выбирать, если имеется один кандидат. В период выдвижения кандидатов нет обсуждения его деловых качеств. Об отрицательных сторонах умалчивается. То же самое можно сказать о материалах, помещенных в газете. Интереснее будут проходить выборы, если по каждому избирательному округу будет выдвигаться не меньше двух кандидатов в депутаты. Вот поэтому я предлагаю записать это в статье 99»⁷.

Рабочие-ветераны завода тяжелого машиностроения г. Иркутска Д. Афиногенов и О. Маргуков призывали к существенной перестройке советской политической системы: «Число избираемых депутатов резко сократить, так как из-за большой численности их сейчас теряется сам смысл Советов. Советы депутатов — орган власти, где принимаются решения на основе обсуждения. Каждый избираемый депутат должен иметь возможность участвовать в обсуждении дел и высказываться. Сейчас из-за многочисленности депутатов этого нет, почему и получается, что большинство депутатов ездит на сессии попричастствовать и рассматривает свои поездки как экскурсионные. В данное время Советы не имеют должного веса и авторитета, так как их подменяют ЦК обкомов и райкомов партии. Из-за этого большая часть депутатов местных Советов да и республиканских — инертна. Партийное влияние в Советах должно осуществляться через партфракции, а не через комитеты партии»⁸.

Вслед за советскими гражданами схожую точку зрения переняли и исследователи, рассматривая выборы как политический спектакль. Но если не ограничиваться поверхностным взглядом и проникнуть за кулисы, то можно обнаружить весьма интересные подробности. Так, одним из важных вопросов являлся принцип отбора кандидатов. На выборах местных Советов РСФСР в 1967 г. было выбрано 1 080 028 кандидатов. Для советской политической системы важным аспектом было обеспечить представительство разных групп, что осуществлялось чрез систему неофициальных квот. Можно отметить, что в СССР, несмотря на почти полное отсутствие женщин на руководящих постах, в системе Советов осуществлялся принцип гендерного представительства, поскольку женщины должны были занимать около 45—50% депутатских мест. Свои пропорции существовали для рабочих и колхозников, которые выступали как основа государства, а также беспартийных и комсомольцев, что должно было подчеркнуть всенародный характер советской власти и отсутствие партийной диктатуры.

Если вернуться к кандидатам в депутаты Верховного Совета, то часть из них выдвигалась в силу своей должности и положения. Но по какому принципу из всех рабочих и колхозниц выбирали тех, кто поедет в Москву или будет работать в местных Советах? Можно говорить, что голосование было только завершающей частью сложного избирательного процесса в рамках советской демократии. Процедура отбора наиболее достойных кандидатов основывалась на требованиях, которые выдвигались к потенциальным кандидатам, в свою очередь борьба велась не за голоса избирателей, а за определенный символический капитал. Человек, который более всего соответствовал идеальному типу депутата в рамках поля советской политики получал одобрение как со стороны

властных институтов, так и со стороны населения. Режим, не имея возможности широко использовать насилие и менять правила игры, одним из каналов легитимации видел именно отождествление власти с наиболее достойными людьми. Челябинский обком отмечал, что «отдельные горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации невнимательно отнеслись к подбору отдельных кандидатов, заблаговременно не выяснив отношение коллектива к рекомендуемым товарищам. Вместе с тем это свидетельство возросшей требовательности избирателей к деятельности депутатов»⁹. Необходимым требованием к кандидатам в депутаты было одобрение коллективами, то есть они, по сути, выбирали до выборов, а в день голосования просто официально подтверждали свое решение.

Главным критерием являлись успехи в профессиональной сфере. Поскольку депутат был лицом советской власти и представлял ее как на заседаниях, так и на рабочем месте, он всегда должен был быть примером для остальных. Поэтому самые дисциплинированные и успешные рабочие, колхозники, интеллигенты выдвигались в ряды депутатов. Если человек являлся передовиком производства или ударником коммунистического труда, то его шансы на включение в ряды депутатов Советов существенно возрастали. Не менее важным критерием являлось участие в жизни общества. «Избиратели хотели видеть в депутате не только передового труженика, но и активного общественника, способного наиболее полно решать задачи, стоящие перед Советами»¹⁰. Так, кандидатуру товароведа А.Н. Томлиной отвели за пассивность в общественной жизни коллектива¹¹. Предполагалось, что человек не будет просто отсиживать срок своих полномочий в Совете, он должен активно работать на благо советского народа. Третий критерий — это моральная чистота: депутат, подобно жене Цезаря, должен был быть вне подозрений, любой сомнительный факт мог стать поводом для снятия кандидатуры. Так, на выборах 1969 г. несколько кандидатов, предложенных местными органами власти, были отклонены: «Были случаи, когда на собраниях выявлялось, что отдельные из рекомендованных товарищей при повседневном общении в коллективе допускали грубость, проявляли высокомерие, зазнайство»¹². На собрании коллектива Южноуральского ремонтно-механического завода при выдвижении кандидатом в депутаты городского Совета была заменена кандидатура М.И. Смолина — председателя Горплана — за грубость и высокомерие. За неправильное поведение и потерю личного авторитета был освобожден от должности председателя Карталинского горисполкома Н.А. Столповский. Кандидатура председателя Медведевского сельского Совета А.К. Серкина была снята за злоупотребление служебным положением и присвоение денег¹³. ... Еще один кандидат был отклонен, поскольку его отец в 1943 г. был старостой»¹⁴. Как видно, причиной снятия кандидатуры могли быть не только личностные недостатки, но и факты биографии родственников. Действенным оружием в этом плане был компромат: в 1969 г. 85 кандидатов были сняты в связи с компрометирующими материалами, а всего было отклонено 1013 человек¹⁵.

Необходимо отметить, что, несмотря на стремление партийно-государственного аппарата укомплектовать штат наиболее сознательными гражданами, особенно на местах, это было сложно сделать из-за дефицита кадров. Одной из больших проблем в плане формирования облика власти было поведение отдельных руководителей. Газеты, обкомы и даже центральные органы получали множество жалоб от населения на начальство разного уровня. Наиболее частые обвинения — использование служебного положения в личных целях, взяточничество, алкоголизм и моральное разложение. Судя по письмам, в некоторых отдаленных районах могли складываться почти авторитарные режимы, когда

председатель колхоза договаривался с милицией и вышестоящими органами и чувствовал себя полноправным хозяином: «Если придет колхозник к председателю поговорить о своих делах, то председатель избегает его и посадит на 15 суток, кроме того, он имеет мелкокалиберную винтовку и, как только пьян, стреляет в любого. Мы жаловались и в районное управление, и в райком, но до области наши письма вообще не доходят, их еще на почте не пропускают. Когда обратились с жалобой к председателю райсельхозуправления, он ответил, что поставить на место Аношкина некому»¹⁶. Естественно, что такое поведение руководства дискредитировало всю систему советской власти, но зачастую подобные руководители оставались на своих постах. Схожую ситуацию можно наблюдать и среди депутатов Советов. Во многих случаях кандидатов выдвигали просто в силу необходимости заполнить места в выборных органах. Есть данные о том, что многие кандидаты сами снимали свои кандидатуры без объяснения причин. Постоянной головной болью для местных органов власти были неожиданные смерти кандидатов, которым необходимо было в срочном порядке искать замену. А на собраниях вместо рекомендованных кандидатов могли быть выдвинуты и поддержаны совершенно другие люди.

Следующим этапом в избирательном процессе было само голосование, которое также не обходилось без неожиданностей. Местные органы власти не только были обязаны подбирать кандидатов, но и отвечали за сами выборы, причем не только за процедурные моменты. На них ложилась ответственность за то, чтобы выборы становились праздником для народа, чтобы ничто не могло омрачить момент голосования, чтобы советская действительность предстала перед избирателем в наилучшем свете. Если же какие-то недочеты проявлялись, это считалось недоработкой местных властей: «В ходе проверки отмечалось, что в Кировской и Омской области имеются существенные недостатки в деятельности избирательной комиссии, в организации обслуживания населения, а также установлены в ряде районов факты перебоев в торговле товарами первой необходимости»¹⁷. На время выборов избирательные комиссии отвечали даже за поставку товаров, иначе человек, который не смог купить нужные продукты, мог выразить свое недовольство советской властью на избирательном участке. Зачастую избирательные комиссии проваливали и свои основные обязанности. Во многом это было следствием недостатка качественных кадров на местах. «Вследствие недостаточного внимания к составлению и сверке избирательных списков, фамилии отдельных избирателей оказались пропущенными, и они голосовали по дополнительным спискам, а часть избирателей выбыла, не отметившись на избирательных участках»¹⁸.

В некоторых случаях плохая работа избирательных комиссий даже могла приводить к отмене результатов выборов: «Кроме того, по 5 избирательным округам выборы признаны недействительными в связи с допущенными нарушениями Положения о выборах. В Архангельской области по избирательным округам 56, 57, 58 был изготовлен один бюллетень. В результате в день выборов за каждого из трех кандидатов голосовали одновременно избиратели трех округов, тем самым, оказалось невозможно установить итоги выборов по каждому из округов. По избирательному округу 12 Ивановской области кандидатом был зарегистрирован Котов Анатолий Николаевич, а бюллетень был изготовлен на Котова Алексея. По этому бюллетеню и проводилось голосование. В Татарской АССР по избирательному округу 25 в бюллетень вместо тракториста совхоза Каримова был включен тракторист этого же совхоза Горшков»¹⁹. Подобные казусы могут быть объяснены как халатностью, так и выходом за установленные правила игры. Советская демократия требовала, чтобы ее воспринимали как истинное народовластие, а люди, по чьей вине произошли описанные инциденты, понимая, что итоги выборов известны, решили обойти

существующие правила. Зачем печатать три бюллетеня, если можно сделать один на трех кандидатов?

Еще одной важной заботой для избирательных комиссии было привлечение населения к участию в выборах. Необходимо было обеспечить как можно более широкое участие граждан, в идеале все 100% избирателей должны были выразить свою волю. Так, на выборах в Моссовет не приняло участие 585 избирателей, что от общего количества жителей столицы составляет мизерный процент, но это уже был повод для замечания. Стремление к абсолютной явке может рассматриваться как элемент советской демократии, при этом необходимо учитывать, что методов принуждения к голосованию не было как в силу трансформации самой политической ситуации, так и в силу установки на праздничный характер выборов.

Голосование не было формальностью, даже если человек прошел внутренний отбор через властные инстанции, получил одобрение на собрании, это еще не гарантировало его избрание. Вот отрывок из аналитической записки ЦК КПСС по итогам выборов в РСФСР (1969 г.): «Вместе с тем итоги выборов показывают, что по 116 избирательным округам баллотировавшиеся кандидаты в депутаты не получили абсолютного большинства голосов и не избраны депутатами, в том числе в райсоветы по 2 округам, горсоветы по 2 округам, в поселковые советы по 3 округам и в сельсоветы по 109 округам. Среди забаллотированных: 1 — зампреда райисполкома, 32 председателя и 4 секретаря исполкомов сельских Советов, 3 председателя исполкомов поселковых Советов, 28 колхозников, 22 служащих, 19 рабочих, 2 военнослужащих, 3 освобожденных секретаря первичных парторганизаций, 1 освобожденный председатель райкома совхоза, 1 домохозяйка. В Коми АССР забаллотирован председатель Бугаевского сельисполкома Дуркин Я.М. Населению сельсовета были известны факты нарушения финансовой дисциплины, а также использования на ремонт своего дома стройматериалов, принадлежащих сельсовету. На собрании в Козловском сельсовете Хабаровского края при выдвижении кандидатом в депутаты сельского Совета председателя сельисполкома Кудрина А.А. избиратели критиковали его за грубое отношение к населению. Однако Кудрин А.А. был зарегистрирован кандидатом. На выборах из 19 избирателей за проголосовали 4 человека. Алтайскому крайисполкому было известно, что председатель Шиловского сельсовета Баспаликов И.А. не справляется с работой. Однако он был выставлен кандидатом в депутаты. Из 39 голосов, 22 против»²⁰. Подтверждается факт, отмеченный выше: на низовом уровне, когда количество избирателей было минимальным, советская демократия реализовывалась в полном объеме. Человек, обладавший статусом и должностью, но находившийся в конфликте с местным населением, мог получить «черную метку». Конечно, на фоне миллиона депутатов в различные Советы сотня забаллотированных является, скорее, исключением, но, тем не менее, на данные факты обращали внимание на самом верху, и исследователи не должны просто игнорировать их. На мой взгляд, факты провала кандидатов показывают, что в 1960—1970-х гг. взаимоотношения между властью и населением были достаточно активными, граждане имели возможность высказать легальный протест, а задача партийно-государственного аппарата заключалась в устранении источника недовольства, чтобы восстановить общественное спокойствие.

Подводя итоги, необходимо отметить, что процесс выборов в СССР в 1960—1970-е гг. был сложным и многофакторным явлением. В этом плане они напоминали айсберг, где само голосование являлось только незначительной частью, возвышающейся над поверхностью. «Подводная» часть позволяла создать устойчивые связи между властью и населением, основанные на принципах взаимного доверия. Это не значит, что все граждане СССР доверяли суще-

ствовавшей системе. Массовые беспорядки, антисоветские группы, диссидентское движение указывают, что позднесоветский строй имел большое количество внутренних проблем. Многие участвовали в выборах, воспринимая это как необходимый шаг, забывая сразу после голосования имя кандидата. Но при этом выборы в СССР в 1960-х гг. стремились соединить в себе как демократические черты, так и предсказуемость для власти и населения. Представляется, что значительная часть населения была согласна с особенностями советских выборов, взамен получая социальную, экономическую и политическую стабильность.

Примечания

1. ТИХНОМИРОВ А. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917—1941. — Slavonic and East European Review, Special Issue «Trust and Distrust in the USSR», vol. 91, No. 1, January 2013, p. 78—118.
2. ЮРЧАК А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. 2014.
3. КУЛЕВИГ Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М. 2009, с. 35.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 591, оп. 1, д. 110, л. 26.
5. Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 58, д. 13, л. 53.
6. Там же, оп. 61, д. 24, л. 77.
7. РГАСПИ, ф. 591, оп. 1, д. 212, л. 64.
8. РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 14, л. 31.
9. Там же, д. 23, л. 35.
10. Там же, д. 22, л. 99.
11. Там же, д. 23, л. 34.
12. Там же, д. 22, л. 99.
13. Там же, д. 23, л. 35—36.
14. Там же, д. 22, л. 144.
15. Там же, д. 14, л. 18.
16. РГАСПИ, ф. 591, оп. 1, д. 110, л. 31, 81.
17. РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 14, л. 6.
18. Там же, д. 24, л. 53.
19. Там же, л. 114.
20. Там же, л. 113.

Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г.

Ф.Г. Галиева

Аннотация. В работе на основе архивных источников анализируются антирелигиозные праздники в Башкирии, впервые проведенные в 1923 г., задавшие импульс формированию советской обрядности. Для православных народов (прежде всего русского) материалы по проведению комсомольских рождества и пасхи готовились, исходя из опыта аналогичных праздников в других регионах страны. Сложнее оказалось с этносами, исповедующими ислам (башкиры, татары) и язычество (марийцы) с их этнокультурной изолированностью и консервативностью мировоззрения. Подготовка к комсомольским ураза-байраму, курбан-байраму, мавлют-байраму сопровождалась изданием литературы на национальных языках, привлечением лекторов из «своих» и поиском негативных сторон праздников (массовый убой скота на курбан-байрам). Новые праздники, включая комсомольский семык, привлекали население зрелищностью и массовостью (митинг-спектакль, митинг-концерт).

Ключевые слова: комсомольское рождество и пасха, день леса, комсомольский ураза-байрам, курбан-байрам, красный сабантуй, марийский семык.

Abstract. In this work on the basis of archival sources analyzed anti-religious holidays in Bashkiriya, first held in 1923, which set the impulse to the formation of the Soviet rites. For Orthodox people (especially Russian) materials on the conduct of Komsomol Christmas and Easter were prepared based on the experience of similar holidays in other regions of the country. More difficult were ethnic groups professing Islam (Bashkirs, Tatars) and paganism (Mari) with their ethnic and cultural isolation and conservatism of Outlook. Komsomol preparation for Komsomol post holiday, Holiday of sacrifice was accompanied by the publication of literature in national languages, through national staff as lecturers («its») and finding the negative aspects of holidays (mass slaughter on Holiday of sacrifice). New holidays, including Komsomol semyk, attracted to people entertainment and mass (rally-play the rally-concert).

Key words: Komsomol Christmas and Easter, The day of the forest, Komsomol post holiday, Holiday of sacrifice, Red holiday plow, Mari semyk.

На страницах журнала «Вопросы истории» рассмотрены комсомольские рождество и пасха, внедрившиеся властями в быт народа в начале 1920-х гг. в Там-

Галиева Фариды Габдулхаевна — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: afg18@mail.ru.

Galieva Farida G. — doctor in Philology, PhD in history, head of the department at the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. E-mail: afg18@mail.ru.

бовской, Томской, Иркутской, Курской¹ и некоторых других губерниях России. В Башкирии кампании по проведению антирелигиозных праздников начались в 1923 году. (В 1921–1922 гг. здесь был сильный голод, у населения стояла задача выживания.) Своеобразие идеологической работы в Башкирской республике было связано с полиэтничностью и поликонфессиональностью. Для православных русских, украинцев, белорусов разрабатывались инструкции по проведению комсомольских рождества и пасхи, для мусульман башкир и татар — комсомольских ураза-байрама, курбан-байрама, мавлют-байрама, для язычников марийцев — комсомольского семька и т.д. Основной целью ставилось отвлечь народ от проведения религиозных обычаев, посещения культовых учреждений, предложив в качестве альтернативы массовые зрелищные общественно-политические мероприятия (собрания, лекции, митинги, диспуты по вопросам религии, а также вечера, концерты и спектакли). Порядок проведения новых праздников был следующий: на основе директив ЦК партии Башкирским обкомом готовились циркуляры и методические материалы, которые направлялись в кантоны², где создавались комиссии. В эти комиссии включались представители партии, комсомола, агитпропа, профсоюзов, национальных секций, заинтересованные лица. Отчеты о проведенных мероприятиях передавались в вышестоящие организации, благодаря которым они в дальнейшем попали в Национальный архив Республики Башкортостан.

Судя по документам партии и комсомола Башкирии, сложность заключалась в работе с башкирами, татарами и «нацменами»: в большинстве они слабо владели или не владели русским языком. Даже среди секретарей ячеек комсомола имелись люди, не читающие и плохо говорящие по-русски³, в то время как вся документация велась на русском языке. Судя по фамилиям, башкирский обком к 1923 г. был представлен в основном русскими⁴, вероятно, как наследие ревкомов, не доверявших башкирам, которые перешли на сторону советской власти лишь в феврале 1919 года⁵. Документы обкома в районы запаздывали, пропагандистской литературы практически не было, мероприятия проводились по усмотрению местных активистов. Трудности доставляла дисперсность и разнообразие населения (несколько десятков этносов), плохое состояние дорог и связи. Но еще большую проблему создавало нежелание населения, особенно крестьянского, принимать новые обычаи взамен традиционных, «революционизироваться». Даже в 1926 г., после нескольких лет индустриального развития, в Башкирии сельское население составляло 91,1%, в том числе башкиры — 98,1%; грамотность башкир составляла 23,4%⁶. Поэтому в 1923 г. антирелигиозная работа велась, прежде всего, в городах, кантонных центрах и тех селениях, где была налажена деятельность партийных и комсомольских организаций, особое внимание уделялось молодежи и детям — будущему страны.

Большую идеологическую работу проводили газеты: «Яш-Юксул» («Юный пролетарий») (орган обкома комсомола на башкирском языке), «Башкирстан» («Башкортостан») (орган Башобкома РКП(б) и ЦИК советов БАСССР), «Власть труда» (орган Башобкома ВКП(б), Башщика и Башпрофсовета), «Вперед!» (орган Уфимского комитета РСДРП), «Бирская правда» (орган Бирского канткома ВКП(б) и Бирского исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов) и особенно научно-популярный и общественно-литературный журнал для молодежи «Свет» (издание Башобкома РКСМ). Русскоязычная пресса постоянно вела антипропаганду православия («тихоновщины»), лишь время от времени вспоминая мулл и раввинов, призывала активистов помогать «отсталой» деревне. Публикации, посвященные православным праздникам, пытались доказать их языческую природу. Башкирские и татарские газеты писали в основном о необходимости повышать грамотность, культуру, улучшать быт, крайне острожно обсуждая вопросы религии.

И тюрко- и русскоязычная пресса внушала мысль о том, что пора забыть «нелепые», «прилипшие к ногам» старые праздники, «ничего не говорящие ни уму, ни сердцу, а 7—9-летним ребятишкам прямо-таки чуждые, о них ведь в школах они не слышат»⁷. Предлагалось заменить: благовещение с «посещением Девы Марии» — на 8 марта, пасху и день Егория — праздником посева (сабантуй); вознесенье и троицу — праздником интернационала; три спаса — днем жатвы; святки и рождество — праздником восстаний, а мусульманский праздник мавлют-байрам (день рождения пророка Мухаммеда) — днем объявления автономии Башкирии. «Все поповские праздники проводились в пьянстве, обжорстве и разнузданном разгуле, приправленном мерцанием свеч и запахом ладана. Мы же свои новые праздники превратим в дни воспоминаний, бесед и чтений (в деревне полезной агрокультурной литературы). Наконец, и обрядовую сторону можно обставить пышнее затасканных церковных служб. Жизнерадостные шествия с бодрой песней заменят “крестные ходы”, похожие на похоронные процессии»⁸.

Первым опытом проведения антирелигиозного праздника в Башкирии стало комсомольское рождество. Накануне 29 декабря 1922 г. газета «Власть труда» дала рекомендации: «ЦК РКСМ устраивает комсомольское рождество. Где нельзя устроить карнавал с изображением языческого по происхождению праздника, рекомендуется группам молодежи ходить со звездой и славить Советскую власть»⁹. В первых числах января 1923 г. в указанной газете появились тексты песен, частушек для исполнения во время молодежных праздничных шествий, а также хороводной игры «Красная коляда»¹⁰. (Нет сомнений, что их сочиняли авторы, хорошо знавшие фольклорную традицию.) В газете также рекомендовались следующие шаги: широкий охват населения, в том числе поголовное привлечение рабочей молодежи; проведение антирелигиозной работы во всех клубах, школах и других просветительских учреждениях; работа с детьми — организация елок, костюмированных вечеров, концертов за счет учреждений; украшение клубов, библиотек, читален и других помещений¹¹.

По отчетам о состоявшейся кампании, в Месягутовском, Бирском кантонах праздник прошел в форме агитационно-антирелигиозной кампании, «элементов празднества почти не было». В Стерлитамакском кантоне «по деревням было предложено ограничиться проведением собраний. В городе предварительной кампанией были охвачены профсоюзные организации... К организованному в сочельник шествию из церквей выходил народ и примыкал к шествию. Было 500 человек». В Белебеевском кантоне «был организован карнавал, имевший успех. Диспут, устроенный на рождество, привлек много верующих. Попы не явились, что подорвало авторитет в глазах верующих. Представители других верований участвовали в диспуте»¹². Вероятно, речь шла о баптистах, которых упоминает заметка, посвященная указанному событию, в журнале «Свет»¹³. Та же журнальная публикация рассказывает о проведении в Белебее в сочельник спектакля и доклада «Как родился Христос», а вечером — антирелигиозной демонстрации молодежи под звуки оркестра, с факелами и ряжеными. Среди последних были «попы», святочные фигуры, а в центре внимания находились шут и «патриарх Тихон», которого вели под конвоем¹⁴.

Согласно архивным документам, немало сил и финансовых ресурсов было потрачено на проведение «комсрождества» в Уфе: «Небольшая помощь партии выразилась в 30 млн для покрытия необходимых расходов (для сравнения: стоимость газеты «Власть труда» к началу 1924 г. составляла 10 тыс. руб. — Ф.Г.). Целью мы поставили только оттянуть молодежь от сидения дома в сочельник. Программа постановки вечера выразилась в елки (привлекли одного учителя танцев). Елки были удачны... Программа развивалась играми и выступлениями поочередно на сцене и в зале. Первой была инсценировка двух

подростков, разговоривание о празднике рождества. Такая постановка была вместо самого доклада, и прошла она очень удачно. Дальше шли выступления с разными картинками... Удачной была постановка “Карманьолы”. В середине вечера пришли комсомольцы... Несмотря на присутствие 300 человек молодежи, коллективные выступления массы были организованы. Ребята, не закончив программу (устали), в 5 часов утра разошлись по домам. Много было курьезов при встречах ребят, шедших из дома Ленина ¹⁵, с бегущей публикой в церковь. Цель отвлечь от старых привычек удалась, хотя большого размера антирелигиозного мало было» ¹⁶.

Еще более подробная информация о празднике в Уфе изложена в журнале «Свет» и газете «Власть народа». Для красноармейцев в красный сочельник в читальном зале клуба полка была устроена читка газет вслух, прозвучали доклады на темы: «История религии» и «Раскол церкви», а затем был дан спектакль силами драмкружка. Для горожан 1-й райком комсомола в сочельник организовал шествия молодежи по улицам города с факелами, плакатами, со звездой впереди и шумными ряжеными. Хор исполнял рождественские песнопения собственного сочинения, тропари на новый лад. По воспоминаниям участников праздника, изложенным в прессе, «веселье возникало от всего — от света факелов, благодаря которым плакаты напоминали иконы и хоругви. От богомольных старушек, которые, возвращаясь после всенощной службы, принимали факельщиков за крестный ход, крестились на плакаты, а затем, разобравшись, в чем дело, отплеывались и отходили в сторону. От попа, который издал разглагольствование, разворачивался и скрывался в темном переулке. Когда процессия дошла до партклуба, ее ожидали сотни людей. Со сцены клуба прозвучали песни и доклады, показаны инсценировки. Несмотря на поздний час, активисты с факелами и плакатами пошли в гости ко 2-му райкому, в дом Ленина. Здесь молодежь потанцевала вокруг освещенной электричеством елки, поставила сатиру “Совет богов против веселья коммунистов”. Затем были показаны номера гимнастики, фехтования, декламации. Особым успехом пользовались три номера: разговор мальчиков о праздновании рождества; представление премьер-министров стран Европы с их политическими взглядами в лицах; изображение разгулявшихся солдат, забывших обиды и унижения своих угнетателей. На вечере присутствовало много рабочей и красноармейской молодежи, которую угощали “скромным чаем”. Разошлись по домам лишь в 5 часов ночи. В основной день торжества участвовало еще больше людей, чем накануне. По улицам города с плакатами и факелами прошло несколько групп. Партшкола разыгрывала сценку, как рабочие, закованные в цепи и кандалы, постоянно звенящие, в сопровождении офицеров идут на казнь; виселица была установлена на пересечении улиц Карла Маркса и Егора Сазонова. Другая группа изображала офицерские кутежи — пьяных генералов под руки с проститутками. Рабфак устроил шествие с “попом” во главе, благословляющим публику бутылкой водки; на возах с мешками ехали “попы” с причтом. В 10 часов вечера в партклубе и доме им. Ленина прошла пьеса “Ночь под рождество или удивительные происшествия в комсомольском клубе”. Разошлись часов в 12» ¹⁷.

Комсомольская пасха в Башкирии прошла более организованно, чем рождество. Из отчета агитпропа: «По всем кантонам, где руководства было достаточно, результаты оказались хорошими, митинги и доклады привлекли массу слушателей. В Стерлитамаке один храм был превращен в клуб. Успешное проведение самого праздника двинуло вперед антирелигиозную пропаганду, которая теперь приняла массовый характер» ¹⁸. В Стерлитамакском кантоне «лекции... вызвали порядочное смущение среди мещанства. Побить нас не могли, знаний у них оказалось меньше». В Месягутовском кантоне отмечен факт «хулиганства»: «ребята задумали воскресить одного умершего». В Аргаяшском кан-

тоне «пасху не проводили, так как всего в кантоне русских 10 человек». В Уфимском кантоне пасху отмечали только в двух районах — Благовещенском и Топорнинском. В Тамьян-Катайском кантоне «пасха прошла прилично»¹⁹. В Белебеевском кантоне «в неделю “комсомольской пасхи”... было проведено 8 антирелигиозных лекций по городу, из кантона сведений нет. На этой же неделе был проведен диспут “Воскрешение Христа” и два антирелигиозных вечера-концерта... Как положительную сторону диспутов необходимо отметить то, что они расшатывают божественные взгляды на священные книги и заставляют задумываться над различными церковными праздниками и относиться к ним критически»²⁰. Комсомольская ячейка Миньярского завода материалы по проведению пасхи получить не успела, и активисты решили «насолить попам». Во время заутренней службы они разожгли близ церкви дрова и подняли шум. Прихожане решили, что начался пожар и «вылетели» из церкви²¹. Развернутый отчет о комсомольской пасхе предоставили активисты Зилаирского кантона, которые провели праздник в г. Преображенске (ныне с. Зилаир). Учитывая, что на пути следования прихожан в храм находится клуб, на его стены развесили плакаты и объявления о предстоящем спектакле и докладе. Та часть молодежи, которая все же пришла на службу, не удержалась там, услышав фейерверки, которые запустили комсомольцы, в результате клуб полностью «набился» молодежью. Всю ночь устраивали сценические постановки, декламации. На второй день также силами комсомольцев поставили спектакль и прочитали доклад²².

Информацию о пасхе в Уфе давала пресса. В пасхальное воскресенье рабочая молодежь в 11 час. возле клуба организовала пушечные выстрелы, пулеметные очереди и беспорядочную стрельбу из винтовок, что стало сигналом к началу праздника. Под грохот и крики молодежи, стоявшей с факелами в руках, на крышу клуба водрузили красную звезду. Затем все устремились в клуб, даже те, кто шел в храм на богослужения. Прозвучали доклады о пасхе, религии и коммунизме. Некоторые рабочие осуждали комсомольцев, но таких было мало²³.

Подводя итог прошедшим комсомольским праздникам, власть призывала и в дальнейшем наносить удар по «наиболее сильной вере», «опоре буржуазно-капиталистического государства» — христианству — для закрепления завоеваний революции²⁴. Вместе с тем, ставилась задача открытия еще одного фронта — против ислама, чтобы помочь башкирской и татарской молодежи избавиться от «особого религиозного фанатизма» и решить проблему с ее «отсталостью в культурном отношении»²⁵. Ведь дети мусульман до сих пор учатся у мулл, молодежь «крепко стиснута в тисках религии»²⁶.

Вначале среди башкир и татар прошли антирелигиозные праздники без привязки к датам мусульманского календаря. 18 мая «комсомольский байрам» устроили рабфаковцы Уфы. В переполненном зале прозвучал доклад, была показана пьеса о похождениях святых (ишанов), антирелигиозная живая газета и дан концерт. Члены союза т. Абрахманов, т. Кушаев и т. Аллаяров сделали заявление, принятое «громом аплодисментов и интернационалом», о переименовании имен и фамилий, связанных с религией²⁷.

Подготовке ураза-байрама (мусульманский праздник окончания поста) и курбан-байрама (день принесения в жертву — курбан) партия и комсомол уделили большое внимание в связи с отсутствием материалов на национальных языках и новизной данного мероприятия. Чтобы установить контакт с населением, в циркулярах Башобкома РКП(б) рекомендовалось чтение лекций обязательно на «татаро-башкирском языке», выступление с критикой ислама лицам других вероисповеданий не разрешалось. Рекомендуемая тематика лекций при проведении комсомольского ураза-байрама: «Происхождение религий и богов

и их роль в человеческом обществе», «Борьба религий с наукой», «Ислам — продолжение старых религий (иудейской, христианской)», «Шариат как закон, охраняющий интересы буржуазии и арабских феодалов времен Магомеда», «Противоречия шариата» и др. ²⁸ Агитпроп переиздал брошюру, присланную из «центра», в Белебее издал свою ²⁹.

Несмотря на серьезную подготовку, новый праздник не смог охватить разные кантоны. Отчеты о проведенной кампании в Национальном архиве Республики Башкортостан малочисленны. Возможно также, что организаторы на местах не смогли составить отчеты на русском языке. Из имеющихся сведений: в Стерлитамакском кантоне «на наши лекции приходили даже муллы»; в Аргаяшском кантоне «отношение к кампании со стороны части взрослого населения стало сочувственное»; в Уфимском кантоне «указы-байрам совсем не проводили благодаря слабости ячеек» ³⁰.

В инструкции по проведению комсомольского курбан-байрама говорилось, что идея антирелигиозной кампании заключается в объяснении «бессмысленного, а в условиях после голодного периода прямо преступного уничтожения скота». Основная тема лекций: «Курбан — уничтожение сельского хозяйства». Подчеркивалась необходимость демонстрации статистических данных, диаграмм, показывающих численность скота до и после войны и голода. Из отчетов о проведенной кампании: в Уфе лекции и вечера посетили около 4 тыс. чел., в Стерлитамаке — около 2 тыс. слушателей на лекциях и около 3 тыс. чел. на спектаклях. Отмечались успехи в работе среди самих активистов в Стерлитамаке (в день курбан-байрама они в мечеть не ходили) и населения. Ритуал жертвоприношения скота в этом городе исполнялся, однако «курбан вместо того, чтобы идти в пользу мулл, жертвовался в пользу воздушного флота и т.д. Муллы после успешного проведения курбан-байрама развернули в мечетях усиленную агитацию против комсомола, но до сих пор они успехом не пользуются» ³¹. В Зилаирском кантоне сделано три доклада, поставлен бесплатный спектакль, «после проведения празднования начали поступать заявления о вступлении в РКСМ. Причем приходится отмечать большое стремление в союз интеллигентной молодежи» ³².

Следующим праздником стал комсомольский мавлют-байрам. Из доклада ответственного секретаря Башкирского обкома РКСМ: «Успешно был проведен антирелигиозный вечер в гор. Уфе, где присутствовало около 700 чел. беспартийной молодежи. Также и в остальных городах, как-то: Бирск, Белебей, Стерлитамак, кампания была проведена успешно. Отношение масс к проводившейся кампании доброжелательное. В слабых деревенских ячейках кампания массового характера не имела, проводилась только внутри себя. В больших селениях кампания имела массовый характер. Устраивались различные доклады, ставились антирелигиозные спектакли, где присутствовала масса молодежи, а также и взрослые, и женщины, которые высказывали пожелания, как чаще устраивать такие антирелигиозные вечера. Бирский кантон выпустил специальный номер газеты “Яш-Юксул”, на места поступила своевременно. В общем мавлют прошел по области успешно и сделал большой удар по мусульманской религии, в особенности он открыл глаза молодежи и закрыл рот тем лицам, которые пытались доказать, что Магомед преследовал коммунизм» ³³.

Помимо религиозных праздников, для агитационной работы привлекались и другие, популярные у населения. По поводу сабантуя представители партии писали: «Многие обычаи, народные развлечения, вроде сабантуя, скачек, собраний можно вполне использовать в интересах партии при надлежащем руководстве со стороны местных организаций ... Сабантуй напоминает греческие олимпийские игры. Поэтому приспособить к современным условиям и обогатить введением новых номеров в программу игр и развлечений вполне

возможно и целесообразно, что и продлевается в последнее время»³⁴. В Бирском кантоне «красный сабантуй» совместили с днем кооперации, «поэтому сабантуй был использован для усиления агитационной кампании по укреплению кооперации. Кампания эта охватила до 8000 человек, и в результате завербовано в кооперацию 680 человек»³⁵.

Вместо христианского праздника троица летом 1923 г. прошел день леса: «Самый срок проведения дня назначается на праздник троицы, так как в этот день наблюдается особенно бесхозяйственное отношение к лесу»³⁶. Вероятно, прежде всего, подразумевались обычаи, связанные с березой (символ праздника), которой украшались церкви, дома, ворота, дворы. Девушки плели венки из березовых веток вместе с луговыми цветами. Срубленное дерево приносилось в селение, вокруг него водились хороводы; вечером березу «хоронили», вымаливая у Природы благополучие. В альтернативу партийные и комсомольские работники организовали массовую высадку саженцев, чтение лекций, беседы с населением о значении леса, отмечали вредоносность традиционных обрядов, «невежество, темноту, вытекающие убытки от бесхозяйственного отношения к лесу» в царской России³⁷. К празднованию привлекались представители разных этносов.

Для антирелигиозной пропаганды среди марийцев Башкирии, сохраняющих языческие верования до сих пор, был выбран народный праздник семык. Впервые комсомольский семык прошел в д. Бахтибаево Чуратовской волости, куда по традиции с давних времен отовсюду собиралось марийское население. Семык — один из значимых и любимых праздников марийцев, знаменующих наступление лета, посвященных поминовению умерших родственников, прощению у них благословения в жизни, крестьянском хозяйстве, семейно-брачных отношениях. Основные дни праздника — среда и четверг — встречают умерших, водят их в баню, приглашают за поминальный стол; зажигая свечи поименно всем умершим, угощают обрядовой едой, напитками, провожают. В ночь со среды на четверг (время выхода нечистых сил) сторожат дома, отпугивают «нечисть», устраивают молодежные веселые проделки (заткнуть дымоход, опрокинуть в бане котлы с водой), веселятся на природе до рассвета. В пятницу днем — всеобщие гуляния, в том числе свадьбы. Усилиями агитпропа, партии, комсомола и мари-секции комсомольский семык прошел в воскресенье. В программе были: митинг-концерт, митинг-спектакль, народные игры, скачки на лошадях (как на сабантуе), лекции о жизни марийского народа, введении единого сельхозналога, женском движении, местной газете. Из отчета: «Население в большинстве случаев не выдавшее ни разу ничего подобного, слушало и наблюдало с большим интересом и вниманием, несмотря на то что приходилось по нескольку часов и под нещадно пекущим солнцем стоять на ногах. На выступлениях присутствовало до 800 человек (приблизительно)... Присутствующие остались довольными»³⁸.

Таким образом, антирелигиозные праздники в Башкирии впервые были проведены в 1923 г. и положили начало процессу формирования в республике советской обрядности. Новые праздники привлекали население зрелищностью и массовостью.

Примечания

1. СЛЕЗИН А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. — Вопросы истории. 2010, № 12, с. 82—91.
2. Деление Башкирии на кантоны имело место в 1798—1930 годах.
3. В партийных документах того времени башкиры и татары часто указывались как «татбашкиры», «т.б. население», а их родной язык — «татаро-башкирский».

4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 1, д. 6, л. 24—27.
5. 18 февраля 1919 года. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа. 1923, с. 64.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4. М. 1928, с. 310—311.
7. ВЕРХОТОРСКИЙ М. Новый быт. — Власть труда. 21.X.1923.
8. Там же.
9. [Б.А.]. Рождество комсомольцев. — Там же. 29.XII.1922.
10. [Б.А.]. Красная коляда. — Там же. 4.I.1923.
11. Красная коляда. — Там же. 2—4.I.1923.
12. НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 112, л. 6—7.
13. БЕЛЕБЕЕВЕЦ И.В. Комсомольское рождество в Белебее. — Свет. 1923, № 9, с. 42.
14. Там же.
15. Ныне здание авиационного техникума.
16. НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 15, л. 13.
17. ДАНИЛОВ. Красный сочельник. — Власть труда. 10.I.1923; ПАВ. Комсомольское рождество в 1 горрайкоме. — Там же. 1923, № 6, с. 41; СТАРШИЙ ТОВАРИЩ. В доме имени Ленина. — Власть труда. 10.I.1923; В. На улице. — Там же. 10.I.1923.
18. НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 161, л. 26.
19. Там же, д. 112, л. 25, 29об.
20. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 138, л. 50об.
21. Там же, ф. 341, оп. 1, д. 13, л. 98.
22. Там же, д. 21, л. 41.
23. БАЛЕЗИН С. У рабочей молодежи. — Свет. 1923, № 9, с. 38.
24. СЕМЁНОВ А. Против богов. — Свет. 1923, № 6, с. 20; А.Д. Что нужно дальше. — Там же, 1923, № 6, с. 38—40; Так еще бывает. — Там же, с. 43.
25. НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 13, л. 125.
26. ПОНОМАРЕНКО В. Долой мулл, раввинов и попов. — Свет. 1923, № 9, с. 33.
27. КУШАЕВ. Комсомольский байрам. — Там же. 1923, № 9, с. 38.
28. НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 8, л. 75.
29. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 136, л. 25об.
30. Там же, ф. 341, оп. 1, д. 112, л. 96.
31. Там же, д. 7, л. 44—46.
32. Там же, д. 21, л. 78об.
33. Там же, д. 13, л. 185.
34. Там же, л. 170, 173об.
35. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 138, л. 217об.
36. Там же, ф. 341, оп. 1, д. 15, л. 127об.
37. Там же.
38. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 136, л. 101.

Правитель яванского государства Сингасари Раджаса (1182—1227)

В.А. Погадаев

Аннотация. В работе рассматривается деятельность Раджасы (Кен Ангрока), правителя средневекового яванского государства Сингасари, основателя династии Маджапахита, крупнейшей империи средневековой Индонезии, по собиранию яванских земель. Приводятся данные о порядках при дворе правителя, о роли религии, о методах ведения войн и магических аспектах культуры.

Ключевые слова: Раджаса (Кен Ангрок), Кен Дедес, Сингасари, Маджапахит, средневековая Ява.

Abstracts. Rajasa (1182—1227) — The Ruler of the Javanese State Singasari, founder of the dynasty of Majapahit, the biggest empire of Medieval Indonesia. The article deals with the activities of Rajasa (Ken Angrok), the ruler of the medieval Javanese state of Singasari, the founder of the Majapahit dynasty, the largest empire of medieval Indonesia, who started the process of gathering of Javanese lands. It examines also the life at the court of the ruler, the role of religion, methods of waging wars and the magical aspects of culture.

Key words: Rajasa (Ken Angrok), Ken Dedès, Singasari, Majapahit, Medieval Java.

Правитель Сингасари Раджаса ¹ отдыхал после обеда в своих покоях. Было тихо, и только воркование священной горлицы перкутут ² нарушало покой. На душе было тревожно. Возможно во всем виновато вчерашнее происшествие. Накануне, когда он возвращался с охоты, на пути к дворцу-кратону ему встретилась похоронная процессия. На платформе, которую несли сотни обнаженных до пояса юношей, наряду с многоярусной башней, олицетворяющей священную гору Меру ³, и саркофагом в виде изваяния животного находились священники, родственники покойного и музыканты. Звон гонгов и металлофонов был оглушающим. Процессия шумно и стремительно мчалась, петляя и раскачивая платформу, чтобы обмануть злых духов и чтобы покойник не смог запомнить дорогу назад. Сейчас его пепел наверняка уже разбросан в море, и душа — атман, отделившись и освободившись от тела с помощью огня и заклинаний, вознеслась на небо для дальнейших перерождений.

Эта встреча беспокоила Раджасу. Он так и не мог для себя решить: хорошее или плохое предзнаменование — встретить похоронную процессию. Во

Погадаев Виктор Александрович — кандидат исторических наук, куратор Центра «Нусантара» в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: povial@yahoo.com.

Pogadaev Victor A. — PhD in History, curator of the Center «Nusantara» in the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, named after M.V. Lomonosov. E-mail: povial@yahoo.com.

всяком случае убеждаешься в бренности мира, в том, что все изменчиво и непостоянно.

Хотя ему самому не стоило жаловаться на судьбу. Он основал новое государство с чарующим названием Сингасари (синга — лев, сари — цветок) ⁴. Правит уже пять лет. Ему поклоняются как богу Шиве, называя Батара Гуру ⁵. При выезде из дворца его сопровождают сотни телохранителей и слоны, накрытые дорогами попонами и украшенные драгоценностями и чеканным золотом. Казна полна. Все подчеркивает исключительность его положения и неземное богатство.

Его мать Кен Эндок была простой крестьянкой и, родив его в 1182 г., бросила на произвол судьбы на деревенском кладбище. Но ребенку повезло: его не успели растерзать дикие звери, а подобрал и усыновил местный воришка и любитель азартных игр, дав ему имя Кен Ангрок ⁶ («ниспровергатель всех»), как будто предвидел будущее. Как и следовало ожидать, из него тоже вырос вор и азартный игрок, более того, разбойник, наводивший ужас на всю округу. Однажды жители одной деревни преследовали его, вооруженные дубинками, за очередную провинность. Спасаясь от погони, он взобрался на высокую пальму и с ужасом смотрел, как ее начали подрубать снизу. Пальма постепенно кренилась к реке, на берегу которой стояла, и он уже видел раскрытые пасти крокодилов. Он лихорадочно искал выход и нашел его. Отломив две разлапистые ветки пальмы, он привязал их к рукам и под сильным порывом неизвестно откуда взявшегося ветра, как на крыльях, благополучно приземлился на противоположном берегу. В другой раз, когда он сбил плоды с дерева джамбу, его спас от расправы сам староста, выдав за своего шестого сына, ушедшего на заработки. Преследователи пересчитали сыновей, убедились, что их шесть, и ушли.

Может быть, он и до сих пор слонялся бы по дорогам, занимаясь разбоем, если бы не встреча с брахманом Лохгаве, обладавшим удивительной способностью к внушению. Он заставил молодого человека пойти на вершину горы Леджар, чтобы провести там несколько дней в одиночестве, занимаясь медитацией, и выпросить прощение у богов за беспутную жизнь. Там ему и приснился удивительный сон. Будто бы он предстал перед самим Шивой, и тот назвал его своим приемным сыном и сообщил, что ему предназначено большое будущее: основать новую династию правителей, которые объединят всю Яву, а потом и Нусантару (Индонезию).

Домой он вернулся другим человеком. Лохгаве, которому стало известно об удивительном сне, посчитал его знаком, обещал свое содействие и в первую очередь помог ему устроиться в услужение к наместнику Тумапеля Тунггулу Аметунгу. Умный и смысленный юноша сразу стал незаменимым помощником наместника. Дальнейшие события были ускорены действиями самого Тунггула, похитившего себе в жены дочь буддийского священника красавицу Кен Дедес. Ее отец, узнав о похищении, проклял наместника, пожелав ему скорой смерти. Молодой человек решил отомстить и поспешил к брахману за советом. Как священник, тот не мог одобрить план насильственного устранения наместника Тумапеля, но, помятуя о вещем сне, не собиравшись отговаривать Кен Ангрока от этого шага. Более того, он ненавязчиво подсказал, как это лучше сделать. Нужен был особый кинжал — крис с обоюдоострым волнообразным лезвием, как тело змеи. Только он способен поразить противника за один раз, наверняка. Такой крис мог выковать лишь один человек — эмпу (кузнец) Гандринг ⁷.

Кен Ангрок отправился к кузнецу. Тот согласился за хорошее вознаграждение сделать такой крис, попросив на это срок в один год. Заказчик спешил и дал кузнецу только пять месяцев, но когда прибыл в назначенный срок, крис не был готов. Гандринг объяснял, что для настоящего криса нужно было найти железо с неба (метеорит), смешать его с железом из земли, многократно ковать эти полосы, раскаливая на огне, погружая в воду и протравливая кислотами. А для наполнения его магической энергией следовало несколько раз принести жертвоприношения богам, читать заклинания-мантры и молитвы, окуривать благовониями. Да и ножны должны быть под стать крису — из ценных пород дерева с инкрустацией и драгоценными камнями. Но Кен Ангрок спешил. Он впал в ярость и пронзил кузнеца его же крисом. Однако успокоившись,

обещал позаботиться о его сыне, если кинжал будет обладать хотя бы частью тех свойств, которые обещал Гандринг. Последний прошептал о проклятии: семь правителей погибнут от этого криса. Но Кен Ангрок ему не поверил.

Он устранил наместника Тумапеля в 1222 г., не наведя на себя никаких подозрений, и сам занял его место. Он правил довольно разумно. Приблизил к себе и шиваистских, и буддийских священников, освободил их от налогов, дал некоторые другие привилегии, повелел построить новые храмы, богато украсив их статуями бодхисатв⁸ и изображениями символов «семи сокровищ» (саптаратнани). Ему стало тесно в пределах Тумапеля. Все чаще он бросал взгляды на западную сторону горы Кави, где находилось государство Кедири⁹ во главе с правителем Кертаджаей.

В 1222 г. он решил, что обстановка позволяет начать наступление на Кедири и у местечка Гантер одержал блестящую победу, хотя сражение было очень упорным и стоило обеим сторонам больших потерь. Противники обстреливали друг друга из духовых ружей отравленными стрелами и кололи пиками. Было опробовано и изобретение самого Кен Ангрока: обыкновенный острый стручковый перец ломбок. Перцовая настройка большой концентрации распылялась по ветру с помощью бамбуковых помп в сторону неприятельских войск. Правитель Кедири Кертаджая бежал в монастырь.

Кен Ангрок стал единственным правителем по обе стороны горы Кави, основателем нового государства Сингасари под именем Раджаса, что значит «покоритель». Со всех сторон к нему текли богатства и прибывали посольства из разных заморских стран. Вспомнив эпизод с похоронной процессией, он решил спросить брахмана, чем это ему грозит. У брахмана была гадальная книга «Примбон»¹⁰. Текст и картинки в ней были нацарапаны черной краской из ламповой сажи или масла ореха кемири с помощью острой палочки на полосках сухих листьев веерной пальмы, скрепленных вместе шнуром через отверстия и складывающихся гармошкой. Особенно красивы были наружные пластины — из дерева саво, покрытые искусной резьбой. «Примбон» не только толковал различные явления, но и содержал магические формулы и предписания, рецепты, астрологические указания.

Внезапно перед ним вырос силуэт мужчины с крисом в руках, тем самым, что выкал для него кузнец Гандринг. Крис вырвался из рук мужчины и сам, как выпущенная из духовой трубки стрела, стал приближаться к нему и вонзился в его сердце. Случилось это в 1227 году. Так сбылось пророчество кузнеца Гандринга. Раджаса-Ангрок погиб от руки убийцы, подосланного к нему его пасынком Анусапати. Государство Сингасари просуществовало всего 70 лет, в нем последовательно сменились семь правителей, и все они стали жертвой кровавых дворцовых заговоров, в которых постоянно фигурировал один и тот же крис. Но род Кен Ангрока не прервался, и один из его потомков — Виджая — основал в 1292 г. новое государство — Маджапахит («горький плод дерева маджа»), которому суждено было превратиться в крупнейшую империю средневековой Индонезии.

Сейчас о бурных событиях XIII в. в Сингасари и о самом государстве напоминают лишь несколько сохранившихся поминальных чанди — мавзолеев у реки Брантас¹¹.

Примечания

1. Раджаса — главный герой мифологизированной генеалогической части исторической хроники «Параратон» (XV — XVI вв.). О нем сообщается также в хронике «Кидунг Харша Виджая» (XVI в.). ШАУБ А.К. «Негаракертагама» как источник по истории раннего Маджапахита (1293—1365). М. 1992; THEODORE GAUTHIER TH. PIGEAUD. Java in the 14th Century: A Study in Cultural History, Vol. 1—4. M. 1960; JOHNS A.H. The Role of Structural Organisation and Myth in Javanese Historiography. — The Journal of Asian Studies, vol. XXIV, N 1, Ann Arbor, 1964.

2. Перкутут (*Geopelia Striata*) — полосатая горлица.
3. Меру (Сумеру) — мировая гора, ось мира в индийской и индонезийской мифологии, аналог мирового древа. Вокруг нее вращаются небесные светила, на ней обитают боги. Связывает небо и землю. Впрочем, на Восточной Яве есть реальный вулкан Семеру, или Махамеру (3676 м.), название которого отражает веру местных жителей в мифологию.
4. БАНДИЛЕНКО Г.Г., ГНЕВУШЕВА Е.И., ДЕОПИК Д.В. и др. История Индонезии. Ч. 1. М. 1992.
5. Батара Гуру (*Batara Guru*) — божество у ряда индонезийских народов, почитание которого развилось на почве местных традиционных воззрений. У яванцев — главное божество домусульманского пантеона, демиург, создатель богов и людей. Произошел от первоединого бога из субстанции света под именем Хьянг Маникмайя (или Хьянг Маник) как антипод Хьянг Исмайя (или Хьянг Майя). По одной версии, женился на своей дочери, но та умерла и превратилась в растения, в том числе рис. По яванской и балийской традиции, один из аспектов божества Шивы на средневековой Яве отождествляется с синкретическим образом Шивы-Будды. В культовой иконографии, в теневом театре ваянг изображается с атрибутами Шивы в виде человека с четырьмя руками, стоящего на священном быке. В средневековой мифологической традиции считается также создателем священного сословия и покровителем брахманов. DONIGER W, BONNEFOY Y. *Divine Totality and Its Components: The Supreme Deity, the Divine Couple, and the Trinity in Indonesian Religions*. In: *Asian Mythologies*. University of Chicago Press. 1993, p. 161—170.
6. В литературе встречается и написание Кен Арок. — *Ken Arok*. Раджаса под именем Кен Арок (Анрок) описывается, главным образом, в «Параратоне». В «Негаракертагаме» и эпиграфике, которые носят более официальный характер, это имя не встречается.
7. SUKATMAN. *Mitos Asal-usul Ken Arok-Raja Singasari: Kajian Tradisi Lisan (Мифы о происхождении Кен Арока, правителя Сингасари: исследование устных традиций)*. Laporan Penelitian. Jember. 2012; MANGKUDIMEDJA R.M. *Serat Pararaton (Параратон)*. Jilid 2. Jakarta. 1979.
8. Бодхисатва (санскр. бодхи — высшее знание, сатва — просветленный, то есть просветленный высшим знанием) — существо в человеческом облике, достигшее высших ступеней на пути к нирване, но добровольно отказавшееся от нирваны, дабы в миру просветлять учением и добродетелью души смертных.
9. Кедири — государство в XI — первой четверти XIII в. на востоке о. Ява. Столица — Даха (Даханapura) — в районе современного г. Кедири. Появилось в результате раздела Матарам (раннего). Ранний период истории (вторая половина XI — начало XII в.) проходил в соперничестве с княжеством Джанггала. В результате, при правителе Камешваре I произошло воссоединение яванского королевства, а к концу XII в. Кедири было политическим и торговым гегемоном на востоке Нусантары. В этот период оно объединяло Восточную и Центральную Яву, его сюзеренитет также распространялся на ряд островов к востоку и северу от Явы.
10. ОГЛОБЛИН А.К. Современный яванский примбон (гадательно-справочная книга). В кн.: *Яванская культура: к характеристике крупнейшего эпоса Юго-Восточной Азии (малайско-индонезийские исследования III)*. М. 1989, с. 29—37.
11. *Historic East Java: Remains in Stone*. Jakarta. 1995. p. 29.

Деятельность князя И.Г. Амилахвари на посту Бакинского временного генерал- губернатора в феврале-июне 1905 г.

Ф.Р. Джабаров

Аннотация. Князь И.Г. Амилахвари, происходивший из старинного грузинского дворянского рода, в феврале 1905 г. был назначен временным генерал-губернатором Баку и Бакинской губернии. Это было время, когда край переживал серьезные трудности, вызванные начавшейся в России революцией и межнациональными столкновениями на Кавказе. В работе рассмотрена деятельность князя по восстановлению стабильности в городе и предотвращению возможных конфликтов, показано, что, используя административные ресурсы, а также благодаря своему высокому авторитету в обществе, генерал-губернатор умело вел борьбу с попытками дестабилизировать ситуацию и спровоцировать новый виток кровопролития.

Ключевые слова: Первая русская революция, Бакинское генерал-губернаторство, межнациональные столкновения.

Abstract. Prince I.G. Amilakhvari who was descended from the old Georgian noble family was appointed as provisional governor general of Baku and Baku province. These were turbulent times for the region, which had been caused by the beginning of revolution in Russia and inter-ethnic clashes in the Caucasus. The activity of prince I. G. Amilakhvari to stabilize the situation in the city and to prevent forthcoming conflict was considered in the article. At the same time it informed that governor-general was able to struggle against all the efforts which destabilized the situation and prevented new bloody slaughter.

Key words: First Russian Revolution, Baku governorate-General, inter-ethnic conflicts.

В начале XX столетия Российская империя вступила в полосу затяжного социально-политического кризиса, сопровождавшегося мощным подъемом рабочего и крестьянского движения, активизацией оппозиционных и революционных партий, усилением национальных движений на окраинах. Все эти признаки проявлялись на фоне ослабления власти и нараставшего в обществе убеждения в ее несостоятельности. Власть оказалась совершенно неподготовленной к кризисным процессам и явлениям, что проявилось, в частности, во время событий на Южном Кавказе в 1905—1906 годах. Под влиянием начавшейся в Петербурге революции в регионе произошли крупные стачки и демонстрации, сопро-

Джаббаров Фархад Рафиг оглы — доктор философии по истории, ученый секретарь Национального музея истории Азербайджана НАН Азербайджана. E-mail: farhadcabbarov@mail.ru.

Jabbarov Farhad — doctor of philosophy on history, scientific secretary at the National Museum of the History of Azerbaijan, NAS of Azerbaijan. E-mail: farhadcabbarov@mail.ru.

вождавшиеся в ряде случаев столкновениями с войсками и полицией, усилилась деятельность оппозиционных партий, которые в методах борьбы с правительством активно прибегали к террору. Кроме того, пестрый национальный и профессиональный состав населения региона, нерешенность ряда социальных и экономических проблем создавали еще один очаг нестабильности. К началу XX в. во всех пяти губерниях Южного Кавказа — Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской, Эриванской сохранялся максимальный уровень напряженности. Накопившиеся проблемы нередко являлись той почвой, на которой вырвались разного рода протесты, принимавшие зачастую характер межэтнических конфликтов. Недостатки системы управления краем во многом определили возросшую напряженность и взаимное непонимание в отношениях между населением и теряющей авторитет местной властью¹.

Начавшиеся в феврале 1905 г. в Баку армяно-азербайджанские столкновения показали неподготовленность властей к кризисным ситуациям. Неэффективные действия местной администрации по предотвращению конфликта, слабость бакинской полиции, неслаженность действий гражданского и военного начальства привели к падению авторитета власти в обществе. Требовалось принятие неотложных мер, как для умиротворения края и предотвращения возможных столкновений в будущем, так и для поднятия престижа власти. Для этого правительством был предпринят ряд мер, в числе которых можно назвать восстановление наместничества на Кавказе и назначение сенаторской ревизии для выяснения причин происходивших событий.

Наряду с этим, соответствующие шаги были предприняты и высшей кавказской администрацией. В частности, 12 февраля 1905 г. исполняющий обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-лейтенант Я.Д. Малама направил генерал-адъютанту, князю И.Г. Амилахвари письмо следующего содержания: «В целях окончательного успокоения населения гор. Баку и прекращения возникшей там между армянами и мусульманами взаимной вражды, выразившейся в целом ряде кровавых столкновений, а также для расследования причин этого явления и обстоятельств, которыми она сопровождалась, я признал нужным командировать Ваше Сиятельство в г. Баку, для исполнения сего поручения, имея ввиду Ваше служебное положение при Главной Кавказской власти и Вашу полную осведомленность с характером и бытом местного населения. Вместе с сим мною предложено бакинскому губернатору, а равно и начальникам отдельных частей прочих ведомств, оказывать Вам полное содействие и предоставлять в Ваше распоряжение все необходимые материалы и данные для всестороннего и скорейшего выполнения возложенного на Вас поручения»².

Как видно, в письме содержались два важнейших поручения — умиротворение населения и расследование причин межнациональных столкновений. Несомненно, что возложение этой миссии на Амилахвари обуславливалось не только его служебным положением и знанием местных традиций, как указывалось в письме, но и свидетельствовало о высоком доверии к профессионализму и личным качествам генерала.

Иван Гивич Амилахвари (Амилахори) родился в 1829 году. Он происходил из старинного грузинского княжеского рода. Как и многие представители грузинских дворянских фамилий, он служил в русской армии, расквартированной на Кавказе. Принимал участие в Кавказской, Крымской войнах, русско-турецкой войне 1877—1878 гг., где за проявленную доблесть был награжден рядом орденов и медалей. Боевая служба настолько выдвинула князя Амилахвари из рядов сверстников, что в 1864 г., на 12-м году службы в офицерских чинах, он был произведен в полковники и в октябре того же года назначен командиром 44-го Нижегородского драгунского полка (до августа 1873 г.). В

1873 г. ему было присвоено звание генерал-майора с назначением состоять при Кавказской армии, а в 1874 г. князь был зачислен в свиту императора. С 1893 по 1897 гг. Амилахвари — командир Кавказского армейского корпуса. В 1896 г. был произведен в генералы от кавалерии, а в 1901 г. — в генерал-адъютанты ³.

Князь Амилахвари слыл на Кавказе храбрым офицером, человеком высоких моральных качеств и был почитаем кавказскими народами. Доверие к его авторитету проявилось, в частности, когда в 1886 г. за короткое время мирными средствами ему удалось успокоить население и положить конец беспорядкам в Чечне. Волнения в Чечне были вызваны слухами о том, что всеобщая воинская повинность впредь будет распространяться и на горцев. Для нормализации обстановки в Чечню был отправлен князь Амилахвари. Более 35 лет прослуживший на Кавказе, постоянно участвовавший в боевых действиях с горцами и хорошо изучивший их нравы, он смог без применения оружия успокоить чеченцев. «Добрый кунаком пришел он в Чечню и одним своим нравственным влиянием восстановил тишину и спокойствие» — докладывало кавказское начальство императору. Александр III наградил генерала орденом Белого Орла ⁴.

Черты характера и нравственные качества князя Амилахвари ярко описаны в воспоминаниях бывшего бакинского полицмейстера П.П. Шубинского: «Это был тип, теперь совершенно выродившийся, боевого кавказского генерала, проводшего большую часть жизни в походах и военных экспедициях. Не получив почти никакого научного образования, князь был обязан всем, чего достиг в жизни, своему выдающемуся природному уму и своим высоким нравственным качествам. Один из преданнейших на Кавказе царских слуг, глубоко религиозный человек, образцовый семьянин, храбрый, прямой, энергичный и решительный, несмотря на свои семьдесят восемь лет, обладавший громадным запасом здравого смысла, приветливый со всеми, кого он знал, скромный в своей частной жизни, но чрезвычайно щедрый, когда этого требовали, по его мнению, достоинство и интересы службы, превосходно изучивший Кавказ за свою долготлетнюю жизнь, чрезвычайно популярный в обществе и в кавказских войсках, князь был именно таким человеком, который в ту минуту был нужен в Баку. Он жил в то время на покое в своем обширном горийском имении, занимаясь хозяйством, но живо следил и интересовался всем происходящим на белом свете» ⁵.

Перечисленные факты дают полное представление о том, почему именно Амилахвари в 1905 г. был командирован в Баку. Это назначение было положительно воспринято в обществе, подтверждением чему, в частности, служила телеграмма, отправленная князю от эриванского городского головы И. Мелик-Агамалова. В ней были такие слова: «Поездка Ваша в Баку встретила в эриванском обществе всеобщее сочувствие. Высокие качества Вашего Сиятельства служат нам лучшим залогом, что миссия, принятая Вами на себя, прольет свет на истинное положение дела» ⁶.

14 февраля Амилахвари прибыл в Баку. Вместе с ним из Тифлиса приехали главы мусульманского духовенства и представители армянского католикоса ⁷, в задачу которых входило воздействовать на свои паствы для внесения успокоения в городе.

Находясь в Баку, князь получил 18 февраля телеграмму от Маламы, в которой сообщалось, что император Николай II своим указом объявил город Баку и Бакинскую губернию на военном положении, предоставив главноначальствующему право избрать лицо, на которое будут возложены обязанности временного генерал-губернатора. «Остановив выбор свой на Вас, прошу немедленно вступить в управление», — такими словами заканчивалась телеграмма ⁸. Назначение Амилахвари временным генерал-губернатором ⁹ стало еще одним подтверждением высокого авторитета князя и доверия, оказанного ему правительством.

В тот же день Малама отправил Амилахвари еще одну телеграмму, в которой просил распорядиться приостановить деятельность всех следственных комиссий, созданных в Баку для расследования февральских столкновений¹⁰. Подобные общественные комиссии, действовавшие без всяких законных оснований, преследовали вполне конкретную цель — доказать причастность властей к организации межнационального конфликта. Их деятельность, естественно, не способствовала умиротворению, к чему была призвана миссия князя Амилахвари.

Исходя из данного поручения, Амилахвари намеревался собственной властью образовать следственную комиссию и пригласить в нее представителей губернской и городской администрации, председателя и прокурора Бакинского окружного суда, а также представителей общественности¹¹. Комиссия провела всего одно заседание, которое носило совещательный характер. Причиной ее непродолжительной деятельности стало назначение 2 марта 1905 г., согласно Высочайшему повелению, сенаторской ревизии города Баку и Бакинской губернии. В задачу ревизии, порученной сенатору А.М. Кузминскому, входило тщательное изучение политических, экономических, национальных и религиозных проблем, системы административного управления в Баку и губернии.

Первым шагом князя Амилахвари на посту генерал-губернатора стало обращение к населению. В обращении содержался призыв к благоразумию и спокойствию, восстановлению мирного течения жизни, выражалась уверенность, что уважаемые и влиятельные в обществе лица придут к нему на помощь, своим примером и влиянием будут способствовать принуждению остальной части населения к порядку. В обращении содержалось и предупреждение о том, что малейшая попытка нарушить порядок будет немедленно подавлена¹².

Твердую руку нового руководителя общество почувствовало сразу. 22 февраля генерал-губернатор издал свой первый приказ, объявив всем учреждениям, должностным лицам, населению о введении военного положения и предложив во всех случаях, установленных законом, входить к нему с соответствующими представлениями, а в необходимых случаях испрашивать его распоряжения¹³.

Князя Амилахвари можно с полным основанием отнести к числу тех администраторов, которые в период Первой русской революции отдавали предпочтение жестким и решительным действиям в противовес либеральным мерам. Российская действительность того времени показала, что в начале революции губернаторы (за редким исключением) оказались не готовы пойти на репрессивные действия с применением оружия против демонстрантов и забастовщиков в городах и крестьян, поджигающих помещичьи усадьбы, в деревнях. Именно в этот период свыше 20 губернаторов были убиты либо разъяренной толпой, либо в результате террористических актов¹⁴. В связи с этим действия временного бакинского генерал-губернатора были вполне оправданными, учитывая напряженную ситуацию, как в Баку, так и в целом, на Кавказе. К числу наиболее жестких мероприятий Амилахвари, к тому же вызвавших шквал критики со стороны революционных партий, относится его приказ о передаче в ведение военных судов ряда политических и уголовных преступлений. Согласно этому приказу, из общей подсудности были изъяты и подчинены ведению военного суда такие преступления, как вооруженное сопротивление властям, нападение на войска, полицию, на всех должностных лиц при исполнении ими обязанностей службы, нападение одной части населения на другую, сопровождавшееся убийствами, погромами и поджогами, а также употребление взрывчатых веществ с преступными целями¹⁵.

28 февраля Амилахвари издал обязательное постановление, согласно которому, без особого разрешения генерал-губернатора запрещалось: ношение любого оружия (кроме лиц, состоящих на военной и полицейской службе), содер-

жание складов оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, торговля ими. Под запрет попадали всякие сходки и собрания, направленные против государственного порядка и общественного спокойствия. Все служащие в типографиях, литографиях и тому подобных заведениях должны были непременно иметь свидетельства о благонадежности. Воспрещалось ходить по домам с какими бы то ни было подписками и производить всякие денежные сборы, кем бы и с какой бы целью таковые не предпринимались. Исключение составляли лишь те случаи, когда на это было дано прямое разрешение властей, или когда право сборов предусмотрено уставами благотворительных и иных учреждений. Нарушившие пункты данного постановления подвергались заключению в тюрьмы или крепости на срок до 3 месяцев или штрафу до 3 тыс. рублей ¹⁶.

Редакторам выходивших в Баку газет было предписано все материалы, до их присылки на цензуру, представлять генерал-губернатору для получения разрешения ¹⁷. Следует отметить, что князь Амилахвари придавал большое значение роли прессы, особенно в умиротворении общества. Этим объясняется его решение, принятое в мае 1905 г., о запрете выпуска газеты «Бакинские известия», возбуждавшей население своими статьями ¹⁸.

Стремление восстановить мир как можно быстрее было главной задачей генерал-губернатора, поэтому в его деятельности, наряду с жесткими мерами, неизменно присутствовали и политические способы. Эту способность Амилахвари воздействовать на людей словом и собственным авторитетом отмечали его современники: «... князь Иван Гивич старался везде, где мог, влиять на людей мерами нравственного воздействия, успокоить и обезоружить их, не обостряя еще больше отношений и не подливая масла в без того ярко горевший пожар. Этот взгляд на дело, систематически проводимый в жизнь, имел самые благотворные последствия. Мне трудно было бы перечислить многочисленные примеры, когда князь силой своего нравственного воздействия на людей обезоруживал их, успокаивал и обращал на путь истины самых крайних и беспокойных, почти совершенно потерянных субъектов...» ¹⁹

Серьезное внимание уделял генерал-губернатор вопросу увеличения численности войск в Баку. Несмотря на прекращение межнациональных столкновений, достичь полноценного мира так и не удалось, ибо в городе то и дело происходили рабочие забастовки. В связи с этим возникала необходимость сосредоточения в Баку усиленного воинского контингента. Состав Бакинского гарнизона был увеличен до 8 тыс. чел., которых по приказу генерал-губернатора расположили в разных частях города, сделав почти невозможным проявление каких бы то ни было новых уличных беспорядков ²⁰.

По просьбе Амилахвари в марте 1905 г. из Тифлиса в Баку были командированы еще один взвод Кавказской гренадерской артиллерийской бригады и 2-й Хоперский полк ²¹. Факт присылки по просьбе князя дополнительных сил представляет интерес с той точки зрения, что изначально высшая кавказская администрация намеревалась сократить численность войск в Баку. Так, 13 февраля 1905 г., то есть через 4 дня после окончания межнациональных столкновений, Малама в письме Амилахвари просил его во время поездки в Баку «определить степень необходимости нахождения ныне там всего количества командированных войск или продолжительность такового пребывания и, наконец, с какого времени возможно было бы начать отправлять войска в свои штаб-квартиры» ²². Такая мера выглядела бы не только необдуманной, но и была чревата серьезными последствиями, ибо спокойствие оставалось довольно хрупким. В этой связи к несомненной заслуге Амилахвари следует отнести не только инициативу не выводить войска из Баку, но и усилить их дополнительными резервами.

В период нахождения князя на посту временного бакинского генерал-губернатора в городе прошли две крупные забастовки. 1 апреля 1905 г. прекра-

тили работу бакинские железнодорожники, требовавшие введения 8-часового рабочего дня, улучшения условий труда, повышения заработной платы, освобождения арестованных за участие в стачках рабочих и т.д. Действия властей не заставили себя долго ждать. Железные дороги Бакинского района были объявлены на военном положении, по приказу генерал-губернатора было арестовано около 400 забастовщиков, на железнодорожную линию перебросили войска. Выступление было подавлено²³.

Более крупной по своим масштабам стала майская забастовка бакинских рабочих, переросшая во всеобщую и охватившая предприятия свыше 100 фирм. Бастовавшие рабочие предъявили политические и экономические требования, часть которых была удовлетворена владельцами предприятий. В результате майская забастовка 1905 г. прекратилась без применения репрессивных мер со стороны властей²⁴.

Одним из самых тяжелых эпизодов в период деятельности Амилахвари на посту генерал-губернатора стало убийство террористами бакинского губернатора князя М.А. Накашидзе, которого Амилахвари знал лично по многолетней службе на Кавказе. Князь был убит 11 мая 1905 года. Бакинский полицмейстер П.П. Шубинский так описал состояние Амилахвари после этого чудовищного теракта: «Трагическая смерть князя Накашидзе сильно повлияла на престарелого князя Ивана Гивича. Он заметно похудел, осунулся и начал хворать. Тяжелое его настроение усилилось еще известием о цусимском поражении нашего флота, на который он возлагал большие надежды, горячо интересуясь исходом кампании...»²⁵

21 мая 1905 г. было опубликовано последнее обращение временного генерал-губернатора к населению Баку. Оно было вызвано слухами о готовящихся в городе беспорядках. Амилахвари, обращаясь к духовенству и влиятельным лицам всех национальностей, просил их успокоить население и уверить его, что слухи эти нелепы и безосновательны, а также предупреждал всех, кто предпримет попытки дестабилизировать ситуацию, что такие попытки будут подавлены беспощадно всеми имеющимися в распоряжении властей средствами. Обращение генерал-губернатора заканчивалось следующим призывом к населению: «Довольно всяких волнений, беспорядков и неосновательных опасений, так тяжело отзывающихся на благосостоянии города и его обывателей. Призываю всех граждан к благоразумию, спокойствию и мирному труду, прошу иметь доверие к власти и в случае какой-либо попытки неблагонамеренных лиц произвести беспорядки не пугаться, не волноваться и не толпиться на улицах, во избежание случайных несчастий»²⁶.

Тяжелые месяцы работы на посту генерал-губернатора, нравственные потрясения, беспокойство за семью, оставшуюся в Гори, побудили князя Амилахвари просить наместника об отставке. В начале июня 1905 г. эта просьба была удовлетворена, князь уехал из Баку в родной Гори. Там он скончался в августе месяце, на 77-м году жизни.

Новым временным генерал-губернатором Баку и Бакинской губернии был назначен генерал-лейтенант Семён Фадеев, оставшийся на этом посту до конца 1906 г., когда генерал-губернаторство было упразднено, а вместо него учреждено Бакинское градоначальство.

В целом, деятельность князя Амилахвари на посту временного генерал-губернатора Баку и Бакинской губернии можно охарактеризовать как результативную. Он справился с возложенной на него миссией по умиротворению общества. Доказательством этого служит тот факт, что во время исполнения им своей должности в Баку не было межнациональных столкновений. Князь, используя имеющиеся в его распоряжении ресурсы, как репрессивные, так и административные, а также благодаря своему высокому авторитету в обществе,

умело вел борьбу со всеми попытками дестабилизировать ситуацию и спровоцировать беспорядки. Опыт деятельности князя Амилахвари на посту бакинского генерал-губернатора показал, что выбор его кандидатуры на ответственный пост в столь сложное для Баку время был верным и себя оправдал.

Примечания

1. РАХМАНИН Н.Т. Исторический опыт деятельности российских властей по преодолению системного кризиса на Кавказе в 1905—1907 гг. — Вестник Екатеринбургского института. 2012, № 2 (18), с. 129.
2. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 5.
3. ФЕДОРЧЕНКО В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск-М. 2003, с. 50.
4. КУЛИКОВ А., РУНОВ В. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. М. 2013, с. 79.
5. ШУБИНСКИЙ П.П. Убийство князя М.А. Накашидзе (из воспоминаний очевидца). — Исторический вестник. Т. XXXV, 1914, февраль, с. 554—555.
6. ГИА АР, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 6.
7. Там же, ф. 389, оп. 7, д. 827, л. 16.
8. Там же, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 7.
9. Ввиду того, что военное положение вводилось как временная, чрезвычайная мера, должность, которую занял Амилахвари, официально называлась «временный генерал-губернатор города Баку и Бакинской губернии».
10. ГИА АР, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 12.
11. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1, л. 12.
12. Там же, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 20.
13. Там же, л. 19.
14. ЛЫСЕНКО Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX вв.). М. 2001, с. 105.
15. Рабочее движение в Баку в годы Первой русской революции. Документы и материалы. Баку. 1956, с. 87—88.
16. ГИА АР, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 50—53.
17. Каспий. 20.II.1905, № 28, с. 1.
18. Там же. 18.V.1905, № 91, с. 1.
19. ШУБИНСКИЙ П.П. Ук. соч., с. 555.
20. Там же, с. 554.
21. ГИА АР, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 101.
22. Там же, л. 3.
23. История Азербайджана. Т. 2. Баку. 1960, с. 562.
24. Там же, с. 566—567.
25. ШУБИНСКИЙ П.П. Ук. соч., с. 577.
26. ГИА АР, ф. 484, оп. 3, д. 4, л. 210.

История развития миссионерского служения Русской православной церкви

Б.А. Ершов, В.Н. Фурсов

Аннотация. В работе рассматриваются наиболее значимые исторические периоды миссионерского служения Русской православной церкви в России и за ее пределами. Особое внимание уделяется межрелигиозному диалогу, с помощью которого Церковь обозначает и отстаивает свою позицию по социально важным вопросам. Необходимость изучения данного аспекта темы связана и с тем, что, несмотря на восстановление традиционных духовных ценностей, продолжают активно развиваться оккультные и сектантские организации.

Ключевые слова: церковь, священник, государство, образование, миссионерство, народ, благотворительность.

Abstract. The work discusses the most significant historical periods of missionary service of the Russian Orthodox Church in Russia and abroad. Special attention is given to inter-religious dialogue. Through this dialogue, the Church represents and defends its position on important social issues, for example, is the observance of moral norms and values. The importance of studying this aspect of the theme connected with the fact that, despite the restoration of traditional spiritual values, however, continue to develop the occult and the sectarian organizations.

Key words: church, priest, state, education, missionary work, people, charity.

На сегодняшний день в связи с трансформацией сознания и политической обстановки в России у исследователей появилась возможность дать беспристрастную оценку историческому опыту миссионерского служения Русской православной церкви. В этой связи выстраивание конструктивного диалога Православной церкви с другими религиями является приоритетной задачей духовенства и всего общества.

При написании работы использованы как опубликованные, так и архивные материалы. Среди первой группы источников можно отметить «Полное

Ершов Богдан Анатольевич — доктор исторических наук, профессор Центрально-Черноземного государственного инженерного университета. E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru; *Фурсов Владимир Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: vspihist@rambler.ru.

Ershov Bogdan A. — doctor of historical sciences, professor of the Central Chernozem State Engineering University. E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru; *Fursov Vladimir N.* — doctor of historical sciences, professor, holder of the chair of the Voronezh State Pedagogical University. E-mail: vspihist@rambler.ru.

собрание нормативных актов Российского государства», а также изобразительные, вещественные и письменные документы, представляющие панораму быденной жизни новокрещенных. Используются материалы церковно-приходских школ и семинарий, свидетельства о принятии православной веры населением Алтая и Центрального Черноземья.

Вторая группа источников представлена материалами Государственного архива Воронежской области и Государственного архива Курской области. В них дается целостная картина миссионерского служения Православной церкви не только в области образования, но и в обрядовой деятельности.

В исследовании соблюдена хронологическая последовательность явлений и событий, дана оценка фактам, исходя из конкретных реалий наиболее значительных исторических этапов миссионерского служения Православной церкви.

Историки и общественные деятели стали проявлять интерес к изучению миссионерского служения Церкви во второй половине XIX в., когда была осознана его польза для общества и государственных структур.

В 1869 г. в Казани вышла «Грамматика алтайского языка», авторами которой являлись молодой иеромонах, служивший в Алтайской церковной миссии, митрополит Московский Макарий Невский и востоковед Н.И. Ильминский — педагог Казанского университета и Казанской духовной академии. Содержание этого труда было необычным, об этом говорило присутствие этих имен на обложке книги. Эта книга предназначалась не только для миссионеров и церковного читателя, но и для светской науки, потому что будущий митрополит одним из первых открыл народ Алтая, таинственный для европейцев. «Грамматика алтайского языка» обобщала опыт диалога российской науки и Церкви и выводила этот диалог на новые рубежи¹. Христианизация на Алтае происходила сразу же после прихода сюда русского населения, но полноценная системная деятельность по просвещению сибирского населения возникла в XVIII веке.

В начале XX в. вышел труд В. Введенского, в котором автор говорил о роли церковных братств в миссионерском служении Русской церкви. Он полагал, что братства являются ключевым институтом, консолидирующим православное население на борьбу с инородческими учениями, распространение которых было сопряжено с опасностью для национальных интересов страны².

В работе Н.А. Смирнова раскрываются миссионерские методики работы Церкви. Автор на основе документов общероссийских миссионерских собраний приходит к выводу, что деятельность епархиальных миссий играла важную роль в деле просвещения населения³.

Своей конструктивной позицией выделяется труд П.Н. Зырянова. В данной работе ученый констатировал стремление Православной церкви во время первой русской революции усилить свою интегративную роль в обществе, которая проявлялась в масштабном расширении пропагандистской работы. В частности, упоминается использование Церковью духовной литературы, устройство публичных собраний, библиотек и беседований, проходящих вне Церкви. Хотя автор отмечает, что это были крайне редкие случаи⁴.

В 1960 г. вышла фундаментальная работа коллектива авторов по истории Сибири. Второй том данной работы включал материалы по христианизации коренного населения Сибири⁵.

Известный историк Грекулов Е.Ф. рассматривал служение Церкви в период 1905—1917 годов. Он утверждал, что деятельность Церкви была тесно связана с реакционной политикой государства, именно светская власть непримиримо относилась к инославным конфессиям⁶.

Другой ученый, В.Г. Овчинников, в своей статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории», ключевой задачей Церкви с момента принятия хрис-

тианства считал политическую задачу, которая, по его мнению, была неразрывно связана, с одной стороны, с сохранением русской традиционной культуры, а, с другой стороны, с необходимостью проведения общей правительственной политики, направленной на консервацию имеющихся социальных отношений. В итоге кризис самодержавной власти привел к кризису в самой Церкви ⁷.

Таким образом, миссионерское служение Православной церкви, по мнению многих ученых, дает возможность раскрыть эффективные методы работы по религиозно-нравственному просвещению населения российского государства, при этом основой упор исследователей был сделан на эволюции миссионерской работы Церкви и ее трансформации в различные исторические периоды.

Необходимо отметить, что в ходе исторического развития стран, в том числе и России, были сформулированы основные задачи миссионерства, в соответствии с которыми возникли внешняя и внутренняя миссии Русской церкви.

Внутренняя миссия была ориентирована на прихожан, охватывая тех, кто был крещеным, но мало просвещенным в православных догматах. Неотъемлемой составляющей этой миссии являлось духовное просвещение людей. Русское православное миссионерство достигло наиболее существенных результатов внутри России в XIX веке. Период XIX столетия, по сведениям церковных историков, был противоречивым, но на фоне неблагоприятных тенденций можно выделить широкое развитие миссионерско-переводческой деятельности Православной церкви. Подобная деятельность Православной церкви была основным признаком времени правления митрополита Филарета Дроздова, когда богословское образование стало таким же фундаментальным, как светское, и между двумя образовательными системами обозначился продуктивный диалог. В эпоху Филарета в отношениях между светской наукой и Православной церковью произошли значительные изменения, которые сделали эти отношения конструктивными и целенаправленными. В это время появились новые труды православных миссионеров архимандритов Палладия Кафарова, Гурия Карпова, Макария Глухарева, Аввакума Честного, которые соединили богословие с фольклористикой, этнографией, лингвистикой и естествознанием ⁸.

Однако, вместе с успехами православного миссионерства, в просветительской деятельности Церкви в этот период возникают трудности, которые обусловлены утратой обществом православных мировоззренческих основ; распространением враждебных христианству идей; активизацией сект, деятельность которых была направлена против политики российского бюрократического аппарата. Против миссионеров архимандритов, а также других видных переводчиков-библеистов, самостоятельно занимавшихся толкованиями и переводами Священного писания, синодальная бюрократия применяла репрессии, что мешало диалогу Церкви и светской науки. Но этот диалог не прерывался, крупнейшие научные труды, принадлежавшие богословию и лингвистике, помогали преодолеть возникавшие проблемы.

В XIX в. миссионерское служение характеризовалось тем, что сформировались принципы миссионерской деятельности, которые заключались в том, что население не просто знакомилось с православной верой и крестилось, но была создана долговременная повседневная жизнь по канонам Православной церкви. Одним из тех священников, которые организовали такую работу, был Макарий Алтайский (1792—1847), который являлся проповедником и просветителем на Алтае. Он родился в Вязме в семье священнослужителя, закончил семинарию в Смоленске, затем духовную академию в Санкт-Петербурге, получил назначение инспектора и профессора семинарии в Екатеринбург. В 1819 г. Макарий был рукоположен в монахи и в 1821 г. поставлен на должность ректора семинарии в Костроме в сане архимандрита. Когда ему доложили о возмож-

ности проповедовать православную веру в Сибири, то он сразу же выехал на Алтай, чтобы все свое служение посвятить этому благородному делу. В 1830—1843 гг. Макарий возглавил духовную миссию для «сибирских народов». Он поселился в Бийске, а затем перевел свою миссию на Урал. Здесь Макарий возвел храм, в отдаленных поселениях основал приходы Русской церкви с миссионерскими целями.

При его непосредственном участии было построено 3 школы и больница, это было сделано для того, чтобы оградить от воздействия шаманов крещенных в православие. Но самым значительным делом Макарий считал перевод кочевников на постоянное место жительства, что способствовало совместной жизни и общению с православными жителями Алтая. Макарий внес существенный вклад в изучение алтайского языка, при нем был составлен словарь местных наречий, осуществлен перевод духовных книг на язык местного населения. Его последователи успешно продолжали эту работу. Немалое значение придавалось духовному образованию женщин, поскольку через них знания передавались детям. С этой целью были созданы общины сестер милосердия. Одну из первых таких общин учредила София де Вельмон, которая перешла в православную веру. В дальнейшем на основе этой общины в 1881 г. был образован монастырь для девушек. Проводя службу на Алтае, Макарий всегда помнил о всех стремящихся постичь основы православия. Для них он перевел с древнего иврита на современный русский язык Ветхий Завет. Однако его деятельность в этом направлении не принесла успехов. В 1843 г. его определили на службу в Болховско-Оптин монастырь, где он вскоре сильно заболел и скончался в 1847 году. В 2000 г. преосвященный Макарий Алтайский был причислен Православной церковью к лику святых ⁹.

Во второй половине XIX в. историки, публицисты, общественные деятели обращали внимание на существенные различия в жизненном укладе старообрядцев и православных, проживающих в государстве. Исследователи раскола в 1880 гг. писали, что предшественники обращали внимание только на разницу в обрядах староверов и официального православия и не хотели видеть, что мирозерцание старообрядцев выстроено на других началах, по сравнению с православием. По материалам Российского государственного исторического архива за 1850—1860 гг., «крестьяне, которые жили рядом со староверами, считали “раскольническую веру” святой, по-настоящему христианской, и только одна эта вера может спасти».

Православные крестьяне говорили: «Мы во Христа веруем, но мы люди мирские, суетные... Христиане те, что молятся по старой вере, не по-нашему, а нам некогда». В 1878 г. один из крестьян Воронежской губернии в ответ на «противораскольническую» речь говорил православному миссионеру, что «если б не староверы, мы бы и в Церковь не ходили. А когда посмотришь на староверов, за себя становится стыдно». С одной стороны, благодаря старообрядцам, в селениях Воронежской губернии сохранились православные традиции, а с другой стороны, религиозные «ревнители старины» раздражали Православную церковь, которая принимала меры для более скрупулезного духовного ознакомления прихожан ¹⁰.

В 1906 г. в Воронежской губернии было обнародовано обращение о распространении православия между атеистически настроенными гражданами. В обращении отмечалось, что в России в Поволжском регионе, в Крыму, на Кавказе живет немало язычников. В Москве епископом Иннокентием было создано Миссионерское православное общество, которое поддерживало христиан в отдаленных городах России. Так, в частности, по докладу Миссионерского православного общества на отдаленных территориях было обращено в православие примерно 3000 человек. Епископ Иннокентий отправил данное посла-

ние во все епархии Российского государства с целью сбора денег на распространение православия. Обращение было передано во все храмы Воронежской губернии, в которых постановили учредить сбор средств на распространение православной веры ¹¹.

Миссионерское служение Православной церкви было тесно связано с образованием православных миссионерских Братств. Одно из них было организовано в Курской губернии в 1891 году. Курское Братство святого Феодосия Печерского располагалось в здании училища. Главными задачами Братства были «утверждение и распространение среди жителей нравственно-религиозного образования в духе православной веры, ослабление раскола, обращение раскольников в православие и ограждение от вредоносного влияния со стороны раскольников православных жителей Курской губернии. Из отчетных сведений Братства видно, что оно для достижения своих целей вело очень энергичную работу. В городах и деревнях губернии постоянно организовывались торжественные чтения книг религиозного содержания силами представителей Братства, в качестве лекторов также выступали местные приходские настоятели, которые закончили семинарии. Братство распространяло «противораскольничью» литературу, организовывало публичную полемику со старообрядцами, для которой была организована библиотека. Ежегодно на борьбу с расколом Братство тратило около 10 тыс. рублей ¹².

За пределами России миссионерское служение Православной церкви было ориентировано на тех, кто пребывал вне церковных постулатов. Приверженцами внешнего миссионерского служения являлись представители разнообразных верований и носители как церковных, так и светских убеждений. Результатом данного служения являлось образование церковных общин и приобщение новых мирян к духовной жизни в Церкви. До 1917 г. Православная церковь реализовывала свою миссионерскую работу в Корее, Японии, Северной Америке, Китае. Проповеди сопровождались образованием церковных братств из числа вновь обращенных, велась активная переводческая деятельность, шло строительство церквей и храмов, библиотек и лечебниц.

Ярким примером такой работы была Японская миссия, которая являлась плодом стараний миссионера-святителя Николая Японского. Эта миссия возникла с основания одной церкви при русском дипломатическом представительстве, в дальнейшем она воплотилась в формирование автономной японской православной церкви. 16 декабря 1875 г. был издан указ Александра II об открытии повсеместно в России сбора пожертвований в пользу православной Японской миссии. Это объяснялось следующими обстоятельствами: во-первых, миссионеры приехали из разных местностей и многие из них вынуждены состоять на содержании православной Японской миссии от 3 до 6 месяцев. Во-вторых, при миссии находятся 12 учеников, подготавливаемых для проповедования слова Божья. В-третьих, для христианских детей при миссии основано училище, где находятся 60 учеников. Кроме того, миссии необходимы средства на вторичное издание духовных книг. Для удовлетворения всех этих потребностей глава Японской духовной миссии архимандрит Николай ходатайствовал о ежегодном выделении миссии 4800 рублей. Данный Указ был направлен во все губернии Российской империи, в том числе и Центрального Черноземья. Воронежская духовная консистория постановила объявить о сборе пожертвований на нужды православной духовной миссии в Японии с тем, чтобы все сборы были доставлены в Воронежскую духовную консисторию в течение года. Подписал данное постановление протоирей Евлампий Святозаров. Данная миссия и сегодня продолжает свое служение ¹³.

Плодом долгих подвижнических усилий русских миссионеров в Китае стало образование Автономной китайской церкви, восстанавливающейся после

тяжелого периода «культурной революции». Кроме того, русское миссионерское служение распространилось и на Америку, где Американская православная церковь получила независимость от Русской церкви в 1970 году ¹⁴.

В дореволюционный период миссионерское служение Русской церкви проводилось организованно и масштабно, но после установления советской власти это служение в прежних формах стало невозможным. Миссионерское служение сохранило свои частичные постулаты только за пределами страны, а внутри оно свелось к личной работе со стороны священников и прихожан, нередко сопровождавшейся репрессиями и жертвами.

Некоторое возрождение массового миссионерского служения произошло в СССР в период Великой Отечественной войны, прежде всего на территориях, оккупированных фашистами. Значительная заслуга в возрождении духовной жизни на оккупированных территориях принадлежала Псковской духовной православной миссии. Результаты ее работы в виде сотен открытых церквей, восстановленных приходов, рукоположенных священнослужителей были видны наглядно еще в течение нескольких десятилетий после завершения войны. В послевоенный период в СССР были открыты новые епархии, прежде всего, на территории Белоруссии и Украины. С 1946 по 1949 г. появилось почти 4500 приходов. Кроме того, создавались религиозные просветительские учреждения. Тем не менее, нужно помнить, что репрессивные методы воздействия на священников продолжались ¹⁵.

В послевоенное время церковное образование оставалось лишь в семьях. Наставления священников, например Всеволода Шпиллера из Николо-Кузнецкой церкви, собирали большое число людей, преимущественно из интеллигенции, и очень часто могли иметь самые тяжелые последствия для священника. Лишь связи с Болгарией смогли повлиять на служение отца Всеволода. В то же время за энергичную проповедническую работу в ссылку был отправлен священник Иоанн Крестьянкин и многие другие.

В 1950 г. была предоставлена независимость Польской и Чешской церквям, признана независимость Церкви в Финляндии, было возобновлено общение с Православной церковью в Болгарии. Некоторые эмигрантские общины, ранее отделившиеся, перешли под управление Патриархата в Москве. Были также налажены связи с иными Поместными Церквями. Возглавлял это движение руководитель отдела церковных внешних отношений митрополит Николай (Ярушевич), который посещал многие государства Ближнего Востока и Европы. В 1950 г. была опубликована Библия на русском языке. Но по настоящему масштабное миссионерское служение Церкви стало возможным только после обретения Церковью свободы действий в 90-х гг. XX века. Духовное служение Русской церкви, как и проповедь, оставалось главным приоритетом духовенства. Однако в настоящее время помимо непосредственного служения Церкви особенное значение приобрело «служение присутствия», то есть формулирование православных установок в различных сферах культурной и общественной жизнедеятельности страны. В 2007 г. на заседании Святейшего Синода Православной церкви была утверждена «Доктрина миссионерской работы Русской Церкви». В ней выражены цели, а также общие принципы миссионерской деятельности, определены приоритеты служения священников, проанализированы методы и задачи миссионерского служения ¹⁶.

Можно выделить следующие задачи миссионерского служения:

1. Распространение информации об истории православия, о Русской церкви, о культуре православных, разъяснение позиции Церкви обществу по обширному кругу проблем при помощи средств массовой информации.
2. Участие священников, а также прихожан, в нравственно-культурной работе с целью реализации православных постулатов.

3. Помощь Церкви различным категориям нуждающихся, прежде всего, бедным и обездоленным.

4. Личный пример, который должен быть показан не голословно, а совершением добрых дел с целью духовного постижения жизни.

Данным задачам можно следовать не только в тех государствах, где утвердилась культовая и мировоззренческая свобода взглядов, но и там, где по политическим и другим мотивам не признано право на свободу вероисповедания и религиозных убеждений¹⁷. Особое значение в некоторых странах имело личное отношение священников к своим обязанностям.

Церковь всегда старалась воспитывать уважение и любовь к любому человеку, каким бы религиозным воззрением он не следовал, при этом Церковь находила такие формы служения, которые были приемлемы при том или другом политическом, религиозном и социальном строе. Русская церковь на сегодняшний день вовлечена в межрелигиозный диалог в разнообразных формах и на различных уровнях, тем самым она отстаивает свою позицию по социально важным вопросам, таким как соблюдение нравственных норм и ценностей, приоритет справедливости, защита окружающей среды, уважение человека труда¹⁸.

Православная церковь стремится объективно оценивать систему религиозных верований и практику иных религий. По отношению к мирянам, которые стараются соблюдать церковные каноны, позиция Церкви состоит в том, чтобы проповедовать принципы любви и уважения. Как говорил русский миссионер святой Иннокентий, являвшийся митрополитом Московским, «если проповедь не будет нести любви к тем, кому это необходимо, то и самое прекрасное слово священника может потерять всякий смысл, поскольку только нравственность созидает». Такая позиция Церкви помогает вести диалог с представителями различных мировоззрений и религий, содействуя тем самым преодолению проблем и упрочению солидарности между народами¹⁹.

В настоящее время в современном мире происходят процессы глобализации, идет общественное расслоение. Массовые миграции населения сопровождаются насилием, нарастают угрозы терроризма и экстремизма. Поэтому необходимо найти возможность примерить разные народы. Такой принцип должен стать одним из главных постулатов миссионерского служения²⁰.

На протяжении длительного исторического периода епархии Русской церкви, находящиеся за пределами России, изначально создавались для заботы о людях, попавших в трудную жизненную ситуацию. Для многих из них православная вера смогла стать источником духовных знаний. Православная церковь всегда строго соблюдала нормы церковного права и не вела миссионерского служения на тех территориях, где имелись другие Поместные православные церкви.

Согласно церковным канонам, священникам надлежит вести службу только там, где расположена родная епархия. В то же время Русская церковь всегда была открыта для всех, кто стремился понять истину православия, поэтому в тех странах, где действуют принципы свободы вероисповедания, переход в Православие отдельных жителей, ранее исповедующих другую религию, являлся следствием их личного выбора. Там, где православие было второстепенной религией, миссионерское служение шло через вовлечение мирян в дела благотворительности и милосердия, поскольку язык добра ясен для всех людей, культур и религий²¹.

Таким образом, миссионерское служение Русской церкви на протяжении всей истории способствовало духовному единению культур посредством живой проповеди, через воплощение духовных идеалов. Роль русских миссионеров в формировании межрелигиозных связей России с разными государствами мира

была огромна. Российские миссионеры переводили духовную литературу на японский, финский, китайский, калмыцкий и прочие языки. В государствах Востока и в иных регионах мира появились православные часовни, которые представляли собой эталоны российского зодчества.

Примечания

1. ЕФИМОВ А. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М. 2009, с. 56.
2. ВВЕДЕНСКИЙ В. Православные братства (1864—8 мая 1914 г.). СПб. 1914, с. 5.
3. СМИРНОВ Н.А. Миссионерская деятельность Церкви (вторая половина XIX — 1917 г.). В кн.: Русское православие: веки истории. М. 1989, с. 450—451.
4. ЗЫРЯНОВ П.Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М. 1984, с. 85.
5. АНДРЕЕВ А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М. 1960, с. 186.
6. ГРЕКУЛОВ Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (II половина XIX — начало XX в.). М. 1969, с. 175.
7. ОВЧИННИКОВ В.Г. Православная Церковь в истории нашей страны. — Вопросы истории. 1988, № 5, с. 111—121.
8. BELICH I. The folklore of the Siberian tatar in «The Historu of Siberia» by Remezov S. and religs shamanism. In: The International conference on shamanism. Nara. 1995.
9. КРЕСТЬЯНКИН, архимандрит. Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). М. 2016, с. 54.
10. Государственный архив Воронежской области (ГА ВО), ф. И-6. оп. 1, д. 560, л. 2об.
11. Там же, ф. И-6, оп. 1, д. 190, л. 16.
12. Государственный архив Курской области (ГА КО), ф. 20, оп. 2, д. 405, л. 92.
13. ГА ВО, ф. И-84. оп. 3, д. 60, л. 15.
14. КОСТЮК К.Н. Русская православная церковь в гражданском обществе. — Социально-политический журнал. 1998, № 2, с. 132—140.
15. Настольная книга православного миссионера: словарь по миссиологии. М. 2014, с. 34.
16. ТАНЧЕР В.К. Христианство и общественное развитие. М. 1971, с. 43.
17. ТОКАРЕВ С.А. Религия в истории народов мира. М. 1976, с. 110.
18. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995, с. 410.
19. KRAFT CH. Christianity in culture. N.Y. 1979, s. 115.
20. САХАРОВ А.Н. К изучению русской церкви. — Вопросы истории. 1968, № 6, с. 167—178.
21. HARVA V. Die religiosen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki. 1952, S. 45.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века. М. ИМЭМО РАН. 2016. 285 с.

В 2016 г. в Институте мировой экономики и международных отношений Российской академии наук увидела свет книга «Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века». Она являет собой сборник статей, а вернее сказать настоящую коллективную монографию, в основу которой положены доклады Всероссийской научной конференции. Издание охватывает многие политические и социально-экономические проблемы истории современной Франции. Однако, на мой взгляд, работа знаменательна не только разнообразием и большим количеством (30 статей) представленных материалов. Важнее то, что в этой одной монографии впервые за много лет свои исследования поместили практически все самые видные ученые-франковеды. Таким образом, книга объединила весь цвет современного отечественного французоведения. Особую ценность, представляют статьи историков и экономистов, в которых рассмотрены узловые, знаковые для истории внутренней, внешней и общественной жизни Франции события. В них также дается экскурс в историю страны второй половины XX века. Именно на таких материалах хотелось бы остановиться подробнее и высказать некоторые соображения.

В части монографии, посвященной внутриполитическому развитию страны, центральной можно с уверенностью назвать статью «патриарха» российского франковедения Ю.И. Рубинского «Франция на перепутье». В ней автор, прежде всего, обрисовывает партийно-политическую систему современной Франции. Напомним, что после второй мировой войны, в период существования Четвертой республики (1947—1958) ее отличительной чертой была многопартийность. После основания в 1958 г. существующей и поныне Пятой республики политические силы постепенно сосредоточились вокруг правого и левого полюсов. Таким образом многопартийная система пережила перестройку и стала биполяр-

ной. Рубинский останавливается на развитии главных политических сил современной Франции — левой, Социалистической партии, и правой, неоголливской, носящей сегодня название «Республиканцы». Автор совершенно справедливо отмечает, что в начале XXI в. эти две ведущие силы страны начали переживать трудности. И в той и другой четко просматривались различные идеологические течения и борьба за лидерство, что мешало единству и сплоченности партийных рядов и ослабляло их. Большое внимание автор уделил истории оказывающей огромное влияние на политику сегодняшней Франции крайне правой партии Национальный фронт (НФ). Она была основана Жан-Мари Ле Пеном еще в 1972 г. и долго не пользовалась популярностью среди французов, оставаясь маргинальной, «внесистемной» партией. Но со временем (из-за роста безработицы и притока во Францию все большего числа иммигрантов) НФ начал набирать очки. В 2002 г. Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов, обойдя при этом кандидата социалистов Леонеля Жоспена. В 2011 г. бессменный лидер НФ (в тот момент ему было уже 83 года) передал бразды правления партией своей дочери Марин. Она решила, по словам Рубинского, «положить конец “демонизации” образа НФ, придать ему облик обычной демократической партии, готовой в рамках действующей Конституции к взаимодействию со всеми остальными на равноправной основе». Марин Ле Пен «дистанцировалась от наиболее одиозных заявлений своего отца — осудила геноцид евреев, смягчила традиционное для католиков негативное отношение к абортам, сексуальным меньшинствам» (с. 93). В заключении к своей статье автор делает очень важный вывод о последующем развитии французской политической системы. Он пишет: «В обозримом будущем нельзя исключать расколов в обеих системобразующих партиях и формирования на пре-

зидентских выборах новых лево- и правопоцентристских блоков с выведением крайних флангов за рамки политического поля — как это уже бывало в 1948—1956 гг. с коммунистами и голлистами. Очевидно партийно-политическая система Франции вступает в период реформирования: биполярная структура уходит в прошлое, уступая место... более фрагментарной, и, соответственно, появлению различных вариантов формирования президентского и парламентского большинства. Заметно эволюционируют и сами критерии принадлежности партий к левому или правому лагерям. Водораздел между ними все больше проходит по отношению к глобализации и евростроительству, национальным или международным приоритетам» (с. 95). Своеобразным приложением к разделу Рубинского можно назвать статью Г. Ч. Моисеева «Жискардизм как модель политического лидерства». Она связана с деятельностью третьего президента Пятой республики Валери Жискар д'Эстена. Автор задается целью определить «жискардизм» как понятие. «На наш взгляд, — пишет он, — жискардизм представляет собой синтез личностных, социально-психологических и мировоззренческих, а также более широких, общественно-политических элементов, демонстрирует определенный характер их взаимодействия, воплощается в идейных разработках и практических мероприятиях» (с. 119). Представляется, что такое определение слишком объемно и в то же время неопределенно. Поэтому, естественно, раскрыть его в статье в полной мере Моисееву не удалось. Более интересным было бы порассуждать о конкретной политической принадлежности Жискар д'Эстена. Ведь, придя к власти, он сразу объявил: «Отныне Франция будет управляться из центра». Третьего президента Пятой республики до сих пор называют правопоцентристом, а вовсе не консерватором, как утверждает автор. Центризм как политическое направление очень актуален для сегодняшней Пятой республики. Так где искать его истоки?

Отдельный раздел книги повествует об особенностях социально-экономического развития Франции в последней четверти века. Его открывает статья А. К. Кудрявцева «Французская экономика на переломе». Автор сначала определяет место Франции в мировом эконо-

мическом пространстве и дает краткую характеристику экономики страны в современную эпоху. Ее главную проблему он видит в «накопленных структурных диспропорциях» (с. 16) и характеризует их следующим образом: снижение темпов экономического роста и старение населения, нарастающее напряжение в функционировании одной из самых развитых в мире систем социального страхования, базирующейся на распределительном принципе; неэффективность функционирования рынка труда; безработица, превратившаяся в острую социально-экономическую проблему в связи с ее массовым, молодежным (среди лиц моложе 25 лет норма безработицы примерно вдвое превосходит общенациональный уровень) и застойным характером; сбои в работе системы образования и как следствие снижение качества подготовки учащихся, высокий процент лиц, покидающих среднюю школу без аттестата зрелости; отставание Франции от ряда партнеров в области научно-исследовательской работы и оторванность сферы науки от производства (с. 16—17).

В третьем разделе книги рассматриваются различные аспекты деятельности Франции на международной арене. Выделю два материала, посвященные главным составляющим внешней политики страны — ее членству в Европейском союзе и НАТО. Известный российский ученый, исследователь истории Европейского союза (сначала ЕЭС, а впоследствии — ЕС) Ю. А. Борко выступил в сборнике со статьей «Франция в европейской интеграции: эволюция концепций и политики (1950—2015 гг.)». Он представил собственную периодизацию истории ЕС, разделив ее на семь временных отрезков (с. 221). Автор остановился на деятельности французов, внесших важную лепту в разработку концепций развития «единой Европы» и применения их на практике. У истоков создания первых общеевропейских объединений (Европейского объединения угля и стали, Европейского экономического сообщества), конечно, стоял французский бизнесмен и политик Жан Монне. Именно его идеи были заложены в их образование и деятельность. Свой важный вклад в развитие ЕС внесли практически все президенты Французской республики — Шарль де Голль, Жорж Помпиду, Валери Жискар д'Эстен, Франсуа Митте-

ран, Николя Саркози. Особое место в истории ЕС Борко отводит французскому Жаку Делору. «Практическую подготовку новой стратегии ЕЭС, — пишет автор, — возглавил новый председатель Комиссии Жак Делор, избранный в 1985 г. (лишь он занимал этот пост два срока подряд — М.А.). Будучи одним из лидеров Французской социалистической партии, креативным, энергичным и честолюбивым человеком, он мог претендовать и на пост президента. Но президентом был Миттеран, и Делор согласился возглавить высший исполнительный орган Сообщества» (с. 226). Большое внимание Борко уделяет и рассмотрению функционирования «локомотива ЕС» — франко-германскому тандему. С сожалением добавлю от себя, что в последние годы этот тандем точнее было бы назвать германо-французским, потому что покинувший пост президента республики в 2017 г. социалист Франсуа Олланд не привнес чего-то существенного в деятельность тандема, а лишь следовал в фарватере политики канцлера Германии Ангелы Меркель. Недаром историки и политологи уже окрестили внешнюю политику Олланда «заурядной», «посредственной». Отношениям Франции с организацией Североатлантического пакта посвящена статья К.П. Зуевой «Франция и НАТО: трудное партнерство в XXI веке». Следует прямо сказать, что непростым это партнерство было в период всей истории Пятой республики. Де Голль, вернувшись к власти в 1958 г., сразу начал требовать для Франции равноправного места в блоке — наравне с США и Великобританией. Когда он понял, что добиться этого не сможет, то покинул военные структуры Альянса в 1966 году. Тем не менее, после ухода генерала из политики и его скорой кончины, последующие президенты страны постепенно стали «размораживать» отношения с НАТО и вновь сближаться с ним. «Возвращение французов в Альянс в полном объеме, — отмечает Зуева, — началось еще во времена президентства Миттерана. Оно могло завершиться уже при президенте Шираке, если бы американцы согласились предоставить Франции один из важных оперативных постов в военном командовании

Альянса — пост командующего его военной группировкой на южном фланге» (с. 254). Но, как известно, этого не произошло. В военные структуры НАТО Франция вернулась уже при следующем президенте. «Объясняя мотивы, по которым Франция возвращается в НАТО, — указывает далее автор, — Саркози обосновал это тем, что страна хочет более активно участвовать в деятельности и реформировании блока в период, когда в мировой системе происходят серьезные изменения» (с. 255). На самом же деле (остается об этом только сожалеть) ни Саркози, ни затем Олланду не удалось отвоевать для своей страны достойного места в блоке (Олланд, впрочем, даже и не пытался этого сделать). Наконец, еще одна актуальная тема, отмеченная в сборнике, освещает болезненный для сегодняшней Европы вопрос о все прибывающих на ее земли иммигрантах. Об этом речь идет в статьях О.Е. Трофимовой «Миграционные тенденции во Франции: новые реалии» и Т.В. Зверевой «Франция и урегулирование миграционного кризиса ЕС». Оба материала очень информативны и интересны. В них поднят весь спектр политических и экономических проблем, связанный с жизнью иммигрантов во Франции, в частности, и в Европейском союзе в целом.

В завершение хотелось бы еще раз сказать о важности выпущенного в ИМЭМО сборника. Не сомневаюсь, что книга уже стала настольной для всех поколений историков и политологов, интересующихся историей современной Франции. Авторам же коллективной монографии хочется пожелать продолжать свои исследования и публиковать новые статьи и книги.

М.Ц. АРЗАКАНЯН

Примечания

Работа, так же как и рецензия на книгу В.П. Смирнова «Две войны — одна победа» (Вопросы истории. 2015, № 9, с. 172—175) выполнена при поддержке Российского научного фонда (Грант № 15-18-30087).

Contents

Articles: A.N. Ermolaev, A.Yu. Petrov. Commercial Relations of the Russian-American company with China in the second half of the XIX century. **Historical profiles:** S.G. Belous. T.I. Sedelinikov. **Historical publicistics:** V.N. Kolotov. The Ho Chi Minh Ideology Against the French Strategy of Blitzkrieg. **Contributions:** V.V. Filatov. Agricultural tax in the Urals on the eve of mass collectivism; A.V. Tikhonova. Evidence of the «Russian Swiss» about the revolutionary events of 1917; E.N. Marasinova. Repentance in Russia in XVIII. **Diplomacy in history:** S.B. Panin. Guard, intelligence and life support on the Russian — Afghan border (1900—1918). **History and fate:** P.V. Fedorov. From the history enlightened bureaucracy in Russia before the great reforms; N.P. Chichagov. **People. Events. Facts:** A.A. Fokin. Soviet elections in the 1960s. as a mechanism of interaction between the government and the society; F.G. Galieva. Anti-religious holidays in Bashkiria in 1923; V.A. Pogadaev. The ruler of the Javanese singhasari and Majapahit on Java state of Rajas; F.R. Jabbarov. Towards activity of prince I.G.Amilakhavari as provisional governor general of Baku in February-June 1905. **From history of religions:** B.A. Ershov, V.N. Fursov. History of the development of the missionary service of the Russian Orthodox Church. **Historiography. Reviews on books:** France on the verge of change. Economics and politics in the beginning of the XXI century (by M.Ts. Arzakanyan).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 6, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1100. Заказ 313-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**